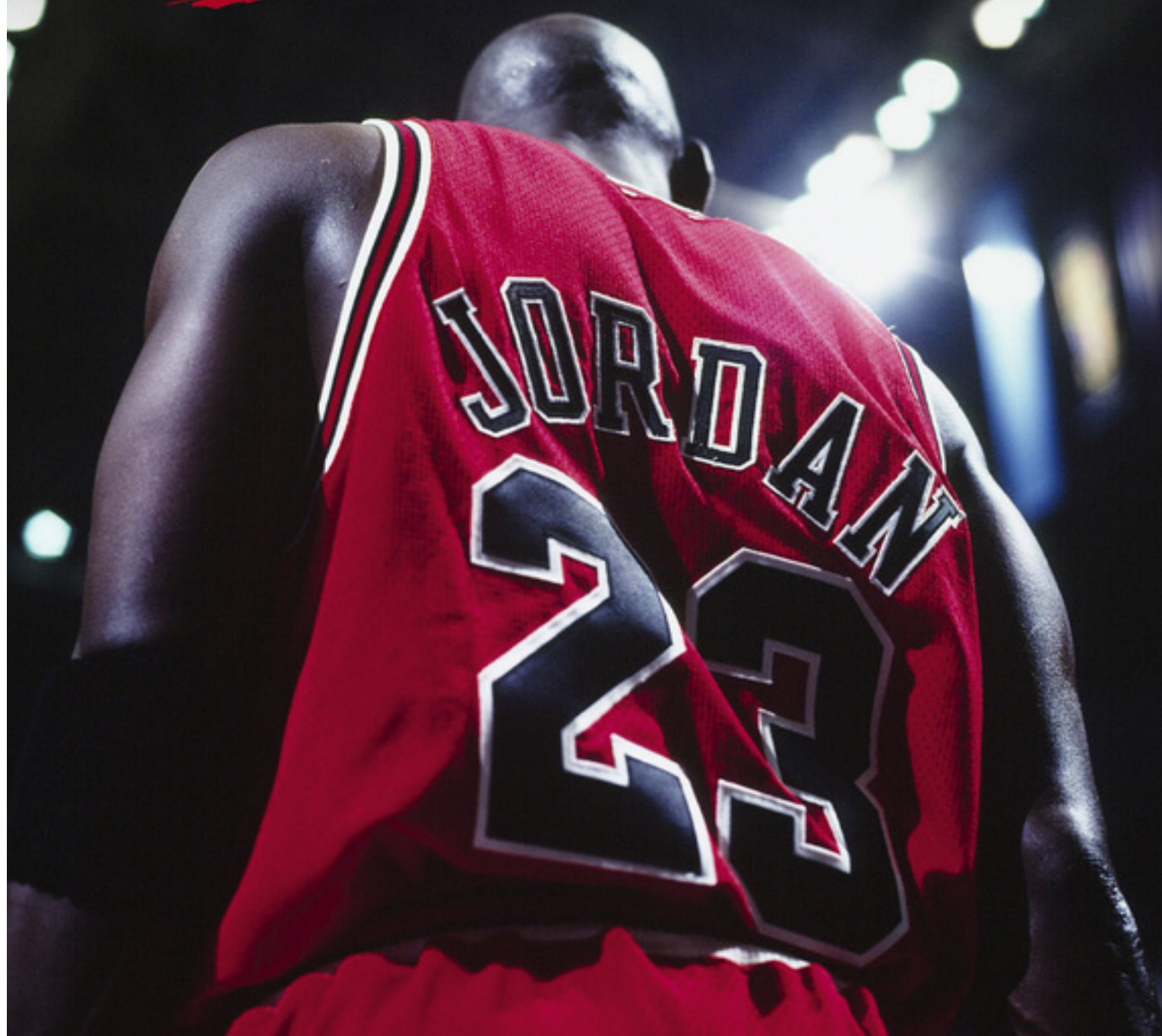

РОЛАНД ЛАЗЕНБИ

МАЙКЛ ДЖОРДАН

ЕГО
ВОЗДУШЕСТВО

Иконы спорта

Роланд Лазенби

**Майкл Джордан.
Его Воздушество**

«ЭКСМО»

2014

УДК 796.323:929 Джордан М.
ББК 75.556

Лазенби Р.

Майкл Джордан. Его Воздушество / Р. Лазенби — «Эксмо»,
2014 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-699-94371-5

Майкла Джордана называют «Богом баскетбола». Но кто он на самом деле? Журналист и писатель Роланд Лазенби сумел докопаться до истины относительно даже самых противоречивых моментов биографии Джордана. Перед вами полная биография легендарного игрока, иконы спорта и обычного человека в одном лице. Книга основана на многочисленных интервью с членами семьи Майкла, его товарищами и тренерами. Вы узнаете больше об этом удивительном культе, который сформировался вокруг Майкла Джордана за годы игры в NBA. «Откровенный и увлекательный рассказ об иконе спорта, под чьей маской скрывается одинокий и горделивый человек», — Publishers Weekly «Глубокая предыстория биографии Джордана — это то, что кардинальным образом отличает портрет баскетболиста, составленный Лазенби, от всех остальных», — The New York Times

УДК 796.323:929 Джордан М.
ББК 75.556

ISBN 978-5-699-94371-5

© Лазенби Р., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Часть II	24
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Часть III	54
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	75
Глава 9	82
Глава 10	91
Часть IV	103
Глава 11	103
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Роланд Лазенби

Майкл Джордан. Его Воздушество

Roland Lazenby

MICHAEL JORDAN: THE LIFE

© 2014, by Full Court Press, Inc. This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved

© Качалов А.А., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Глаза защитника раскрываются все шире, как и должно быть. Через мгновение перед ним предстанет все то кинестетическое великолепие, которое впервые подвигло людей изобрести технологию *slow-motion*¹, позволяющую в точности рассмотреть, что происходит в момент, когда движение ловко обманывает человеческий разум.

Обстановка до боли знакомая. Что-то треснуло и надломилось в структуре атаки команды на другом конце площадки, и это моментально разожгло пламя ответного выпада. Вся оборона теперь в спешке отступает. Защитник ускорился, бросился назад к своему кольцу и, обернувшись, увидел размытое пятно. Темная фигура в красном завладела мячом, она движется с ним, на большой скорости прокладывая себе путь сквозь окружающий хаос. Она перекатывает мяч с правой руки в левую и обеими руками поднимает его вверх, ведя в полушаге от левого бедра.

В этот самый момент ее язык вываливается изо рта. Иногда он мог лишь слегка показаться между зубами, но в этот раз выскочил целиком, гротескно вытянувшись, точно какая-то мультяшная кукла, решившая безмолвно посмеяться над защитником. В этом выражении лица словно скрывается какой-то плотоядный, непристойный даже контекст, как будто данк сам по себе недостаточно унизителен. Веками войны инстинктивно строили такие гримасы, чтобы напугать своих врагов. Быть может, здесь происходит то же самое, а может, он сказал правду и это лишь уникальное для него выражение максимальной концентрации, перенятое у отца.

Как бы то ни было, 22-летнему Майклу Джордану ясно предстала вся картина момента, и он высунул язык перед глазами защитника, словно он сам Шива, древний бог смерти и разрушения, устремившийся к кольцу. Так же быстро язык скрывается из виду, и в момент шага Джордан поднимает мяч вверх к левому плечу, переворачивает его перед своим лицом двумя руками и отрывается от пола, чуть заступив за линию штрафного броска. Защитники вжались в пространство трехсекундной зоны, но длинная и тонкая фигура уже взлетает в воздух, парит между ними и, приближаясь к цели, переводит мяч в свою громадную правую кисть. На мгновение рука взметнулась наподобие кобры, готовой атаковать жертву. Он проскользил по воздуху к кольцу, взмыв над полом в гордом одиночестве – время как будто исчезло и растворилось, – и спокойно закончил начатое. У зрителей странный глухой звук слэм-данка вызывает глубочайшее возбуждение. Он открывает у них рефлекс, как у собак Павлова, почти хищнический, какой порой проявляется в нас, когда на канале Nature показывают кадры охоты льва на антилопу.

Дуга атаки Джордана по форме выглядела почти как идеальная парабола – от взлета до приземления. Со временем профессора физики и даже один полковник Военно-воздушных сил займутся интенсивными исследованиями этого феномена, пытаясь дать ответ на вопрос, изволивший мировую аудиторию: «Майкл Джордан *летит*?» Все они будут замерять его «hang-time»², а потом заявлять, что его «полет» – лишь иллюзия, ставшая возможной благодаря импульсу, что придавала его телу скорость отрыва от земли. Чем больше они говорили о его выдающихся по силе мышцах бедер и икр, чем чаще упоминали «быстросокаращающиеся мышечные волокна» и его «центр тяжести», тем больше выглядели людьми, отчаянно сотрясающими воздух.

¹ Ускоренная киносъемка с частотой кадров, превышающей стандартную в несколько раз. Используется для получения эффекта замедленного движения при проекции фильма со стандартной частотой кадров, а также в научных целях. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Время, которое игрок проводит в воздухе при прыжке.

Все путешествие Джордана от линии штрафного броска до кольца длится от силы секунду.

Да, Элджин Бэйлор и Джулиус Ирвинг тоже умели необычно долго висеть в воздухе – но они выступали еще до появления продвинутых видеотехнологий, которые могли бы дать публике возможность посмаковать их подвиги у кольца. «Полет» Джордана же был чем-то совершенно иным, феноменом своей эпохи, олицетворявшим уход от прошлого, которое когда-то казалось невосприимчивым к будущему.

Из миллионов людей, игравших в эту игру, только он один мог летать.

Джордан и сам рассуждал на эту тему в первые месяцы своей профессиональной карьеры, когда посмотрел видеозапись своей игры. «Летел ли я? – спрашивал он. – Так мне казалось, по крайней мере, какое-то короткое время». Редчайший талант подобен комете, за долю секунды пролетающей в небесах, и доказательством его великолепия становится лишь шлейф, идущий по следу. Вся завораживающая карьера Майкла Джордана оставила болельщиков, прессу, его бывших тренеров и партнеров, даже самого Джордана недоумевать о том, что случилось, и размышления о ней одолевают их даже теперь, спустя многие годы после того, как он в последний раз выходил на паркет.

«Порой я спрашиваю себя, на что это будет похоже, если оглянуться на все происходящее, – однажды сказал он, – будет ли это все вообще казаться реальным».

А оно было реальным? В поздние годы его карьеры наступят времена, когда располневший Джордан и его изменившееся лицо станут мишенью для ядовитых насмешек, Интернет будет потешаться над его неудачными решениями на менеджерском поприще или его личными неудачами, но даже это не сможет затмить свет, который он источал, будучи игроком, когда в нем видели пришельца с другой планеты.

В начале своего пути он был просто Майклом Джорданом, обычным подростком из Северной Каролины с туманным будущим; по окончании школы он размышлял о карьере в Военно-воздушных силах. Начало 1980-х обернулось его трансформацией в Майкла, архангела баскетбольных колец. В процессе этой трансформации его персона стала катализатором невероятного взлета бизнес-империи Nike, которая вскоре сделала его своим молодым императором, отдав ему роль, одновременно сковывавшую его и дарившую свободу. Он стал воплощением компетентности. Никто, казалось, не умел делать свое дело так хорошо, как Майкл Джордан умел играть в баскетбол. «Его компетентность превосходит лишь его уверенность в себе», – отмечал многоопытный спортивный журналист из Чикаго Лэйси Бэнкс.

Профессиональный баскетбол всегда боролся со своим неприглядным имиджем: взрослые мужчины бегают по площадке в чем-то сильно напоминающем нижнее белье. Но Джордан возвысился над всем этим своим «полетом». Поначалу это был едва уловимый элемент его игры, крупица своего рода крутизны, которую он принес с собой в спорт. Вскоре он влюбил в себя мировую аудиторию, покорившуюся ему как раз тогда, когда американское телевидение приближалось к пику своего могущества и влияния. Для целого поколения невероятно притягательная реклама Gatorade 1991 г. послужила саундтреком жизни, мантрой: «Иногда я мечтаю, что он – это я. Вы должны увидеть, кем я мечтаю стать... Если бы я был как Майкл...»

Симбиоз культуры и технологий вытолкнул его на эту беспрецедентную по масштабу и значению роль парящего высоко в небе божества мирового спорта и иконы торговой империи, поражающей практически всех своими спектаклями на площадке. Арт Чански, автор, пишущий о баскетболе, для которого Джордан был обычным парнем из Университета Северной Каролины, потом вспоминал, каким было его удивление, когда он приехал проводить Майкла в Чикаго. «Находясь на старом чикагском «Стэдиуме», я поразился, увидев, как он идет к площадке по проходу между сидений за лицевой линией, позади корзины, поразился

тому эффекту, который он оказывал на людей вокруг. На взрослых мужчин и женщин. Вы знаете, сколько им нужно было зарабатывать, чтобы позволить себе такие места, начнем с этого? Просто чтобы оказаться в нескольких метрах от Майкла. Я смотрел на их лица, гримасы. Казалось, что мимо них проходит Мессия. А после матча в раздевалке его окружали не менее десятка журналистов».

И вправду Мессия. Поклонение с годами приобрело такой устрашающий размах, что многолетний пиар-менеджер «Буллз» Тим Халлам начал называть Джордана Иисусом. Халлам мог повернуться к своему ассистенту по связям с общественностью и непринужденно спросить: «Видел сегодня Иисуса?»

Эта эволюция стала возможной из-за казавшегося непоколебимым везения Майкла. Ральф Сэмпсон противостоял Джордану в колледже, когда оба стремились к награде «Лучший игрок года» среди студентов, а в последующие десятилетия он завороченно наблюдал за восхождением своего соперника на вершину славы. Да, Джордан обладал всеми необходимыми физическими данными и беспрецедентным трудолюбием, как признает Сэмпсон, но отмечает, что нельзя забывать и об удаче, недостатка в которой Джордан не знал. Он был как будто благословлен свыше: работал только с лучшими тренерами, получал великолепных партнеров в команду.

«Я к тому, что он работал над игрой, и если в чем-то уступал другим, у него всегда была мотивация трудиться, чтобы стать в этом лучше всех, – отмечал Сэмпсон в интервью 2012 г., данном незадолго до того, как его самого включили в Зал славы. – Но кроме этого он попал в нужную обстановку, оказался в правильной команде, отличные тренеры сумели разглядеть его талант и способности, а потому решили строить команду вокруг него, и это сработало. Так что думаю, что сочетание всех этих факторов сделало его тем, кем он стал».

Никто лучше самого Джордана не понимал, какая удивительная цепочка событий сделала его жизнь такой, какой она получилась. «Расчет времени – это все», – делился он мыслями, вспоминая о прошлом незадолго до своего 50-летия. Однако расчет времени и везение едва ли были ключом к разгадке.

Спортивный психолог Джордж Мамфорд был ошеломлен, впервые увидев, каким оживленным был 32-летний Джордан на тренировках. Психолог был наслышан об огромном аппетите Майкла и о том, как мало тот спит, а потому, только начав работать на «Буллз», сразу же заподозрил, что у главной звезды команды маниакально-депрессивный синдром или биполярное расстройство, а может, и то и другое сразу. «Он неистовствовал, его гиперэнергетика была повсюду, – вспоминает Мамфорд ту тренировку. – Я подумал: «Он просто не сможет выдерживать такое подолгу»».

Не иначе, Джордан страдает неким маниакальным расстройством психики, заключил Мамфорд. Маниакально-депрессивный синдром сопровождается фазами необычайной активности больного, за которыми следуют периоды значительного упадка сил и настроения. В последующие недели психолог внимательно наблюдал за Джорданом, рассчитывая разглядеть у него признаки депрессии после завершения периода бурной деятельности. Но изучив поведение Майкла, Мамфорд осознал, что оживление и невероятное стремление состязаться попросту были характерными чертами обычного поведения игрока. Мамфорд когда-то и сам играл в баскетбол в Университете Массачусетса и жил в общежитии вместе с Джулиусом Ирвингом, так что опыта общения с талантами высшей пробы ему было не занимать. Но Джордан явно выделялся на общем фоне, заключил вскоре Мамфорд. В зону высокого уровня выступлений, к которой другие атлеты подбирались с большим трудом, у Джордана был пропуск на постоянной основе. «Майклу приходилось искать мотивацию, чтобы вывести себя в это состояние, – объяснял Мамфорд. – Чем чаще ты ловишь моменты в этой зоне, тем сильнее тебе хочется увеличить их число. Большинству людей это не под

силу. Его способность найти это состояние, его способность сконцентрироваться, закрыться в себе были почти что сверхчеловеческими. Он был из какого-то другого мира».

А в матчах? «Он находился в самом эпицентре урагана, – говорил Мамфорд. – Чем больше безумия и хаоса было вокруг, тем спокойнее он становился».

Большую часть начального этапа своей карьеры Джордан посвящал поискам способа укротить эти свои таланты и научиться использовать их на благо команды, потому что кроме прочего он отчаянно нуждался в победах. И если поначалу публика обратила на него внимание из-за его «полета», то потом удержать ее взгляды на себе ему позволило уже другое – ошеломительная жажда соревноваться и побеждать. Вскоре очарование публики сменилось безудержным драйвом, приведшим к тому, что он стал проверять на прочность все и всех вокруг на протяжении всей карьеры. Он проверял своих друзей и женщин на преданность, проверял своих тренеров и партнеров, чтобы убедиться, что их сердца и головы достаточно сильны, чтобы позволить им быть рядом с ним. Чем больше энергии он аккумулировал, тем чаще случались испытания на прочность. Он приобрел репутацию весьма жесткого человека за эту свою склонность проверять всех и вся. Джеймс Уорти, его друг и партнер из Северной Каролины, называл Джордана задирой и хулиганом.

Джордан признавал его правоту: «Я мог быть суровым», – откровенничал он в 1998 г.

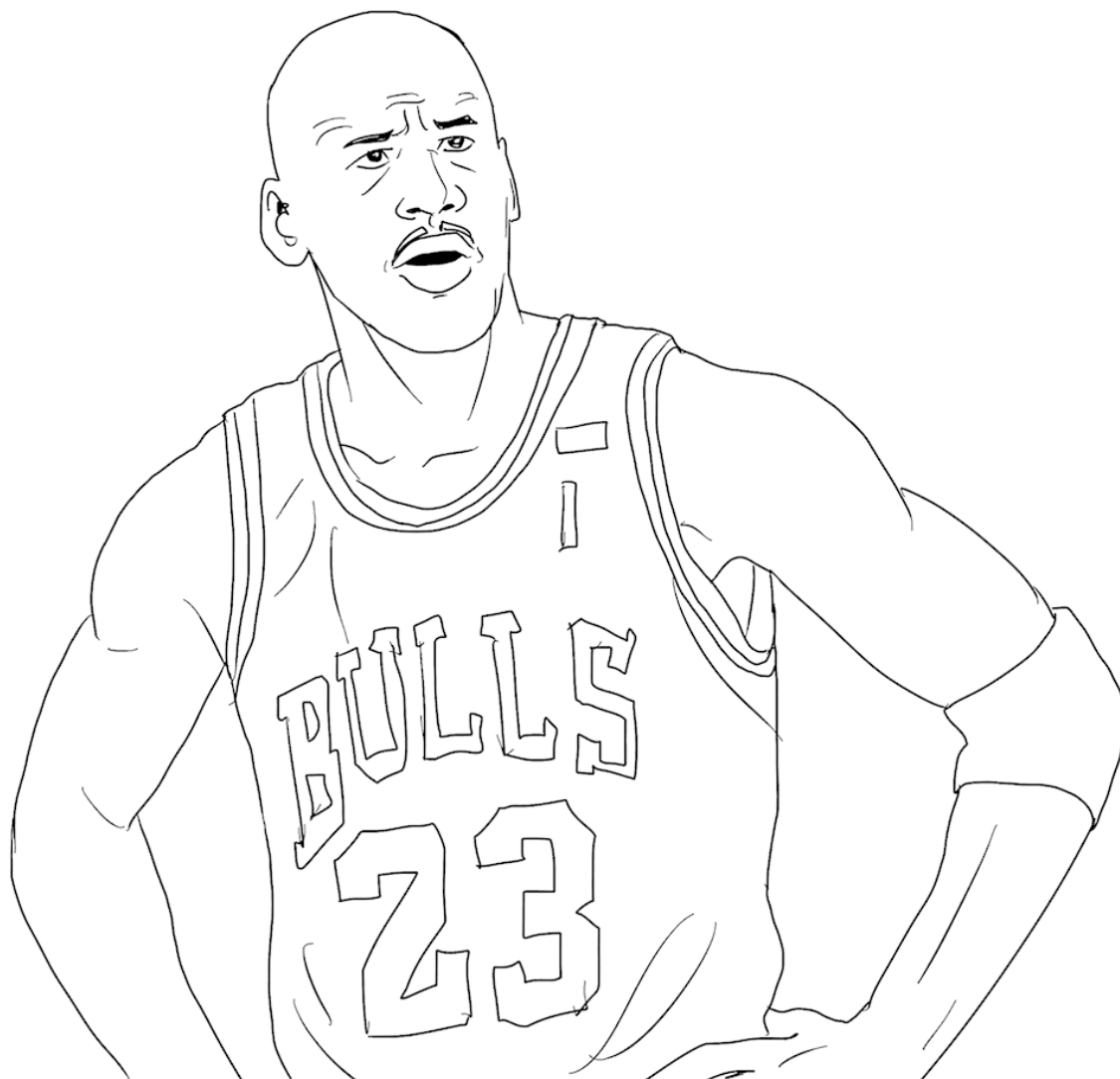
Но по большей части на прочность он проверял самого себя. Казалось, что ему довольно скоро открылся секрет жизни в постоянной конкуренции: чем большее бремя он на себя взвалит, тем крепче будут его силы, необходимые в такой ситуации. Это лишь усложняло его и без того невероятно сложный для понимания образ.

Текс Уинтер, много лет работавший в «Чикаго Буллз» ассистентом тренера и дольше всех из тренеров сотрудничавший с Джорданом, сказал, что за шесть десятилетий в баскетболе ему никогда не доводилось встречать на своем пути более многогранную личность. «Его личность достойна отдельного исследования. Он – настоящий феномен, – говорил Уинтер о Джордане, когда их совместная работа подходила к концу. – Думаю, что мне не хватит интеллекта, чтобы объять многие нюансы, которые определяют характер Майкла, делают его таким, какой он есть. Думаю, что я довольно неплохо проанализировал его личность, но он остается человеком-загадкой в очень многих аспектах, и мне кажется, что так будет всегда, даже для него самого».

Осознание этого камнем свалилось на многих фанатов в 2009-м, когда Джордан, произнося свою речь на церемонии включения его в Зал славы баскетбола, резко раскритиковал очень многих значимых людей в своей карьере, в том числе и тренера команды Университета Северной Каролины Дина Смита. Бывшие коллеги, спортивные комментаторы, болельщики – все выразили удивление и недовольство заявлениями Джордана. Он оказался не тем, кем они его считали все эти годы, на протяжении которых его имидж был таким безукоризненным.

Они думали, что знают его. Они ошибались.

Часть I Кейп-фир

Глава 1 Холли Шелтер

«Бог баскетбола», как его будут называть болельщики во всем мире, появился на свет с окровавленным носом, в Бруклине, довольно зябким февральским воскресеньем 1963-го, когда из-за холода от всех люков канализации, разбросанных вокруг госпиталя Камберленд, столбом валил пар. Баскетбольный гуру Ховард Гарфинкел впоследствии с большим удовольствием отметит, что госпиталь стал также местом рождения братьев Альберта и Бернарда Кингов, и этот факт делает его своего рода легендарным местом в городе, всегда высоко чтившем своих знаменитых спортсменов.

Несмотря на эту бруклинскую ауру своего начала, будущая невероятная и чрезвычайно насыщенная жизнь Джордана начала обретать свои первые очертания в совершенно другом месте и гораздо раньше: почти на самом рубеже XIX–XX вв., в месте рождения его прадедушки, на Прибрежной равнине штата Северная Каролина.

В те дни казалось, что смерть повсюду. Ее запах поднимался вверх по течению каждое утро и смешивался с солоноватым воздухом. Чайки кричали подобно Банши, оповещая округу о том, что никто из живущих в этих маленьких трущобах даже не посмеет назвать простое выживание чем-то само собой разумеющимся. Вот здесь по-настоящему начинается история жизни Майкла Джордана, в крошечном домике на берегу черноводной реки, прокладывающей себе извилистый путь меж сосновых лесов и болот, где потихоньку гонят самогон, а в воздухе витает какой-то мистический, таинственный дух, его здесь так же много, как и комьев серого мха, свисающих с деревьев.

Год был 1891-й, прошло всего 26 лет после окончания кровопролитной американской Гражданской войны, принесшей в эти земли столько насилия и хаоса. Местечком была деревушка на берегу реки под названием Холли Шелтер, в округе Пендер, что примерно в 30 милях³ к северо-западу от Уилмингтона, и в 40, если сплавляться по петляющему северо-восточному притоку реки Кейп-Фир, как это часто делали предки Джордана. Предположительно свое название место приобрело после окончания Войны за независимость: холодными зимними ночами солдаты здесь искали укрытие (shelter) от непогоды под падуками (holly tree). Саванна граничит с болотистой местностью, которая в годы рабовладения становилась убежищем для людей другого рода – беглых рабов. Предположительно владельцем одной из крупнейших плантаций региона был белый проповедник из Джорджии по фамилии Джордан. После освобождения многие рабы стали стекаться в Холли Шелтер. «Они обжили болота, – объясняет Уолтер Баннерман, дальний родственник Джордана. – Холли Шелтер была болотом и ничем иным».

Вскоре, впрочем, наступят такие мрачные времена, что значение второго слова в названии селения утратит всякий смысл: убежища тут было уже не найти.

И это стало первым примечательным штрихом в жизни маленького мальчика.

Он родился на свет в типичный для этих мест изнуряюще знойный день в конце июня 1891 г., после того как утихла очередная серия прибрежных штормов, столь часто угрожавших обитателям реки. Коронеры регистрировали поразительное количество случаев мертворожденных детей и детских смертей в этих лачугах, а потому многие семьи зачастую ждали долгие дни, даже недели, прежде чем дать имена своим новорожденным. Этот ребенок, однако, был настоящим живчиком, о чем свидетельствовал пронзительный вопль, которым он будил по ночам свою мать, – много лет спустя его голос, такой же громкий, но уже куда более низкий, бас-профундо, будет сигналом для его вертлявого и суетного шестилетнего правнука Майкла: пора сосредоточиться и начать вести себя смирно.

Внедрение законов Джима Кроу и политики превосходства белых развернулось в Северной Каролине такими свирепыми темпами, что отголоски этой эпохи ощущались еще долгие годы после того, как эти законы канули в Лету. В этом мире привычной окружающей жестокости прадедушка Майкла Джордана жил на грани нищеты, в атмосфере беспощадного расизма. Еще хуже его существование сделала смерть, забиравшая родных и друзей, почти всех подряд, начиная от младенцев и маленьких девочек и кончая крепкими молодыми мужчинами, она не щадила никого из жителей тех прибрежных поселений, хотя большинство умерших только стояли на пороге расцвета своей жизни.

Но все эти кошмары ждали маленького мальчика в будущем. В день его рождения, в июне 1891-го, его 21-летняя мать, Шарлотта Хэнд, пребывала в несколько затрудненном положении, так как не была замужем за отцом мальчика, Диком Джорданом. Само понятие брака было чем-то далеким и незнакомым в этом мире трущоб и бараков, так как законы Северной Каролины долгое время запрещали рабам жениться и выходить замуж, отнимая у них это право наряду с другими привилегиями. Законы штата были крайне жестокими, к

³ 1 миля = 1,61 км.

примеру, в прошлом они разрешали рабовладельцам наказывать любого непокорного молодого раба кастрацией.

Единственным, на что молодой Доусон Хэнд мог полагаться в те бурные и до крайности неопределенные 90-е гг. XIX столетия, была материнская любовь. Он так и останется единственным ребенком Шарлотты, и они пронесут свою взаимную любовь через многие десятилетия. После рождения Доусона Шарлотта нашла приют в доме родных и растила мальчика, живя сначала вместе с семьей одного своего брата, а потом другого. Большую часть 20 первых лет своей жизни мальчик прожил под именем Доусон Хэнд, оно значилось в его официальных документах. Однако какими бы гостеприимными ни были братья его матери, пройдет совсем немного времени, прежде чем он подрастет и заметит разительный контраст.

Хэнды были светлокочими настолько, что целый ряд членов семьи мог сойти за белого или индейца, в то время как Джорданы были людьми с кожей темно-шоколадного оттенка. Из всего поколения братьев и кузенов Хэнд лишь один был темнокожим, как расскажут годы спустя члены семьи. Белые Хэнды в округе Пендер были видной семьей рабовладельцев, и их черные отпрыски будут еще долго судачить о том, что белый мужчина из Хэндов наконец признал неудобную правду – что один из чернокожих Хэндов был его брат. Это, возможно, объясняет, почему в подростковые годы мальчик взял фамилию своего отца и в официальных записях стал зваться Доусоном Джорданом.

Доусон вырос в молодого мужчину, которого на первый взгляд мало что роднило с его статным правнуком. Доусон был невысоким – по некоторым данным, ростом всего 5 футов⁴ – и коренастым. А еще он был калекой, вынужденным волочить за собой нездоровую ногу в течение своей долгой жизни. Но, как и его правнук, Доусон обладал невероятной физической силой. И был таким же бесстрашным, его отличала непривычная крепость, позволявшая ему в молодости творить такие подвиги, которые еще многие десятки лет будут предметом обсуждения и изучения в его родных краях. Но что более важно, из столкновений со своими врагами Доусон Джордан каким-то образом умудрялся выходить несломленным, непобежденным, и причины этого никак не могли понять последующие поколения семьи.

С точки зрения того, какой исключительной получилась жизнь Майкла Джордана, легко упустить из виду один важный аспект, повлиявший на формирование его характера больше всех прочих: на протяжении большей части периода своего взросления и формирования личности он жил вместе с представителями четырех поколений семьи Джорданов, что уже можно считать большим достижением с учетом того, какие социальные факторы долгие годы угрожали жизни афроамериканских мужчин.

Прадед Дассон, как его часто называли, был авторитетной фигурой в жизни молодого Майкла Джордана. Вся семья в полном составе почти целое десятилетие прожила вместе в фермерском округе Тичи в Северной Каролине. Даже в годы активной автомобилизации и строительства четырехполосных шоссе Доусон Джордан продолжал упорно следовать своей давней привычке – передвигался на повозке, в которую с гордостью запрягал своего мула. Даже будучи глубоким стариком, он привязывал к копытам своего мула мягкие накладки и следил за тем, чтобы ось повозки всегда была хорошенько смазана: так можно было без лишнего шума срываться по ночам за самогоном. В дневное время его правнуки с удовольствием запрыгивали в этот маленький фургон, чтобы добраться до города, а Майкл вместе со старшими братьями иногда развлекался тем, что дразнил боровов, которых старик разводил вплоть до своей смерти в 1977 г., наступившей его спустя всего несколько дней после четырнадцатого дня рождения Майкла.

⁴ 1 фут = 0,3048 м.

Тогда юные Джорданы едва ли осознавали, что мул и боровы – по сути, все их воспоминания, связанные с прадедом, – были трофеями, доставшимися ему от славной прожитой жизни. Как объяснял много позже сам Майкл, Доусон Джордан не был из тех людей, с которыми можно было бы поговорить о прошлом или значимости животных в жизни семьи. Но даже случайное упоминание о Доусоне могло вызвать слезы в глазах его знаменитого правнука.

«Он был суровым, – говорил Джордан о своем деде. – Он был таким. Да, именно таким».

Река

Вы начнете слегка улавливать вибрации мира Доусона Джордана, если встанете с утра пораньше и выйдете к северо-восточному притоку Кейп-Фир, что протекает мимо Холли Шелтер. Теперь это место по большей части отдано для сельскохозяйственных нужд и передано заповедникам, но солнечный свет здесь все тот же, каким был раньше: беспощадный и ослепительный большую часть года, он пляшет, отражаясь от воды, и растворяется лишь с наступлением утреннего тумана. Чтобы найти убежище от палящего зноя, вам придется двинуться в глубь территории, минуя заболоченные леса и ручьи, к одиночеству тех мест, что скрывались в тени некогда величественно возвышавшихся здесь девственных болотных сосен.

Доусон Джордан провел здесь свою юность, работая посреди смоляных ям в лесах: он валил последние из оставшихся величественных деревьев, связывал бревна в огромные плоты и спускал их вниз по течению северо-восточного притока Кейп-Фир, направляя на судостроительные верфи Уилмингтона. Работенка явно не для трусов.

Доусон Джордан достиг зрелости почти сразу с началом XX столетия, а тем временем привычный уклад жизни на реке стремительно менялся: последние из оставшихся болотных сосен вырубались, а на смену плотогонам приходила индустрия грузоперевозок. Древняя река и надежно укрывающие ее леса и чащи были определяющими факторами в молодые годы его жизни. Он знал, как охотиться на дичь, освежевать убитую тушу и правильно ее приготовить. Много лет спустя, когда он уже был стариком, владельцы местных охотничьих домиков давали ему работу на кухне, чтобы он готовил вкуснейшие блюда из свежей дичи для постояльцев.

Свою трудовую жизнь Доусон начал в девять лет, сумев убедить людей, проводивших перепись, в том, что ему 11 и он достаточно взрослый, чтобы работать на полях. Он уже умел читать и писать, поскольку посещал местную «общеобразовательную школу для цветных», представлявшую собой одно-единственное классное помещение и частенько закрывавшуюся во время четырех месяцев ежегодного академического курса для того, чтобы ученики могли поработать на полях или близлежащих лесопилках. «Родители рассказывали мне, как трудно было делать кровельную дранку на той лесопилке», – вспоминал Морис Юджин Джордан, дальний родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством. Ученики школы сами доставали хворост и поддерживали огонь в печурке маленького школьного класса, но тогда это было привычным делом даже для белых детей, учившихся в лучше оборудованных школах.

В те первые десятилетия XX в. никакого электричества там не было, проточная вода, как и водопровод, ценились высоко, а асфальтированные дороги можно было пересчитать по пальцам одной руки. И, что неудивительно, не было никакого среднего класса, а посему все мужчины, белые или черные, целые дни проводили в отчаянных поисках пропитания для себя и своей семьи, трудясь исполщиками и наемными чернорабочими на землях узкого круга землевладельцев.

Глубинное исследование 1000 семейств, живших фермерством в Северной Каролине, которое провела в 1922 г. коллегия штата по сельскому хозяйству, показало, что исполщики зарабатывали меньше 30 центов в день, а порой и всего десять, несмотря на многочасовой труд. В докладе также сообщалось, что у большинства исполщиков не было возможности вырастить какие-либо продукты питания для себя и зачастую им приходилось одалживать деньги, просто чтобы поест и заплатить по счетам. Порядка 45 тыс. безземельных семейств фермеров жили в кое-как сколоченных одно- и двухкомнатных хибарах без удобств; скрывать многочисленные дыры и трещины в стенах и потолках своих домиков им приходилось газетными листами, ничего больше они позволить себе не могли.

Лишь у одной трети исполщиков была уборная во дворах.

Антисанитарные условия были причиной частых заболеваний и высокой смертности среди детей безземельных семейств фермеров, к тому же, сообщалось в докладе, смертность среди чернокожих более чем вдвое превышала аналогичный показатель среди белого населения.

Шарлотта Хэнд и ее сын Доусон каким-то образом сумели выжить в столь незавидных обстоятельствах, отчасти благодаря помощи семьи Хэнд, работавшей на реке и, по всей видимости, обучившей Доусона управлять плотами из сплавляемых бревен; семейные свідетельства и воспоминания местных жителей говорят о том, что он стал опытным и умелым плотогоном в очень молодом возрасте. Было отнюдь не легко связывать огромные тяжелые бревна, а потом сплавлять их по коварной реке, кишевшей змеями, отличавшейся штормовыми волнами и переменчивым течением. Требовалась невероятная физическая сила, чтобы провести цепочку из трех бревенчатых плотов по реке, минуя многочисленные изгибы и повороты. Но каким бы рискованным ни было это занятие, Доусон, без сомнения, любил реку, которая в ту эпоху была главной коммерческой жилой региона.

Молодой Доусон работал вместе со своим кузеном Гэллоуэем Джорданом, тоже калек. Морис Юджин Джордан, родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством, вспоминал рассказы своего отца, Делмара Джордана, который пересказывал ему байки о похождениях Доусона. «Говорят, он очень здорово умел сплавлять бревна, – вспоминал Морис Юджин Джордан. – У Гэллоуэя была больная нога, как и у Доусона. Они были очень близки».

Северо-восточный приток Кейп-Фир был приливной рекой, и это лишь усложняло задачу плотогонам. Морис объяснял: «Им приходилось внимательно следить за приливами и отливами, которые приходили и уходили, приходили и уходили, меняясь в соответствии с лунными фазами. Если приливные волны были достаточно высокими, они могли продвигаться. Но когда прилив ослабевал, им приходилось привязывать плоты к деревьям и ждать возвращения волн». Ожидание могло занимать долгие часы. «У них были котелки и еда, и, когда прилив прекращался, они привязывали плоты, выбирались на холм и готовили себе что-нибудь поесть».

Работа была тяжелой, опасной, еще с колониальных времен ею занимались разные люди: освобожденные рабы, плотогоны и просто крепкие суровые мужчины, готовые принять этот вызов. Те, кто занимались работой на реках, находились на самой нижней ступени социальной лестницы, им очень скудно платили, зачастую им приходилось довольствоваться несколькими центами в день – столько же получали самые нищие исполщики. И тем не менее Доусон Джордан все же любил работу на реке, ценил независимость, которую она ему давала. В переписях указано, что он был «самозанятым», а не трудился по найму на кого-то. Вдобавок работа регулярно давала ему возможность спускаться вниз по реке к экзотическому порту Уилмингтон, бухты которого всегда были заполнены кораблями и моряками со всего света; разумеется, там было много баров и борделей.

Можно представить в своем воображении Доусона Джордана сто лет назад сидящим на плоту в тихом, спокойном местечке реки в холодную ясную ночь и глядящим на невероятной красоты звезды. Вполне вероятно, что такие ночи на реке под небосводом были единственными мгновениями, когда Доусон мог по-настоящему убежать от своего мира, огромного и часто такого подавляющего. Наверное, это были лучшие моменты жизни прадеда Майкла Джордана.

Десятилетия спустя его правнук отметит, что моменты игры на баскетбольной площадке были его единственным убежищем, теми эпизодами жизни, когда он обретал подлинное умиротворение, они служили своеобразным выходом из мира, который был куда более беспощадным и таил в себе куда больше разочарований, чем мог представить себе любой из миллионов его поклонников и почитателей. Этих двух Джорданов, разделенных десятилетиями века, объединяло очень многое, хотя их положение в этом мире различалось кардинальным образом. Доусон Джордан наверняка по достоинству оценил бы сладкий вкус роскошной жизни своего правнука и променял бы его на многие из своих тяжелых, жестоких дней.

Клементина

В отличие от Майкла, который мог выбирать себе спутницу из множества самых привлекательных и изысканных женщин планеты, низкорослый калека Доусон жил в маленьком, изолированном сообществе вместе с матерью, долгими днями занимаясь опасной работой в лесах и на реке. Он впервые увидел, какой может быть романтика, когда его мать обрела наконец любовь, повстречав в Холли одного испольца. Айзек Килон был на 20 лет старше ее, и, когда они поженились в мае 1913 г., ему было уже далеко за 60. Их счастье, должно быть, натолкнуло Доусона на мысль о собственных перспективах в этой жизни.

Со временем, несмотря на малый шанс на успех, Доусон сумел добиться благоволения к себе со стороны Клементины Бернс. Песня *Oh My Darling, Clementine* («Ах, моя дорогая Клементина»), впервые обретшая безумную популярность в 1884 г., наверняка повлияла на выбор ее родителями имени для девочки. Она была на год старше Доусона и жила с родителями и семьей младшими братьями и сестрами прямо там, в Холли Шелтер. В некотором смысле ее собственные перспективы были такими же туманными, как и его. Ухаживания начались, как и все романтические отношения в те времена, с застенчивых бесед, которые со временем становились длиннее и смелее. Вскоре Доусон влюбился в девушку, что никогда не было пустяковым делом для глубоко эмоциональных по натуре Джорданов.

В конце января 1914 г. они обменялись клятвами верности и начали жить вместе. Спустя примерно восемь месяцев Клеммер, как ее называли, сообщила Доусону о своей беременности, а в апреле 1915 г. она родила в их крошечной хижине сильного и здорового мальчика. Они назвали его Уильямом Эдвардом Джорданом. Есть масса указаний на то, что это событие принесло новоиспеченному отцу невероятную радость.

Если бы только эта радость продлилась немного дольше.

Первые признаки надвигающейся беды появились почти сразу после родов: у молодой мамы началась потливость по ночам, она стала испытывать дискомфорт при мочеиспускании. Потом Клеммер начала харкать кровью. Самым явным симптомом болезни были бугорки, маленькие круглые уплотнения или узелки, проступавшие на костях и мышечных тканях.

«Туберкулез был болезнью черных, – вспоминал Морис Юджин Джордан. – В те времена медицина мало что могла с ней поделать».

Передающаяся воздушно-капельным путем болезнь была крайне заразной, и несмотря на то что Северная Каролина стала одним из первых южных штатов, открывших санаторий для чернокожих в 1899 г., в этом учреждении, существовавшем на частные деньги, насчиты-

валось лишь десяток коек, а стоимость лечения была заоблачной. Единственной альтернативой для семей была установка белого защитного тента или возведение временного барака во дворах позади домов, в которых заболевшие могли провести свои последние дни, не распространяя инфекцию туберкулеза на других. Медленная смерть близкого человека могла тянуться месяцами или даже годами. Клеммер Джордан обследовалась у доктора на ранних стадиях заболевания, но все равно умерла апрельским утром 1916 г., спустя год после рождения сына.

В те годы молодые вдовцы часто бросали своих детей, это было в порядке вещей. Доусон мог пойти легким путем и оставить мальчика в семье Клеммер, чтобы они растили его сами. У Доусона Джордана точно были варианты в той ситуации. Поскольку Уилмингтон был портовым городом, там всегда было полно возможностей наняться коком на одно из многочисленных судов, что регулярно заходили в порт и покидали его. Но из публичных записей, оставшихся о его жизни, открывается простая правда: он очень сильно любил свою мать и так же сильно своего подрастающего сына. Об этом говорят его поступки. И его твердая решимость построить семью стала первой крепкой нитью, из которой будет потом соткана история Майкла Джордана.

Несколько месяцев спустя жизнь нанесла Доусону еще один тяжелый удар. Он узнал, что его мать, которой еще не было и 50, умирает от заболевания почек. На Прибрежной равнине смерть была частым гостем, но в 1917-м и 1918 гг. показатели смертности в округе Пендер сначала удвоились, потом утроились, а потом и учетверились, и всему виной пресловутая эпидемия испанского гриппа. Доусон своими глазами видел, как члены семьи Хэнд, а вместе с ними его коллеги и их близкие один за другим умирают в рекордные сроки. За 90 дней сентября – ноября 1917 г. эпидемия выкосила более 13 тыс. жителей Северной Каролины.

Ухудшавшееся состояние матери Доусона вынудило ее покинуть дом Айзека Килона и возвратиться к сыну. Мать Доусона приближалась к своей кончине и больше не могла помогать ему заботиться о маленьком сыне, а потому Доусон решил взять в дом иждивенку, молодую женщину Этель Лэйн, у которой была маленькая дочь и которая могла позаботиться как о детях, так и об умирающей Шарлотте. Вскоре после этого внезапно умирает Айзек Килон. Его похоронили, а спустя три месяца почечная болезнь окончательно добила и мать Доусона.

Доусон похоронил Шарлотту Хэнд Килон ниже по течению реки, у моста Баннерман в Холли. Мальчик, всегда мечтавший о семье, теперь остался почти совсем один, если не считать деятельного малыша, путавшегося у него под ногами. Остаток своей жизни отец и сын проведут вместе, будут жить и работать то в одной хижине, то в другой, не покидая маленьких прибрежных селений, и будут напрягать все свои силы, чтобы устоять перед лицом страшной нищеты.

Сохранившиеся свидетельства со временем покажут, что ни один из двух мужчин не нажил в этой жизни почти ничего, однако жизнь сложилась таким образом, что им все же удалось многое оставить в наследство следующему поколению семьи. Удалось, несмотря на то что в дымке Кейп-Фир таилось и другое наследие, коварное, порой даже сюрреалистичное.

Глава 2

Кровавый Уилмингтон

Майкл Джордан и сам довольно часто возвращался в прошлое, к деревенским проселочным дорогам и простым воспоминаниям, оставшимся от побережья Кейп-Фир. Если свернете на восток по трассе I-40 на выезде из Чапел-Хилл, Пидмонт откроет вам дорогу к Прибрежной равнине с ее сочными открытыми полями, обрамленными однообразным сочетанием карликовых сосен и обветшалых сушильных сараев для табака. Вскоре на дороге появляются знаки, указывающие на повороты в сторону Тичи, потом в Уоллес, а позже в Бергау и Холли – фермерские городки, где много лет назад пустил первые корни род Джорданов.

В наши дни паутина шоссе-автострад, связывающая штаты, скрыла под собой большую часть тревожного наследия Кейп-Фир, теперь тут на многие мили раскинулись ровные мостовые с вкраплениями придорожных заправок и сетевых ресторанов, очень слабо связанных с культурным прошлым Каролины, да изредка попадающимися площадками для барбекю. Ныне, кажется, нигде не отыскать упоминаний о политике Демократической партии США, продвигавшей идею превосходства белой расы, но в ранние годы жизни Доусона Джордана она ощущалась вполне явственно, и эти старые раны, восходящие к давним событиям, случившимся в старом Уилмингтоне, позже откроются в жизни Майкла Джордана, причем весьма странным и ироничным образом.

К 1890-м, за годы, минувшие с начала Реконструкции Юга, демократы Дикси⁵ сумели вернуть белым политический контроль над большей частью Северной Каролины, но Уилмингтон и Прибрежная равнина оставались обособленным регионом, во многом потому, что там было зарегистрировано свыше 120 тыс. чернокожих мужчин, имевших право голоса на выборах. Край уверенно шел к тому, чтобы вскоре обрести статус побратима Атланты: здесь начало зарождаться высшее общество среди чернокожих, был чернокожий мэр, две газеты для черных и сплоченная полиция, а также целое множество компаний и предприятий, находившихся во владении чернокожих. Реакцией демократов на эти перемены стало подстрекательство к бунту: 11 ноября 1898 г. в Уилмингтоне случились погромы на расовой почве. Белое население города, возбужденное политической риторикой демократов, высыпало на улицы, чтобы сжечь офис газеты для чернокожих, посмевавшейся встать в оппозицию к демократам.

Позже в тот же день началась стрельба, вооруженные белые люди, называвшие себя «красные рубашки», стали вести ее на улицах города. На следующий день местный морг сообщал о 14 убитых, 13 из которых были черными, но другие утверждали, что общее количество жертв составило 90 человек. Волна насилия распространялась, и пришедшие в ужас чернокожие стали вместе со своими семьями сбегать в близлежащие болота, где, по слухам, «красные рубашки» их выслеживали и добивали. Останки многих из этих людей так никогда и не были найдены.

Следующая стадия тщательно спланированного восстания началась на следующий день, когда белые собрали видных чернокожих деятелей города – священников, бизнес-лидеров и политиков – и препроводили их на местный вокзал, где посадили в поезд, отправив из города восвояси.

Убедительная победа сторонников идеи белого превосходства обеспечила доктрине партии успешную реализацию в последующие десятилетия. Чарльз Эйкок, выбранный

⁵ Дикси – историческая область, которая включает в себя южный регион Соединенных Штатов Америки, также этот термин часто используется для обозначения Юга США.

губернатором в 1900 г., определил повестку для законодательных органов, которая следовала основному кровавому посылу, спровоцированному бунтом. «На Юге не будет никакого прогресса ни для одной из рас до тех пор, пока негры не будут окончательно удалены от участия в политическом процессе», – объявил Эйкок. В основе плана была идея ограничить регистрацию голосующих на выборах за счет введения теста на грамотность, в результате чего число чернокожих мужчин Северной Каролины, имевших право голоса на выборах, стремительно сократилось со 120 тыс. до бунта до 6000 после.

Подобную несправедливость и разгул насилия негласно поддерживали местные государственные и правоохранительные органы, а другие силы штата активно запугивали население. К 1940–1950 гг. в округе Дуплин, где жила семья Джорданов, было зарегистрировано всего два чернокожих мужчины с правом голоса – согласно сведениям Рафаэля Карлтона, одного из двух этих зарегистрированных.

Сын исполщика Рафаэль Карлтон в молодости был современником живших в Дуплине Джорданов, и хотя он работал, как и все, по настоянию отца находил время для учебы в школе. Впоследствии Карлтон поступил в близлежащий Университет Шо, в 1940-е закончил его, получив диплом преподавателя, и возвратился домой, став частью целого поколения чернокожих учителей, искренне преданных своему делу. Он вспоминал, как приходил на собрания студентов факультета для чернокожих во времена расцвета сегрегации, как белый суперинтендант местной школьной системы поднялся и сказал своим чернокожим учителям: «Вам, ниггерам, надо бы поучиться дисциплине». «Люди теперь не понимают, как нас тогда запугивали, у них не укладывается в головах, что такое вообще возможно, – говорил Карлтон. – Но запугивание было тотальным. Ты и думать не смел о том, чтобы перечить им».

Меня восприятие

В 1937 г. Колледж Северной Каролины для негров из Дарема (ставший впоследствии Центральным университетом Северной Каролины) нанял Джона Маклендона обучать студентов баскетболу. Придя в колледж, он поразился тому, какими забитыми были молодые игроки, их стесненному сознанию. «Самым большим вызовом для меня как тренера, – вспоминал Маклендон, – было убедить моих игроков в том, что они – вовсе не неполноценные атлеты. Тогда этого не знало даже чернокожее население, они попросту не верили, что такое возможно. Они поддались влиянию однобокой пропаганды».

Само присутствие тренера в Северной Каролине подчеркнуло важность еще одного значимого для жизни Майкла Джордана события, тоже случившегося в 1891 г. Спустя всего пять месяцев после рождения прадеда Джордана Джеймс Нейсмит прибил корзину для персиков к щиту в гимнастическом зале Спрингфилда, штат Массачусетс, и тем самым положил начало эпохе баскетбола. Много десятилетий позже Нейсмит переберется в Университет Канзаса и станет работать на педагогическом факультете. Какое-то время он будет тренировать тамошнюю университетскую команду, после чего передаст ее в руки Фогу Аллену, который войдет в историю как «отец» баскетбольного тренерства.

Джон Маклендон приехал в Канзас на заре 1930-х, став одним из первых чернокожих студентов университета, но Аллен запретил ему выступать за баскетбольную команду и плавать в университетском бассейне. Ситуация, в которой оказался студент, была бы еще хуже, если бы сам Нейсмит не разыскал его и не устроил тренером команды местной старшей школы, пока Маклендон учился в университете, стремясь получить степень бакалавра. После того как Маклендон получил в 1936-м диплом, Нейсмит помог ему в назначении стипендии в Университете Айовы, где тот учился на магистра. Завершив учебу в течение года, Маклендон устроился тренером в маленьком колледже Северной Каролины, где учредил первую программу физической подготовки, на которой потом выросло целое поколение

чернокожих тренеров и преподавателей Северной Каролины. Эта программа «воспитала» Клифтона (Поп) Херринга, тренера Джордана в старшей школе.

Первые чернокожие команды американских колледжей вынуждены были тренироваться в опасной атмосфере расовой сегрегации и не могли рассчитывать на внушительные бюджеты. Они добились успеха, несмотря на культуру страны, сделавшую путешествия для них практически невозможными. Они не могли пользоваться общественными туалетами, фонтанчиками с питьевой водой, не могли посещать рестораны и останавливаться в отелях. «Простая поездка из одной школы в другую требовала планирования, словно ехать предстояло по минному полю», – говорил Маклендон.

В течение следующих нескольких лет Маклендону удалось собрать такую впечатляющую команду, что вдохновились даже официальные лица Университета Дьюка. Они пригласили молодого тренера посидеть на скамейке команды «Дьюк Блю Девилз» на следующей игре. С единственной оговоркой: Маклендон должен был облачиться в белый пиджак, чтобы зрители решили, что он – стюард.

Маклендон вежливо отказался.

Тренер поклялся, что никогда не будет ставить себя или своих игроков в такие обстоятельства, в которых их можно будет унижить или выставить на посмешище. «Ты вряд ли захочешь оказаться в ситуации, в которой твое достоинство растопчут на глазах твоей собственной команды», – объяснял он. Поддержание уважения к игрокам было жизненно важно для того, чтобы убедить их в том, что они ничуть не хуже белых.

Прорыв случился в ходе Второй мировой войны, когда армия направила в медицинскую школу при Университете Дьюка полевых медиков для обучения, и несколько человек из них были баскетболистами высшего класса. Команде медшколы, состоявшей сплошь из белых игроков, целыми днями воспевали оды даремские газеты. В то же время успехи непобедимой команды Маклендона не получали никакой огласки вообще. Расстроенный таким неравенством Алекс Ривера, менеджер команды Маклендона, решил устроить матч между двумя командами. Поскольку общество проявляло бдительность и наверняка воспрепятствовало бы такому «смешению» рас, тренер команды Университета Дьюка согласился провести «секретный матч», на который не пустили бы ни болельщиков, ни представителей прессы, воскресным утром. К перерыву команда Маклендона, прессинговавшая по всей площадке, вдвое превзошла по очкам опытных и сыгранных соперников. После этого белые игроки подошли к скамейке Маклендона и предложили заново поделить всех игроков, смешав черных и белых, чтобы во второй половине матча силы уравнились.

Эта победа над расизмом стала огромным успехом для Маклендона, она помогла ему открыть глаза своим игрокам. Влияние Маклендона в Северной Каролине ощущалось еще долгое время после его отъезда, сначала в успешном распространении баскетбола по городам и весям штата, в которых преобладало чернокожее население, а потом, уже более существенно, на уровне колледжей. Маклендон был тренером-новатором, и компания – производитель обуви Converse пригласила его преподавать на своих тренерских курсах. Именно на одной из презентаций Маклендона в рамках курса молодой ассистент тренера из академии Военно-воздушных сил Дин Смит составил первый набросок знаменитой четырехугольной схемы нападения, что сам Смит и подтвердил в своем интервью 1991 г.

Маклендон и его друг Кларенс Гейнс (Биг Хаус) из Университета Уинстон-Сейлема вскоре стали считаться акулами тренерского дела, но в то время ни один из них и не предполагал, что этот вид спорта поможет разрушить расовые барьеры между людьми в штате. Никогда эти тренеры не могли себе представить, что на их веку черные и белые жители Северной Каролины будут с такой радостью принимать чернокожего игрока в команде, с какой они принимали Майкла Джордана.

Как не мечтали они и о том, что однажды их самих включают в Зал славы баскетбола имени Джеймса Нейсмита.

Кукуруза

За свою долгую жизнь Доусон Джордан никогда не мог рассчитывать на везение, которое сопровождало в жизни его правнука. К тому времени, как Доусону исполнилось 28 лет, он не только пережил несколько страшных личных утрат, но и был вынужден менять профессию, так как лес по рекам больше не сплавляли – зарождалась индустрия грузоперевозок. Продолжая работать на местных лесопилках, Доусон Джордан стал еще и испольтщиком, как и большинство людей, населявших южные штаты. В те годы такая работа была тотемом низших классов общества.

Важнейшим элементом выживания на арендованной земле был собственный мул. По сути, животное, как объяснял кузен Уильям Генри Джордан, давало человеку высокий статус. «Когда я был ребенком, мул стоил дороже машины, потому что с мулом можно было заработать на хлеб».

Как последующие поколения фермеров будут закупать для своих хозяйств механизированное оборудование, так испольтщики и арендаторы земли покупали или брали в аренду мулов, приобретая их у местных торговцев. Морис Юджин Джордан вспоминал: «Можно было взять мула [у торговца мулами], но если год случался неудачным, он приходил к тебе и забирал мула. Торговец семенами и удобрениями, у которого ты одалживал товар, мог сделать то же самое. Стоило только попасть на нехороший год, и все, ты в провале, из которого выбираться придется следующие год-два».

«Выбора у тебя не было, – объяснял Уильям Генри Джордан. – Никаких других альтернатив не было».

У таких мужчин, как Доусон Джордан и его сын, не было выхода из тех обстоятельств, но каким-то образом им удавалось прокормиться. Иногда они работали ранним утром на близлежащей ферме, где доили коров, а потом выводили их пастись. В самые плохие времена фермер мог обеднеть настолько, что ему приходилось отказываться от арендованного участка земли – он сдавал его по частям в аренду другим и сам всем руководил – и возвращаться к занятию испольтщиной. «Там тебе нужно было работать на земле, – объяснял Уильям Генри Джордан, – а люди, владевшие фермой, предоставляли тебе мула, семена и удобрения. В конце сезона ты получал третью часть от того, что осталось. Много раз бывало такое, что не оставалось ничего».

Вот почему многие фермеры искали другие источники дохода – и именно поэтому самогоноварение стало столь важным занятием для многих из них. Фермеры Прибрежной равнины, черные и белые, гнали свой спиртной напиток из кукурузы начиная еще с колониальных времен. У большинства из них попросту не было денег на то, чтобы купить себе алкоголь, поэтому они делали его сами. «Издавна повелось так, что все, что у нас было, это кукурузный самогон, – объяснял Морис Юджин Джордан. – Его было много. Повсюду были перегонные кубы: на реке, в лесах, на болотах, в любых местах, где была хорошая вода».

Маловероятно, что Доусон Джордан когда-то намеренно планировал стать самогонщиком, но довольно скоро он приобрел репутацию важной фигуры в нелегальной торговле округа Пендер. Возможно, что впервые в этот бизнес он попал, еще когда сплавлял бревна по реке. «Те плоты могли быть полны виски, – сказал Морис Джордан, хитро засмеявшись. – Никто не скажет вам, что они перевозили».

Кукурузный самогон немного снимал напряжение тяжелой жизни. Он точно расслаблял атмосферу длинных ночей, делая консервативных фермеров чуть более открытыми к игровым развлечениям. Тяжко трудившиеся мужчины округа Пендер бросали кости, ставя

на кон несколько пенни, суммы совершенно несравнимые с теми огромными цифрами пари, которые десятилетия спустя будет заключать Майкл.

«Ни у кого не было денег, чтобы что-то ставить, – говорил Морис Юджин Джордан. – Смысл был не в ставках, а в том, чтобы немного покидать кости». В этом весь характер Джорданов. Упорно трудись и находи себе развлечение по душе. В этом отношении Доусон тоже был первым в череде мужчин семьи Джорданов. Он знал, как развеселиться, сидя за одним столом с дьяволом. Он любил иногда выпить, покурить, а порой и развлечься с какой-нибудь женщиной в очередную длинную темную ночь в Каролине.

Новое поколение

Достигнув совершеннолетия в 1930-е, сын Доусона, Уильям Эдвард, стал известен как Медвард. Он устроился на работу водителем грузовика в компанию, занимавшуюся благоустройством. Скромная зарплата, которую он теперь получал, означала, что они с отцом больше не зависят исключительно от превратностей нелегкой судьбы исполщика, хотя Медвард и продолжал помогать отцу на ферме. Езда по округе на маленьком самосвале, на котором он развозил материалы для благоустройства и облагораживания территорий, также позволила Медварду обрести новый статус и возможность знакомиться с новыми людьми – такая перемена была довольно радикальной в сравнении с изолированной жизнью на ферме. Согласно свидетельствам членов семьи, он быстро обрел славу дамского угодника в округе.

В поздние подростковые годы он познакомился с довольно молодой женщиной Розабелл Хэнд, которая приходилась ему дальней родственницей со стороны семьи его матери. В 1935 г. она стала его женой, а два года спустя у них родился сын – отец Майкла. Они дали ему имя Джеймс Рэймонд Джордан.

Пара проживет многие десятилетия с Доусоном Джорданом под одной крышей, однако никогда, как кажется, не будет протестовать против его авторитетного присутствия в их тесном домике, том же, где вырастут Майкл Джордан и его братья и сестры. Розабелл была настолько же мягкой и милой в обращении, насколько ее свекор был громкогласным и неугомонным. Приближаясь к своему 50-летию, Доусон все чаще и чаще начал гулять с палочкой, но его слово продолжало оставаться самым веским в доме Джорданов.

Как и у большинства семейств фермеров, финансовые трудности были постоянным спутником в жизни Джорданов, но, по воспоминаниям членов семьи, они никогда не позволяли им слишком глубоко отражаться на своей жизни. Быть может, причина была в том, что Доусон с ранних лет понял, что в жизни есть масса вещей куда хуже, чем нехватка наличных для оплаты счетов. Когда финансовые неурядицы совсем подкосили семью, он наконец решился на то, что делали другие бедные исполщики и арендаторы земли. Он загрузил повозку, запряг в нее мула и поехал дальше.

Для начала новой жизни ему не пришлось далеко уезжать. Доусон, его сын, его беременная невестка и их маленький сын обосновались в фермерском поселении Тичи, едва ли дальше 25 миль от Холли Шелтер. Спустя недолгое время после переезда Розабелл родила мужу второго сына, Джина.

Всего же Розабелл Хэнд родила от Медварда четверых детей, а они, в свою очередь, привели в этот мир дюжину внуков, регулярно пополнявших численный состав обитателей скромного домохозяйства. Со временем Джорданам благодаря скопленной от доходов Медварда сумме удалось приобрести дешевый крошечный домик на Калико Бэй-роуд, на окраине Тичи. Там были три маленькие спальни и уборная, но для Доусона Джордана и его семьи это был настоящий замок. Он также станет центром мира в жизни молодого Майкла Джордана.

Пройдет немного времени, и Джорданы приобретут еще один участок земли на Калико Бэй-роуд: семья процветала благодаря работе Медварда и заработкам Доусона на самогоно-

варении, и вскоре ее стараниями в этой части Тичи появится маленький «спальный городок». Важность этой недвижимости для семьи с эмоциональной точки зрения поможет оценить тот факт, что десятилетия спустя Джорданы, несмотря на все богатство Майкла, сохраняют дом в собственности и будут сдавать его внаем.

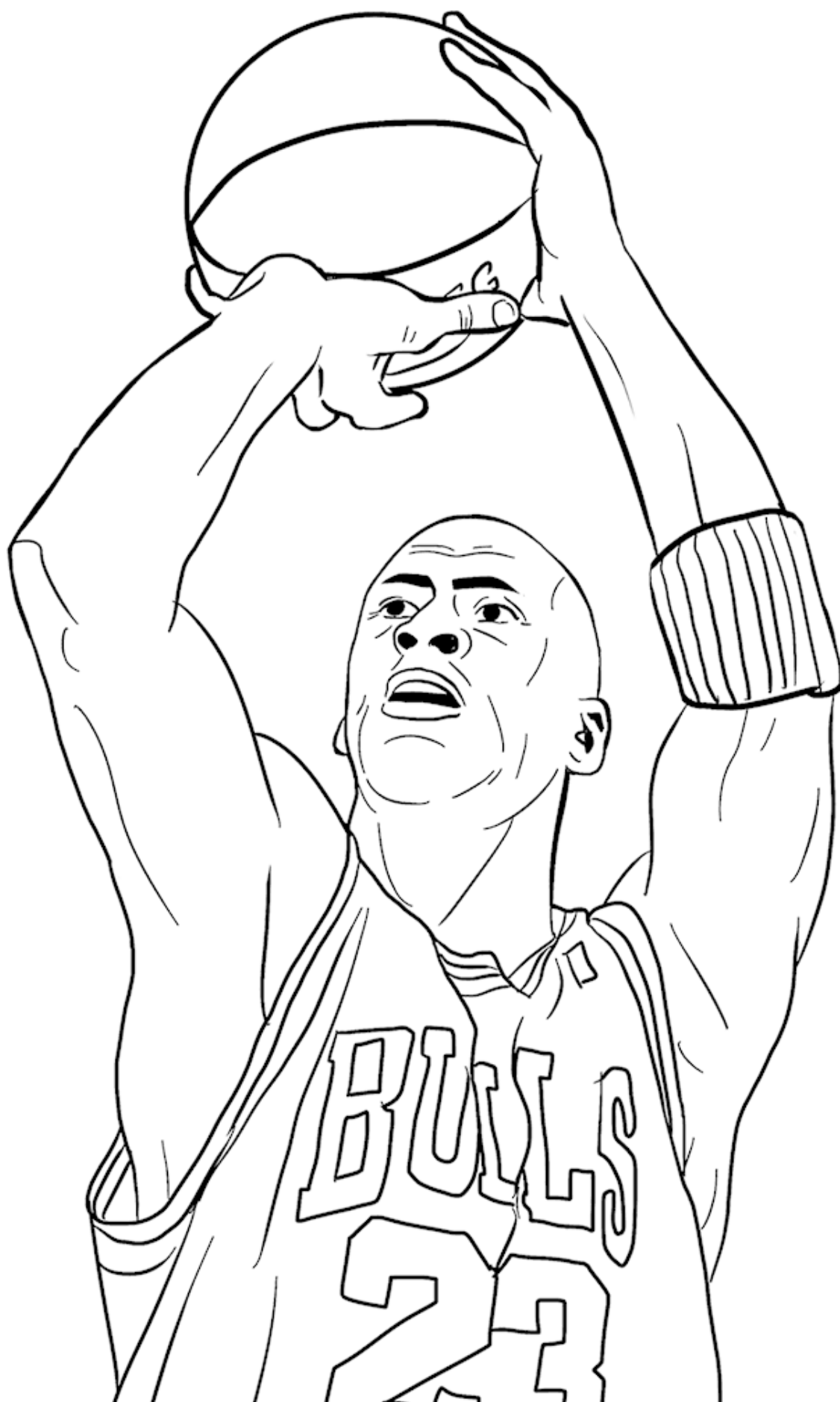
Помимо приобретенного благополучия самым важным сдвигом в жизни Доусона и его сына стал приход в их жизнь глубоко духовной Розабелл Джордан. Она искренне любила всех своих детей и внуков, и те отвечали ей взаимностью – она любила даже детей, родившихся у ее мужа на стороне в результате его романтических походов. Мисс Белл, как ее часто называли, особенно гордилась своим старшим сыном. В Джеймсе Рэймонде Джордане было что-то особенное, отличавшее его от остальных. В нем была какая-то исключительная энергия, свет. Начнем с того, что он был весьма умен. К десяти годам он уже освоил вождение трактора и помогал отцу в поле, а потом показывал ему, как чинить сломавшуюся технику. К тому времени, как он стал молодым человеком, вся округа знала о его талантах механика и врожденной сноровке. Говорили, что Медвард в открытую недолюбливал Джеймса, но мальчик нашел себе другого идола в лице дедушки Доусона. Одной из отличительных черт Джеймса было умение невероятным образом концентрироваться, о чем всегда свидетельствовал высунутый язык во время выполнения какого-нибудь задания. По свидетельствам некоторых членов семьи, Джеймс перенял привычку высовывать язык у Доусона.

Пока Джеймс рос, превращаясь из ребенка в подростка, и работал вместе с отцом и дедом, он свободно перемещался по Холли, где родился на свет, и по Тичи, где вырос. «Он был довольно тихим, – вспоминал Морис Юджин Джордан, посещавший вместе с Джеймсом благотворительную старшую школу в Роуз-Хилл. – Если он не был с тобой знаком, он никогда не вел себя вызывающе». Однако если Джеймс тебя знал, он мог быть очень обаятельным, особенно с девушками, в точности как его отец Медвард. Как и многие подростки, он обожал моторы, бейсбол и автомобили, с одной оговоркой: он отлично разбирался во всем перечисленном. Это означало, что у него, как правило, всегда была работа на грузоперевозках, что давало подростку Джеймсу Джордану в 1950-е особый статус в местном обществе. Вдобавок он имел вкус к развлечениям и знал, где их отыскать, когда луна поднималась в небо и озаряла своим светом Прибрежную равнину. В то время как многие чернокожие жители региона намеренно избегали белых людей при любой возможности, Доусон и его внук Джеймс поступали ровно наоборот.

1950-е оставались тяжелым временем для черных. Многие из них славно послужили своей стране во Вторую мировую войну, что позволило несколько смягчить негативный настрой по отношению к ним в обществе. И все же старые привычки еще крепко держались в населении Северной Каролины, что вскоре продемонстрирует надвигающаяся борьба за гражданские права цветных. Дик Неэр, молодой белый морпех из Индианы, женился на местной девушке и обосновался в Уилмингтоне в 1954 г. Неэр любил бейсбол, как любили его и жители близлежащего городка Уоллес, и поэтому иногда он подвозил нескольких чернокожих ребят, когда ездил поиграть в мяч. Наверняка Неэр пересекался с Джеймсом Джорданом в 1950-е, они могли играть друг против друга в Уоллесе. Однако Неэр недолго играл там. Однажды вечером он возвратился домой и обнаружил, что у него во дворе припаркован чей-то пикап. Оказалось, что он принадлежал членам Клана, которые приехали вынести ему предупреждение о том, что негоже разъезжать с черными и участвовать в бейсбольных матчах в смешанных расовых составах. Неэр проигнорировал их предупреждение, но члены Клана вскоре вновь пришли с визитом к нему в дом. Во второй раз они сказали ему, что больше предупреждать не будут. Неэр перестал ездить в Уоллес играть в бейсбол. Впрочем, Уилмингтон он не покинул и много лет спустя стал тренером молодого Майкла Джордана по бейсболу.

В такой атмосфере Доусон Джордан и его семья были слишком озабочены каждодневными жизненными проблемами, чтобы по-настоящему планировать будущее и верить в то, что оно будет светлым. Но даже при этом члены семьи и соседи видели, что Джеймс Джордан – представитель нового поколения, которому, быть может, удастся уйти от привычек старого мира и жить в новой, лучшей реальности. Тогда, на заре 1950-х, мало кто из них представлял себе, какой будет эта новая жизнь, и не думал о том, каким причудливым образом в ней будут сочетаться надежда на лучшее и боль разочарований. Можно легко заключить, что, если бы Джорданы знали, какие невероятные сюрпризы готовит им будущее, они наверняка со всех ног рванули бы ему навстречу. Хотя, как скажут потом некоторые члены семьи, были все шансы и на то, что они захотят от него убежать подальше.

Часть II Ранние годы

Глава 3

Влияние

Если прадед Доусон Джордан был тем, кто собрал хворост для будущего огня жизни Майкла, то мать Майкла Делорис Пиплс стала тем, кто разжег пламя. Она родилась в сентябре 1941 г. в относительно обеспеченной семье из местечка Роки-Пойнт, что в Северной Каролине. Ее отец, Эдвард Пиплс, был холодным, кто-то даже мог сказать, что начисто лишенным чувства юмора человеком, известным своими большими амбициями и трудолюбием. Живя среди многих разочарованных жизнью нищих чернокожих фермеров, будучи выходцем из поколения мужчин, всю жизнь не вылезавших из рабочих комбинезонов и находившихся в смертельной ловушке экономической системы, практически гарантировавшей им провал и неудачу, Эдвард Пиплс сумел добиться успеха в жизни, что в ту пору было редким явлением.

«Я знал ее отца, – вспоминал Морис Юджин Джордан. – Старичок Эдвард Пиплс не был исполицом. У него была собственная ферма».

Поскольку доступа в политику у чернокожих в ту эпоху не было, Эдвард Пиплс вместе с рядом черных предпринимателей Северной Каролины сконцентрировался на экономическом развитии. «Черная Уолл-стрит» процветала в близлежащем Дареме под руководством Джона Меррика, основавшего несколько страховых компаний и банков. Эдварду Пиплсу с его скромными достижениями было не тягаться с таким успехом, но документы эпохи свидетельствуют, что он неумоимо шел к своей цели: заработать как можно больше денег. Помимо фермерского хозяйства отец Делорис работал на Casey Lumber Company, занимавшуюся пиломатериалами в Роки-Пойнт, а его супруга Инес служила в прислугах. И хотя богатыми Пиплсы не были, бедными их тоже никак нельзя было назвать. Им удавалось успешно преодолевать опасности и трудности, сведшие в могилу многих фермеров, черных и белых, в первые десятилетия XX в. В эту эпоху болезней и разгула смертности Пиплсы так же, как и Джорданы, хлебнули горя. Но все же им удалось стать землевладельцами, которые могли позволить себе свободно жить и работать на благо своих интересов. И хотя о Пиплсах мало что известно, а упоминания о них в истории жизни Джордана редки, нет никаких сомнений в том, что трудовая этика и решимость семьи передались матери Майкла, она принесла их через свою жизнь и передала своему знаменитому сыну.

Историю семьи Джорданов пересказывают снова и снова, но во многих аспектах повествование отдает фальшью, и это понятно.

Всякий раз, когда какие-то семьи обретали невероятную славу и богатство, оказываясь в центре всеобщего внимания, они быстро придумывали целую мифологию своей жизни. Зачастую это делалось из чувства самосохранения, для защиты членов семьи от всепожирающей поп-культуры, управляемой средствами массовой информации.

Делорис Джордан приходилось защищать свою семью во многих ситуациях, по мере того как ее сын становился все более и более известным в 1980-е. Поэтому нет ничего удивительного, что она начала создавать такой ложный нарратив жизни семьи, опускавший и приукрашивавший многие неприятные факты настоящей истории. Она делала это сначала в интервью, а позже в своей книге *Family First*, в которой делилась советами по воспитанию детей и как бы невзначай подсказывала, как семьи могут вырастить своих детей «такими, как Майк». Книга, ставшая бестселлером, позволила миссис Джордан объездить полмира и публично выступать на тему семейной жизни и характерных для нее проблем.

Настоящая правда жизни Делорис Джордан куда как сильнее, чем выдуманная история, потому что раскрывает ее характер, а позже покажет ее способность проводить семью через

тяжелейшие испытания. Мало сомнений в том, что препятствия, с которыми столкнулась Делорис Джордан в жизни, распалили ее стремление поднять семью на ноги. В результате они же стали топливом для реактивного «Его Воздушества» (Air Jordan).

Роки-Пойнт

Надлежащим образом семьи, чьи гены унаследует Майкл Джордан, впервые повстречались в тесном гимнастическом зале, полном оживленных, ликующих студентов. Если верить расплывчатым воспоминаниям местных жителей и членов семьи, Джеймс вместе со своим младшим братом Джинном Джорданом играли за команду благотворительной школы, братья Делорис – Эдвард и Юджин Пиплс – за тренировочную школу округа Пендер в Роки-Пойнт. В те годы обе школы соперничали друг с другом, и люди вспоминают, что мальчишки были толковыми игроками.

Помнят они и о любви студентов и преподавателей к Роки-Пойнт. Открывшаяся в 1917 г. школа была одной из 5000 школ, магазинов и домов для учителей, построенных для афроамериканцев по всей стране на деньги Фонда Розенвальда – траста, учрежденного президентом компании Sears, Roebuck and Company Джулиусом Розенвальдом. Оборудование, собранное для этого проекта, не всегда было самым лучшим; подержанная мебель и книги, часто с вырванными страницами, передавались чернокожим из школ для белых со всей страны. «Мы получали то, что они уже сносили», – вспоминал Уильям Генри Джордан, родственник семьи. Но в эпоху, когда образование чернокожих было в лучшем случае второстепенной задачей для местных школьных советов, преданные делу учителя готовили студентов к вызовам и проблемам абсолютно любого рода, что сделало Роки-Пойнт важным местом для афроамериканского населения округа Пендер, и эта значимость сохранялась вплоть до начала интеграции чернокожих в социально-политическую жизнь США в конце 1960-х.

Баскетбольные матчи проводились после уроков в помещении школьного актового зала и часто продолжались до вечера. Делорис изначально сообщила журналистам о том, что игра, сведшая ее с Джеймсом, имела место в 1956 г., когда ей было 15. Однако в книге *Family First* она скорректировала эту неточную информацию, написав, что на самом деле повстречала своего будущего мужа после игры, состоявшейся в 1954-м.

Тогда ей только исполнилось 13 лет, и мысль о том, чтобы стать частью того духа, что царил в школе в Роки-Пойнт, по-настоящему волновала ее. Она была бойкой и смелой девчонкой, но при этом была хорошей дочерью. Она часто молилась и регулярно ходила в церковь вместе со своей семьей.

«Она была хорошей ученицей, когда я занималась с ней», – вспоминала Мэри Фэйзон, бывшая преподавательница в Роки-Пойнт. Неясно, сыграл ли Джеймс за благотворительную школу в тот вечер. Ему было 17, он готовился кончать школу и к тому же водил машину, что указывает на улучшение финансовой ситуации в семье Джорданов, равно как и на его склонность к увлечению механикой.

Как это часто бывает в подростковых историях любви, она заметила его еще до того, как он обратил на нее внимание. У него были глаза, как у лани, и высокие скулы, но привлекло ее в нем не это. «Меня притягивал его характер, – объясняла она. – Что же до внешнего вида, то он ничем особенным не выделялся на фоне других парней. Он был открытым, обладал хорошим чувством юмора и был добрым, заботливым человеком».

После игры Делорис и несколько ее кузенов запрыгнули на заднее сиденье его машины, чтобы поехать домой. Когда они проезжали мимо ее дома, она попросила остановиться.

– О, а я и не знал, что тут еще кто-то есть, – сказал он. – А ты довольно милая.

– А ты довольно дерзкий, – якобы парировала она.

– Может быть. Но однажды я на тебе женюсь, – так ответил он, если верить ее воспоминаниям.

– Я знала, что он гуляет с другими девушками, – говорила она. – Я держалась от него подальше.

Делорис побежала домой и, забегаая внутрь, громко хлопнула дверью, как это часто делают 13-летние девочки.

Живя в таком маленьком сообществе, Джеймс Джордан наверняка был в курсе, что Эдвард Пиплс работал на своей собственной земле, и не мог не заметить, что дом приглянувшейся ему девочки был больше всех прочих домов. Это был двухэтажный каркасный дом, смотревший на дорогу чуть из глубины. «Во дворе было много больших и старых тенистых деревьев», – вспоминал Морис Юджин Джордан.

«Многие цветные люди тогда были просто работягами на фермах», – добавлял он, поясняя, что предприимчивый трудоголик Эдвард Пиплс держал свой участок земли, который круглый год приносил ему доход, продолжая при этом работать в Casey Lumber Company. Помимо фермерства Эдвард Пиплс вкладывал время и деньги в другое доходное предприятие: следуя примеру многих своих соседей, он гнал самогон. Более того, Пиплс, как говорят, был близок с Дэвидом Джорданом, одним из многих кузенов Доусона Джордана, промышлявших самогонованием. Как объяснял Морис Юджин Джордан, «у них было порядочно дистилляторов. Инспектора находили их, громили, но проходило время, и они снова начинали работать. Ключ к успеху был – не быть пойманными».

Довольно скоро Джеймс обратился к Эдварду Пиплсу по поводу Лоис, как он называл девочку, с которой хотел встречаться. Много работавший и не любивший праздной ерунды Пиплс не очень-то проникся этой идеей. «Она недостаточно взрослая», – отвечал он. Впрочем, у молодой любви – не говоря уже об амбициях – были свои планы на этот счет. Двое вскоре начали встречаться, несмотря на неодобрение родителей. «Мы быстро полюбили друг друга и встречались следующие три года», – вспоминала Делорис.

Их отношения не утратили своего огонька даже после того, как Джеймс по окончании школы в 1955 г. вступил в Военно-воздушные силы, что стало большим поводом для гордости его отца и деда. Пока Джеймс проходил обучение в Техасе, семья Делорис отправила ее в Алабаму жить вместе с дядей и посещать двухлетние курсы по косметологии. Она утверждала, что переезд был задуман родителями в попытке немного притормозить ее отношения с молодым авиатором, но к тому времени они уже набрали крейсерскую скорость. К началу 1957 г. ей было 15 и она была беременна – этот факт не упомянут в ее мемуарах, – а вдобавок была вынуждена мириться с гневом семьи. Внезапный отъезд в Алабаму был типичным для тех времен решением проблемы: беременных девушек-подростков часто отправляли восвояси рожать и воспитывать ребенка.

В апреле того же года и Джеймс, и Делорис уже возвратились в округ Пендер и отправились вместе в кино, по всей видимости, чтобы разобраться в ситуации. Решение пришло, когда он сделал ей предложение в своей машине после сеанса. Как только Джеймс поступил по всей законности, она сообщила родителям, что не вернется в Алабаму, и это решение, судя по всему, тоже не очень хорошо приняли. Годы спустя она скажет, что ее мать настаивала на том, чтобы она вернулась в школу и продолжила учиться. «Моей маме следовало посадить меня на поезд», – сказала однажды Делорис репортеру.

Вместо этого она въехала в многолюдный дом своего жениха в Тичи, где по-прежнему всем заправлял Доусон Джордан, – ему было уже 66. Там беременная девушка вскоре крепко подружилась с Розабелл Джордан, которой только исполнилось 40. Благочестивая мирская женщина любила детей, любила, когда ее маленький дом был полон приглашенных родственников и друзей, приезжавших на праздники и в выходные. Делорис стала называть мать Джеймса «мисс Белл», а со временем, когда ее отношения с собственными родителями

стали очень натянутыми, Делорис нашла опору и поддержку в лице этой мудрой и заботливой женщины. Дружба между двумя женщинами со временем свяжет их крепчайшими семейными узами, что в будущем повлияет на карьерный успех Майкла Джордана.

В сентябре того же года Джеймс и Делорис отметили рождение своего первого ребенка, Джеймса Рональда. Молодая мать, которой только исполнилось 16, прижимала дитя к груди и раздумывала: что же готовит ему этот мир? Со временем ребенок вырастет в трудолюбивого молодого человека, каким был отец самой Делорис. Ронни, как его все будут называть, в старших классах школы работал на двух работах: водил школьный автобус, а вечерами управлял местным рестораном, – одновременно выделяясь отличной службой в младшем корпусе подготовки офицеров резерва, чем вызывал большую гордость родителей. Этот первый сын, казалось, перенял авторитет и командирские повадки Доусона Джордана. Он сделал примечательную карьеру в армии США, где был старшиной и неоднократно выезжал на боевые задания.

Делорис принесла нового ребенка в и без того многолюдный дом Джорданов. Джеймса приписали к базе в регионе Тайдуотер, в Виргинии, что чуть дальше чем в двух часах езды от дома, и по выходным он приезжал провести своего маленького сына. Позже Делорис призналась, что в тот период впервые начала сомневаться в правильности своего выбора и винить себя за такой поворот жизни. Она жаждала чаще видиться со своей семьей, но они жили почти в полчасе езды от нее, в Роки-Пойнт. Она продолжала верить в лучшее, а ее свекровь помогала ей не утратить позитивный настрой окончательно. Джеймс со своей стороны выполнял свои обязательства, он был убежден, что приобретенный на службе опыт поможет ему стать кормильцем семьи и обеспечит его детям жизнь, какую имели дети из среднего класса.

Бруклин, Тичи

В 1959 г. в молодой семье Джеймса Джордана появился второй ребенок, девочка Делорис. В первые годы жизни ребенок носил имя Делорес, но во взрослую жизнь она входила уже под именем Делорис. Чтобы не путаться, члены семьи называли ее просто Сис. В тот же год Джеймс уволился из рядов ВВС и возвратился в Тичи, где стал работать на местной текстильной фабрике. Какое-то время молодой семье приходилось ютиться в доме родителей Джеймса, но потом они смогли построить маленький домик на Калико Бэй-роуд, напротив дома Доусона, Медварда и Розабелл.

Близкое соседство дедушки и бабушки будет очень кстати, так как к 23 годам Делорис Джордан успеет родить пятерых детей. В ранние годы их жизни основное бремя по воспитанию детей упадет на плечи Розабелл Джордан, у которой было только одно желание: купать в любви и заботе каждого своего внука. Но какими бы крепкими ни были узы большого семейства Джорданов, время, проведенное Делорис в Алабаме, и служба, которую Джеймс прошел в ВВС, открыли обоим глаза на очевидную правду: за пределами Северной Каролины есть целый огромный мир. И так вышло, что во время строительства своего дома на Калико Бэй-роуд они начали ощущать глубоко сидевшее в них желание получить от этой жизни чуть больше, чем могли предложить маленькие фермерские сообщества Тичи и Уоллеса.

В этом отношении они ничем не отличались от миллионов других представителей своего поколения. В особенности это касалось афроамериканцев, которые делали первые глотки свежего воздуха после стольких лет удушающих притеснений. Крепостная система эксплуатации и фермерства на арендованных землях начала отмирать после Великой депрессии и Второй мировой войны, которые ускорили переезд миллионов чернокожих жителей из сельской местности в крупные города (особенно на севере), где они искали новые экономические возможности для выживания.

Марш за свободу начал набирать обороты 1 февраля 1960 г., когда четверо чернокожих студентов из Сельскохозяйственного и технического университета Северной Каролины (A&T) отправились в магазин Woolworth в Гринсборо, сделали там кое-какие покупки, а потом присели за буфетную стойку, заказав себе кофе. Их простые действия эхом разнесутся по всей Северной Каролине. Управляющие магазина проигнорировали студентов, и тогда они в ответ решили в тишине досидеть до его закрытия. Следующим утром студенты A&T вернулись в магазин в компании пятерых друзей и вновь попросили обслужить их за буфетом. Натолкнувшись на полное молчание управляющих магазина, студенты начали так называемую сидячую забастовку, тихую и мирную демонстрацию протеста. Вскоре в магазин стала приходить белая молодежь, дразнившая чернокожих и швырявшая в них окурки, но в других городах штата: в Уинстон-Сейлеме, Дареме, Шарлотт, Роли и Хай-Пойнте, стали появляться аналогичные протестные группы. А потом движение раскинулось на 15 городов и еще большее число магазинов Woolworth по всей стране, и всего-то за две недели. Woolworth, общенациональная сеть магазинов, вскоре смягчила свою политику и начала обслуживать чернокожих клиентов в своих буфетах. Компания явно не хотела, чтобы в общественном сознании ее имя ассоциировалось с расистским скандалом, запечатлеть который могли телекамеры национального телевидения.

Разворачивавшееся движение за гражданские права было лишь одним элементом невероятного культурного сдвига, затронувшего всю страну. С этими переменами пришла надежда на новую жизнь, и Джеймс с Делорис не могли не заразиться этими оптимистичными ожиданиями. Время было волнующее, но все-таки непонятное и по-прежнему весьма опасное. В начале 1962 г. Делорис родила второго сына, Ларри; два месяца спустя она узнала, что вскоре у нее будет еще один ребенок. Вскоре после этого 21-летняя Делорис и ее муж взяли под мышку маленького Ларри и направились в Бруклин, Нью-Йорк, где прожили почти два года, пока Джеймс, реализуя право, данное ему G.I.Bill⁶, постигал премудрости сборки, ремонта и обслуживания гидравлического оборудования, что стало логичным продолжением образования, полученного им во время службы в ВВС. При переезде двух старших детей – оба были младше пяти лет и еще только подрастали – пришлось оставить под опекой бабушки и дедушки почти на два года. Позже Делорис Джордан обмолвится, что фактически у нее и Джеймса было две семьи: старшие дети, оставшиеся в Каролине, и младшие. По этой причине их семью разделит немаленький барьер.

Какими бы жизнерадостными ни были юные члены семьи, разрыв с родителями изменил их, закалив характеры. Джорданы не пробыли в Нью-Йорке и двух недель, когда Делорис получила вести о внезапной смерти своей матери Инес. Шок от утраты и резкий наплыв горя и страданий поразил Делорис до глубины души и поставил под угрозу жизнь ее еще не родившегося ребенка. Доктор прописал ей постельный режим на неделю. «Едва не случившийся выкидыш мы переживали очень тяжело», – вспоминал годы спустя Джеймс Джордан.

Отношения между Делорис и ее матерью улучшились после сложного периода, включившего в себя раннюю беременность девушки и ее замужество, но неразрешенные противоречия все еще оставались, как это часто бывает в случае с внезапной и преждевременной смертью близкого человека. Горе Делорис усугублялось сложной беременностью и общей ситуацией: она была вдали от дома, в незнакомом многолюдном городе. Роды выдались особенно трудными и беспокойными. Схватки начались у Делорис раньше запланированного, что объясняет то, как она оказалась в госпитале Камберленд в Бруклине, хотя ее врач принимал на Манхэттене. Еще до того, как санитары госпиталя успели положить Делорис на коляску, чтобы доставить ее в отделение скорой помощи, на свет появился поразительно

⁶ G.I.Bill – закон, принятый в 1944 г., согласно которому лицам, служившим в вооруженных силах во время Второй мировой войны и после, выделялась стипендия для получения образования и другие льготы.

крепкий и крупный мальчик, покрытый слизью и пытавшийся вдохнуть полной грудью. День был воскресный, 17 февраля 1963 г. «Когда Майкл родился, мы подумали, что с ним, наверное, что-то не так, – рассказывал Джеймс Джордан много позже в интервью газете *Chicago Tribune*. – Когда он родился, у него из носа текла кровь. Его продержали в госпитале еще три дня после того, как выписали Делорис. До пятилетнего возраста у него без видимых причин периодически текла кровь из носа, потом это прекратилось». «После рождения Майкла доктора продержали его у себя еще несколько дней, чтобы удостовериться, что его легкие прочистились от слизи», – вспоминала его мать.

Появление ребенка во многих смыслах утешило Делорис, горевавшую на протяжении нескольких месяцев. «Я всегда говорила, что рождение Майкла было сродни знаку свыше, – объясняла она позже. – Вынашивая Майкла, я внезапно потеряла свою маму, а он стал настоящей находкой. Майкл стал для меня счастьем, которое Бог ниспослал мне после очень грустного периода моей жизни».

Позже Майкл узнает подробности своего появления на свет из чикагских газет, от журналистов, которые соберут свидетельства у членов его семьи. «У меня до сих пор легко может пойти кровь из носа, – говорил он Бобу Сакамото из *Tribune*. – Эту историю мама никогда мне не рассказывала. Единственное, о чем она рассказывала, это об одном эпизоде, когда я, будучи младенцем, упал за кроватку и чуть не задохнулся. В жизни я несколько раз оказывался на волоске от смерти».

Едва не случившаяся гибель ребенка от удушения – это случилось, когда семья возвратилась в Северную Каролину, – лишь усилила беспокойство матери по поводу ее «особого подарка свыше». «Он был таким жизнерадостным ребенком, – вспоминала она. – Никогда не плакал. Просто покорми его и дай с чем-нибудь поиграть, и с ним все будет хорошо».

Когда Майклу исполнилось пять месяцев, семья возвратилась из Бруклина в свой дом на Калико Бэй-роуд в Тичи. Они переезжали, когда Делорис забеременела в последний раз (следующим ребенком стала дочь Розлин). По возвращении Джеймс устроился работником технического обслуживания на завод General Electric в Касл-Хейн, неподалеку от Уилмингтона, с успехом применив полученное образование на практике.

Вскоре молодая мать очутилась в крошечном доме с пятью детьми, четверо из которых были младше пяти лет. Муж называл ее Лоис, как и остальные члены семьи. А она ласково называла его Рэй. За время службы в рядах ВВС, работы на ферме и заводе GE он обзавелся впечатляющим телом. И хотя обычно он был человеком дружелюбным и отзывчивым, но стал все чаще демонстрировать свою суровую сторону. В обращении с детьми он оказался человеком строгим, постоянно давал им задания и поручения независимо от того, его это дети были или чужие.

Вскоре дети из ближайших окрестностей уже знали: с Рэем шутки плохи. Он вмиг надерет тебе уши.

Годы своего взросления Майкл провел на сонной Калико Бэй-роуд. По воспоминаниям и свидетельствам всех, его было легко рассмешить, он любил угождать, был голоден до развлечений и из-за этого ему порой перепадало ремня. «Приходилось приучать его к дисциплине, – вспоминала как-то Делорис Джордан. – Он постоянно испытывал тебя на прочность. Майкл всегда во что-нибудь ввязывался».

В двухлетнем возрасте он в один из вечеров бродил около дома, пока его отец занимался с машиной на заднем дворе. Отец работал с лампой, которая двумя удлинителями, тянувшимися по влажной земле, была подключена к розетке на кухне. Еще до того, как отец успел помешать ему, только начавший ходить Майкл схватил оба удлинителя в месте их соединения. Разряд тока отбросил его на три фута, сильно напугав. Никаких других повреждений ребенок не получил.

И без того строгие с детьми Джорданы после этого инцидента решили усилить контроль над ними. Никому из детей не позволялось покидать дом без разрешения ни при каких обстоятельствах. Каждый вечер они должны были быть в кровати к восьми часам вечера независимо от того, играют ли соседские дети на улице или уже разошлись по домам. Но по мере взросления Майкла довольно быстро стало понятно, что его широкую натуру не удержать такими запретами.

Как-то раз он попал в переплет, когда решил облить бензином осиное гнездо под повозкой дедули Доусона. За этим последовало приключение со стульями, стоявшими на лужайке у дома: он сложил их в удивительно высокую башню, чтобы продемонстрировать всем свою удаль и умение летать. После этой истории на руке у него остался длинный порез.

Джеймс Джордан дожидаться не мог дня, когда его дети достаточно подрастут, чтобы держать в руках биты. Он всегда с большим желанием тащил их на задний двор, чтобы побросать в их сторону бейсбольный мяч и научить их правильному замаху. Однажды Майкл ударил битой по куску деревяшки с вбитым в нее гвоздем, а мгновение спустя обнаружил, что пущенный им снаряд ударил его сестру по голове и там застрял.

Самый памятный случай приключился с ним в четырехлетнем возрасте, когда он выскользнул из родительского дома и, перебежав дорогу, оказался в доме бабушки, где обнаружил своего старшего кузена, рубившего дрова. Маленький Майк пару раз взмахнул топором, после чего кузен предложил ему пари: он обещал дать ему доллар, если Майк сможет отрубить себе палец на ноге. Жаждавший впечатлить старшего мальчик поднял топор и дал ему упасть себе на носок, после этого тут же взвыл от боли и рванул назад к матери через дорогу, прыгая на одной ноге, крича и истекая кровью.

«Он был непослушным ребенком», – будет вспоминать позже Джеймс Джордан с улыбкой на лице.

Сис, старшая девочка в семье, вспоминала, что у ее родителей в семье были свои любимчики. Она вместе с Ларри была любимым ребенком отца, а мать души не чаяла в Ронни и маленьком Майкле, у которых было всего 11 месяцев разницы в возрасте. Роз, последний ребенок в семье, купалась во всеобщей безраздельной любви и ласке. Живя в таком населенном и всегда оживленном доме, молодой Майкл Джордан стремился активно конкурировать за внимание к себе, и эта необходимость обозначила дальнейшую динамику всей его жизни. Он всегда любил и умел угождать – сначала родителям и семье, а позже тренерам и обожавшей его публике.

«Он в совершенстве постиг мастерство развлечения и часами мог забавлять нас, – вспоминала о тех ранних годах Сис. – Он делал все, что способно было вызвать улыбку, усмешку или хохот: танцевал, пел, поддразнивал. Он никогда не удовлетворялся игрой в одиночестве, ему всегда нужна была аудитория, он не позволял нам игнорировать его, как бы сильно мы ни пытались».

Снова переезд

Идиллия раннего детства Майкла в Тичи не часто встречалась в Америке 1960-х. Но еще до того, как он начал ходить в детский сад осенью 1968-го, обстоятельства драматичным образом изменились. В январе того года Джеймс и Делорис Джордан продали свой дом в Тичи, собрали чемоданы и перебрались в Уилмингтон, что примерно в 60 милях в сторону побережья. Одной из причин переезда была усталость Джеймса от каждодневных сорокаминутных поездок на завод GE в Касл-Хейн. Но более значимым поводом переехать, как расскажет позже Делорис Джордан, было желание семьи познать жизнь за пределами деревни, в том числе предоставить больше возможностей для своих детей. Они продолжили жить достаточно близко от бабушки и бабушки и собирались совершать частые визиты в Уол-

лес и Тичи. В частности, они дали обещание, что будут возвращаться хотя бы один выходной в месяц, чтобы присутствовать на службах в африканской методистской епископальной церкви Рокфиш, десятилетиями бывшей для семьи Джордан местом поклонения.

Они едва успели распаковать свои вещи в Уилмингтоне, как пришло известие об убийстве Мартина Лютера Кинга-младшего, приведшее в замешательство всю страну. Даже в Уоллесе и Тичи черные и белые начали конфликтовать после произошедшего убийства, а в Уилмингтоне было ничуть не лучше. С 1950-х гг. местное общество добилося кое-какого прогресса по части расовых отношений: лидеры сообщества увидели, что привлечение инвестиций в округ и развитие в нем бизнеса требовали перемен в старом укладе жизни. Уилмингтон долгое время был железнодорожным узлом, пока в 1955-м железная дорога Атлантического побережья США не перенесла свой центральный офис в Джексонвилл, чем вынудила Уилмингтон искать варианты трудоустроить население в новой отрасли. Компании вроде General Electric заявили, что согласятся разместить свои предприятия в Уилмингтоне только в том случае, если город сделает равными трудовые возможности для всех жителей.

Но даже при этом расовая атмосфера в Уилмингтоне оставалась напряженной. Джорданы перебрались в город как раз тогда, когда школы начали реализацию утвержденного судом плана по десегрегации, вызвавшего большой скандал и много негатива. Центральное место в умах людей и газетах занимали планы города по объединению черных и белых в общих школах. Поскольку начальные школы, согласно плану, должны были последними пройти через процесс интеграции, Майклу и другим чернокожим ученикам пришлось той осенью начинать учебу в классах, все еще разделенных по расовому признаку.

Атмосфера накалялась до тех пор, пока наконец в феврале 1971 г. не случился взрыв: он прогремел в бакалейной лавке, которой владели белые в районе, населенном преимущественно чернокожими. Десять человек, девять черных мужчин и белая женщина, были позже арестованы по подозрению в причастности к инциденту и получили внушительные тюремные сроки по итогам расследования. Эта группа лиц, прозванная в прессе «уилмингтонской десяткой», подавала коллективные апелляции, добиваясь ликвидации расовой дискриминации в школах Северной Каролины. Сообщения об этом проскакивали в газетах еще долгие годы, прежде чем федеральный суд отменил их приговоры.

Неблагоприятный климат расового конфликта усилил беспокойство Делорис Джордан за своих детей, приписанных к новым школам округа.

Семья недолго прожила в одном месте и вскоре переехала в район Уивер Экрс, на улицу Гордон-роуд. Какое-то время они жили там, пока не переехали вновь, в дом в том же квартале. Новым жилищем стал многоуровневый дом из кирпича и досок. Джеймс Джордан построил его на участке земли в 12 акров⁷, в тени сосен. Он был удобно расположен относительно пригородных школ округа Нью-Хановер и при этом находился достаточно близко к центру города. Океан был всего в нескольких милях, и порой тихими летними вечерами Джеймс и Делорис сбегали на побережье, чтобы приятно провести там время. У молодого Майкла же, наоборот, вскоре развилось стойкое отвращение к воде. Примерно в семилетнем возрасте он плавал вместе с другом в океане, как вдруг друг запаниковал и вцепился в Майкла. Майкл отплыл в сторону, чтобы не дать мальчишке утянуть себя под воду, и ребенок утонул. Несколько лет спустя Майкл и сам попал в беду в бассейне во время поездки на бейсбол, и тогда другим пришлось вытаскивать его из воды. Спустя еще несколько лет одна из его подруг по колледжу утонула, приехав к родителям на праздник.

«Я не связываюсь с водой» – известно, что Джордан не раз произносил эти слова впоследствии.

⁷ 1 акр = 4046,85 м².

Уивер Экрс был относительно молодым кварталом, населенным по большей части черными, но там жили и семьи других рас, и уживаться им удавалось вполне мирно. Джеймс и Делорис приучали своих детей уважительно относиться ко всем людям, объясняя им, что от стереотипов толку мало. Нужно обращаться с людьми как с людьми, вне зависимости от их цвета кожи, – было их кредо. И действительно, по соседству с Джорданами на Калико Бэй-роуд жила белая семья, и дети без проблем играли со своими сверстниками. Открытость семьи и широта взглядов молодых родителей означали, что Джорданы были готовы идти на большие жертвы, чтобы подготовить своих детей к жизни в совершенно новом мире.

Толерантное отношение к окружающим стало отличительной чертой ранних лет жизни Джордана в Уилмингтоне. К третьему классу школы Майкл крепко подружился с Дэвидом Бриджерсом, белым соседом и одноклассником. Они продолжили тесно общаться и спустя много лет после того, как один из них стал мировой знаменитостью. Ребята вместе играли в бейсбол и катались на велосипедах, заодно исследуя леса и русла ручьев по всему Уивер Экрс. Бриджерс был сыном таксиста, его семья недавно переехала из Южной Дакоты. Когда брак его родителей треснул, связь Бриджерса с Майклом стала лишь крепче. Они оба разделяли любовь отца Майкла к бейсболу, и Дэвид был желанным гостем в доме Джорданов. Бриджерс и Джордан поочередно играли роль питчеров в сильной местной команде Младшей лиги. Тот из них, кто не был питчером, занимал позицию центрального принимающего игрока.

«Перед каждой подачей я смотрел на Майкла, стоявшего в центре, а он показывал мне поднятый большой палец, – вспоминал как-то Бриджерс. – Когда на горке стоял он, я делал то же самое».

Одним знойным днем, еще до того как у Майкла развилась боязнь воды, они, думая, что соседи уехали и дома никого нет, пробрались к ним на задний двор, чтобы окунуться в бассейн. Хозяева дома увидели мальчишек и заставили их вылезти из воды, но сделали это так, что оба ребенка почувствовали расовый подтекст в их словах.

«Они увидели Майка и вышвырнули нас обоих со двора, – рассказывал Бриджерс. – Остаток пути на велосипеде мы проехали молча. Я спросил у него, знает ли он, почему они выгнали нас. Он сказал «да». Я спросил, переживает ли он на этот счет. Он сказал «нет». А потом просто улыбнулся. Я никогда не забуду этого. Он сказал: «Я хорошо охладился. А ты?»»

Глава 4

Соперник

Чтобы завести его, требовалось всего несколько слов, а порой было достаточно и едва заметной ухмылки. Вдобавок он обладал магической способностью создать конфликтную ситуацию практически из ничего. Это они все осознают позже. Он запоминал внешне казавшиеся бессмысленными подколки или жесты и глубоко отпечатывал их в своем сердце, где они хранились, сияя радиоактивным излучением, они были ядерными топливными стержнями его великого внутреннего пламени.

Только много позже публика придет к пониманию того, сколько внимания он уделял даже самым мельчайшим деталям, насколько был неспособен о них забыть. Многие наблюдатели полагали, что эти «конфликты» были поводом посмеяться для самого Майкла, считали их маленькими инструментами выплескивания спортивной злости и адреналина и что он шутя мог отбросить их в сторону, как только с ними было покончено, как только очередная победа была им добыта в пылу борьбы. Но он не мог отбросить их, как не мог, скажем, отрезать себе правую руку. Они были настолько же естественны для его натуры, как и его длинный язык. Многие из слов, глубоко оскорбительных в понимании Майкла Джордана, зачастую были весьма далеки от того, чтобы их можно было считать жестокими упреками, кроме разве что самых первых и, как окажется ясно потом, самых важных.

«Иди в дом к женщинам».

Из миллионов фраз и предложений, что произнес Джеймс Джордан в адрес своего младшего сына, эта станет самой ярко сияющей, словно неоновая вывеска, и помнить ее Майкл будет еще много десятилетий.

«Мой отец был человеком механики, – вспоминал потом Джордан. – Он всегда старался скопить денег, занимаясь починкой всех машин в округе. А мои старшие братья помогали ему в работе. Он просил их дать ему ключ девять на шестнадцать, и они давали. Он вылезал оттуда и просил меня дать ему ключ девять на шестнадцать, а я понятия не имел, о чем он вообще говорит. Он раздражался и говорил мне: «Ты ни черта не знаешь, что делаешь. Иди домой к женщинам»».

Слова отца зазвенели в его ушах, как вызов, брошенный его подростковой мужественности. Даже тогда, когда первые гормональные всплески начали уплотнять его черты, внешне он оставался невинным, словно херувим, что обожали его сестры и братья, как и мать, с восторгом заключавшая его в свои объятия. Но это была лишь маскировка.

Злые слова его отца забрались куда-то глубоко внутрь его существа и активировали там какую-то заблудшую цепь ДНК, породив мутацию его соревновательного духа: он стал настолько крепким, что казалось, будто он из титана. Они содержали в себе все то презрение, с каким Майкл сталкивался почти каждый день на протяжении всех лет своего взросления в доме Джорданов, оно проявлялось в поведении, в отношении к нему.

«Годы спустя, – вспоминала его сестра Делорис, – в первые месяцы своей карьеры в NBA, он признался мне, что отношение к нему отца и заявление о том, что Майкл совершенно бестолков, стали той силой, что мотивировала его... Каждое достижение, каждый успех были для него словно боевой клич, которым он сопровождал очередную победу над отцом и его негативными представлениями о себе».

Майкл и сам потом расскажет, что в детстве отчетливо ощущал более благосклонное отношение отца к Ларри, старшему брату.

Джеймс Джордан и сам столкнулся с подобным отношением к себе со стороны своего отца. О презрении Медварда к нему в семье хорошо знали. Джеймс подтверждал это, и именно такое презрение мотивировало его уехать из Тичи, чтобы доказать свою состоятель-

ность службой в ВВС. Медвард гордился своим сыном, говорят члены семьи, но никогда не мог отыскать способа выразить это в разговорах лицом к лицу.

Джеймс отвечал ему своими аргументами снова и снова, добиваясь в жизни многого, о чем его отец не мог и мечтать. Этим часто занимаются отпрыски отцов, не баловавших своих детей одобрением. Даже не осознавая этого, они заикливаются на необходимости дать опровержение своей несостоятельности и постоянно доказывают отцам их неправоту, вновь и вновь отказываясь «просто идти в дом». И продолжают это делать даже тогда, когда отец обратился в прах, словно подсознательно пытаются докричаться в бездну времени до своего старика в попытке его переспорить.

Примерно тогда же, когда он «посоветовал» Майклу жить среди женщин, Джеймс Джордан повесил на заднем дворе своего семейного дома баскетбольное кольцо, чтобы его сыновья могли играть. До той поры атлетическое образование в семье строилось на упражнениях с бейсбольным мячом: Джеймс делал подачи сыновьям, приучая их правильно отбивать мяч и любить бейсбол. В пяти-шестилетнем возрасте они уже играли в T-ball – бейсбол для маленьких детей. В семь-восемь лет мальчики перешли на следующий уровень, начав играть в лиге, где применяются машины для подачи мячей. Впервые противостоять живым питчерам они начали в возрасте девяти-десяти лет, тогда же открылась дихотомия в их талантах. Если Ларри то и дело выбивал синглы, то Майкл отбивал мяч в сторону забора.

Именно Ларри, старший брат, первым заразился баскетболом.

Майкл уже уверенно шел к успеху в Младшей лиге, в которой выступал, когда во дворе дома открылась баскетбольная площадка. И внезапно все начало развиваться в совершенно другом направлении.

Вероятно, что Джеймс руководствовался инстинктом, подсказавшим ему, что раз Майкл имеет все шансы стать звездой бейсбола, то ему нужно непременно повесить баскетбольное кольцо для Ларри. Однако младший в это время уже тоже загорелся баскетболом. В девять лет Майкл сосредоточенно следил за тем, как сборная США, ведомая неистовым молодым защитником Дагом Коллинзом, прокладывает себе путь к финалу летней Олимпиады-1972, где ей предстояло сразиться с русскими. Когда американцы в скандальных обстоятельствах потерпели поражение, Майкл прибежал на кухню к матери рассказать об увиденном. «Он сказал: «Однажды я буду на Олимпиаде, и тогда мы точно победим», – вспоминала позже Делорис. – Я улыбнулась про себя и сказала: «Дорогой, чтобы выиграть золотую медаль, нужно приложить очень много усилий».

Однако механизм уже пришел в действие. С того момента Майкл будет смотреть все баскетбольные матчи, которые будут транслироваться по ТВ, а в то время их было совсем немного. Тогда, до наступления эры кабельного телевидения и постоянного присутствия на ТВ профессионального баскетбола, будущий властитель баскетбольных колец не мог смотреть матчи NBA. Но баскетбол местного уровня предложил ему альтернативу в виде еженедельных матчей Конференции атлантического побережья (Atlantic Coast Conference – ACC), что позволило Майклу следить за выкрутасами высокого полета Дэвида Томпсона, который выступал за команду «НК Стэйт Вулфпэк» Университета Северной Каролины. NBC показывало в эфире матчи национального чемпионата, включая игры с участием другой его любимой команды, «УКЛА Брюинз». Много лет спустя бывшая звезда «УКЛА» Маркес Джонсон будет озадачен, увидев постер со своей фотографией на памятной стене в честь Джордана в Университете Северной Каролины, но причина его появления там была в том, что Джонсон был телезвездой в подростковые годы Майкла.

К тому времени как Майклу исполнилось 11 лет, Джеймс Джордан купил в семью первый баскетбольный мяч, и вскоре после этого Майкл уже начал выполнять меткие броски на

площадке. Довольно быстро задний двор Джорданов начал привлекать к себе юных игроков со всего квартала, но в семье Джорданов действовал ряд правил. Дети должны были выполнять домашнюю работу прежде, чем идти играть на площадку, а правилу отбоя в восемь часов вечера необходимо было следовать строжайшим образом. И все же главным событием каждого дня были битвы титанов один на один – Майкл против Ларри.

И хотя Джордан был почти на год моложе, он уже был выше ростом, нежели его более крепкий и сильный старший брат. Майкл был болтлив, хотя они оба прибегали к трэш-току, пытаясь отыскать любые способы поддеть друг друга побольнее. Поединки быстро перерастали в физическую борьбу, а потом в бурное выяснение отношений. Когда крики и споры становились слишком агрессивными, Делорис Джордан вставала в дверях дома и принуждала братьев к миру. Иногда ей приходилось наказывать их, запирая дома. День за днем они сражались друг с другом, и Ларри удавалось доминировать над младшим братом благодаря силе и несмотря на преимущество Майкла в росте.

Постоянные победы его более низкорослого брата больно били по молодой неокрепшей психике Джордана. Горечь поражения могла растягиваться на год, а то и полтора. «Думаю, что Майкл стал таким классным игроком, потому что когда-то Ларри все время его обыгрывал, – объяснял позже Джеймс Джордан. – Он с трудом принимал поражения».

«Мы росли один на один», – вспоминал Ларри.

«Я всегда играл жестко, – говорил Джордан. – Мы с братом играли каждый день до тех пор, пока мама не загоняла нас домой... Мы никогда не думали о братских отношениях, ни минуты. Иногда все заканчивалось дракой».

Майкл был тонким, как тростник, ему не хватало физической силы, но постепенно он учился пользоваться своим преимуществом – ростом. Долгое время силы братьев были настолько равны, что они были почти что зеркальным отражением друг друга. «Когда видите меня в игре, вы видите играющим Ларри», – скажет позже Джордан.

«Я побеждал почти всегда до той поры, пока он не начал опережать меня в росте, – сказал Ларри. – После этого победам настал конец».

К тому времени как Дик Неэр, тренировавший Джордана в молодости, навестил Джорданов (Майкл тогда был подростком) и побывал на их заднем дворе, кольцо, висевшее там, уже было изрядно потрепано и скошено на сторону. По всей видимости, такой ущерб оно понесло в результате данков Ларри, служивших доказательством того, как страдала психика Майкла стараниями его старшего брата.

Эти битвы на заднем дворе определяют характер взаимоотношений двух братьев во взрослой жизни: их близость закалила братская вражда. Они также определили манеру общения Майкла с партнерами по командам, которая будет отличать его в профессиональной карьере. Джеймс Уорти вспоминал, как Джордан, пришедший первокурсником в баскетбольную команду Университета Северной Каролины, докучал ему вызовами на поединки один на один: «Его целью было отыскать лучшего игрока команды, и таким игроком был я, я тогда учился на третьем курсе. Он был забиякой и постоянно задирает меня».

Но еще раньше он вел себя подобным образом в уилмингтонском Эмпи-парке и городском общественном центре имени Мартина Лютера Кинга. «В какой-то момент все дошло до того, что мне пришлось просить его не приходить играть», – вспоминал директор центра Уильям Мерфи. «Я не хотел, чтобы ему перепало, – говорил Мерфи. – Я боялся, что ему ноги отрежут. Он бросал вызовы всем подряд». Таким грубым был ответ на его привычку агрессивно атаковать.

«Так было всюду, куда бы он ни шел», – объяснял Джордж Мамфорд, психолог, работавший с Джорданом, когда тот уже стал профессиональным атлетом. В каждом сопернике ему мерещился Ларри, которого нужно было обыграть. Много лет спустя мифология, порожа-

денная матчами один на один между братьями, обеспечит Ларри особый статус в узком кругу приближенных Майкла сначала в колледже, а позже в Чикаго.

«Майкл и Ларри, по всей видимости, яростно соперничали друг с другом в детстве, и Ларри занимал в его жизни очень большое место, – объяснял Дэвид Харт, сосед Майкла по комнате в Университете Северной Каролины и менеджер команды. – Майкл очень любил Ларри и постоянно говорил о нем – он прямо благоговел перед ним. Но несмотря на то что Майкл добился гораздо большего, чем Ларри, как атлет, он никогда не позволял этому как-либо отразиться на его чувствах к старшему брату – его эмоциональная связь с ним была очень крепка, как и уважение, которое он испытывал к нему. Когда рядом оказывался брат, Майкл тут же сбрасывал с себя весь тяжкий груз славы и достижений и становился просто любящим, обожающим младшим братом».

Позже в Чикаго Ларри Джордан присоединится к профессиональной баскетбольной лиге, в которой по правилам командам запрещалось иметь в составе игроков выше 193 см, но довольно быстро он травмировал плечо и ушел, беспокоясь, что без него семейный дом будет пустовать. «Я никогда не чувствовал, что Майкл меня затмил, потому что мог вблизи наблюдать его работу, – сказал Ларри в интервью 2012 г. – Я занимался игровыми видами спорта всю свою жизнь, но никогда не был таким страстным фанатом баскетбола, как Майкл. Я больше имел склонность работать руками, я был механиком, как мой отец».

«Он был породистым атлетом, – однажды сказал о Ларри Даг Коллинз, тренировавший Майкла в Чикаго. – Помню, как увидел его в первый раз – довольно низкого, но невероятно мускулистого молодого человека с потрясающим телом, ростом примерно 170 см, у него было скорее тело футболиста, нежели баскетболиста. В тот момент, когда я его увидел, я понял, откуда Майкл черпал свою мотивацию».

Поп Херринг тренировал братьев в старшей школе Лэйни в Уилмингтоне, где Майкл стал звездой, а Ларри получал совсем немного игрового времени. «Ларри, – сказал как-то Херринг, – был настолько заряжен на борьбу и имел настолько крепкий соревновательный дух атлета, что это вмиг компенсировало всякую нехватку роста: из парня в 170 см он превращался в баскетболиста ростом под метр девяносто. Уверен, что Майкла бы знали как брата Ларри, а не наоборот».

Возможно, некоторые слова похвалы здесь несколько преувеличены с учетом того, с какой теплотой члены семьи и друзья относились к Ларри Джордану. Они часто называли его искренним, воспитанным и сдержанным парнем, но видели в нем болезненный отпечаток коварной судьбы. В подростковом возрасте он был очень близок по способностям к своему брату, но жизнь уготовила ему быть вечно в тени Майкла. Это обстоятельство не давало покоя Делорис Джордан долгие годы. Оно всплывало даже в моменты веселья, когда братья уже стали взрослыми. После того как Майкл стал звездой NBA, они как-то раз решили вспомнить былое и сыграть один на один, как в старые добрые времена, и в какой-то момент матча Майкл взял паузу, посмотрел вниз на ноги Ларри и произнес: «Не забывай, чье имя на твоих кроссовках».

Билл Биллингсли вспоминал, как двое братьев вместе делали свои первые шаги в организованном баскетболе. Все началось в 1975-м, в допотопном спортзале в старой уилмингтонской школе на Честнат-стрит, где проходили матчи молодежной городской баскетбольной лиги. Биллингсли, тогда ему было 24 года, тренировал команду, которой противостояли Джорданы. «Когда ты их видел, то казалось, что Ларри тут младший, – говорил он. – Майкл был гораздо выше него. Даже тогда Ларри и близко не был таким игроком, каким был Майкл».

Ларри вспоминал, что их обоих привел в баскетбол их молодежный тренер по бейсболу. Дик Неэр помогал собирать молодежные команды и позвонил Нэду Пэрришу, трени-

ровавшему Майкла, когда тот занимался бейсболом. Пэрриш незамедлительно порекомендовал братьев Джорданов.

В интервью 2012 г. Неэр смеялся, вспоминая молодого Джордана в составе той баскетбольной команды. «Он был великий охотник, – говорил тренер. – Он никогда не играл в командный баскетбол. Его тренер по бейсболу из Младшей лиги поставил его в команду. Он был хорошим дриблером. Умело обращался с мячом. Был быстрым. Но если дать ему мяч, все, больше его не увидишь. Он тут же улетал в корзину. Нас это очень смешило».

Команда Биллингсли провела три игры против той первой джорданской команды и одержала две победы во многом за счет того, что Биллингсли приучал своих игроков опекать соперников персонально, тогда как остальные команды лиги практиковали ленивую и неповоротливую зонную защиту, столь типичную для молодежного баскетбола. Биллингсли приставил опекать Джордана свою главную звезду, Реджи Уильямса, который потом играл какое-то время на уровне колледжей. «Майкл был их лучшим игроком. Чтобы вы поняли, насколько он был умен даже в том возрасте, я скажу, что в один момент он повернулся к Реджи спиной, укрыв мяч, а потом сделал короткий бросок в прыжке, – вспоминал тренер. – Даже в 12-летнем возрасте он уже обладал пониманием баскетбола и необходимыми навыками». Биллингсли считал, что такой маневр в исполнении Майкла был чисто инстинктивным, поскольку ни у одного детского тренера не будет ни времени, не стремления обучать игроков подобным вещам.

«Когда мне было 12 лет, мы с братом Ларри выходили в старте в защиту, играя в лиге для малышей, – вспоминал о том опыте Джордан. – Он был защитником, а я забрасывал. И вот я опять забросил победный мяч, мы едем домой, а мой отец говорит: «Ларри, ты сегодня отлично отыграл в защите». А я тут же: «Блин, я забрал мяч и сделал победный лэй-ап». В моем представлении отец попросту не видел очевидного, не видел, что я сделал в игре, а потому должен был обязательно ему это показать. Теперь забавно вспоминать подобные ситуации и понимать, что это были шаги к формированию соревновательного духа и отношения».

В бейсболе было то же самое. Майкл делал хоум-ран, а Ларри – удар на базу, после чего отец всегда говорил: «Ларри, как здорово ты относишься к игре, сразу метишь удар на базу».

Эти первые опыты по организации любительских баскетбольных лиг ставились еще до наступления эпохи, когда Союз спортсменов-любителей (Amateur Athletic Union – AAU) начал привлекать в баскетбол детей с юного возраста. В то же время бейсбол – игра, в которую играли преимущественно белые, – пользовался в Уилмингтоне, как объяснял Биллингсли, широкой и всесторонней поддержкой. Ресурсы молодежного баскетбола были куда более скудными в сравнении с бейсболом.

В конце сезона Майкл попал в команду Всех Звезд, даже несмотря на то что был одним из самых молодых игроков лиги. Поскольку команда Биллингсли выиграла чемпионат, его выбрали тренером команды Всех Звезд. Он начал готовить группу игроков к турниру штата и тогда впервые столкнулся с Джеймсом и Делорис Джордан. «Его родители смотрели каждый его матч, – вспоминал тренер. – Мы с вами говорим о родителях, очень преданных своим детям, их дети были для них всем. Мистер Джордан был тихим человеком. Миссис Джордан придавала их отношениям динамичности. Любой, кто проводил с ними рядом какое-то время, оставался впечатлен силой воли Делорис Джордан. Она оберегала своих детей. Некоторые родители просто привозили детей и отчаливали. Только не они. Они всегда были там, но никогда не надоедали мне и не пытались повлиять на мои решения». Более того, они ни слова не сказали о том, как он руководит командой.

Весной 1975-го команда Всех Звезд Уилмингтона отправилась в Шелби, местечко неподалеку от Шарлотт, там проходил показательный турнир штата. Джеймс Джордан был в рядах небольшой группы родителей, отправившихся с детьми в поездку. Биллингсли вспо-

минал, что команда отыграла четыре игры за два дня, добравшись до полуфинала турнира, где уступила команде из Чапел-Хилл, в атаке у которой играли рослые, многократно превосходившие по силе его подопечных игроки.

«Последнюю ночь мы проводили в отеле, – вспоминал тренер. – Дети сидели в своих номерах и играли. Кое-кто из отцов и тренеров рубился в картишки. Ничего серьезного, сплошное веселье. Кто-то сказал: «Давайте достанем пивка». Биллингсли впечатлили слова Джеймса Джордана, который сразу же заметил, что они приехали в «сухой» округ, тут не продают алкоголь. «Мистер Джордан, он отлично знал, где можно было достать немного пива. Он пересек границу штата и вернулся с двумя-тремя блоками пивных банок, – вспоминал Биллингсли. – Мы засиделись допоздна, просто приятно проводили время, не то чтобы играли в карты. Мистер Джордан был очень приятный малый».

Эта поездка была первой в череде многих и многих баскетбольных поездок, которые отец и сын совершат вместе в последующие годы. С кем бы они ни знакомились, у всех складывалось потрясающее мнение о Джеймсе Джордане. «Какой приятный человек!» – будут повторять они снова и снова, человек открытый и дружелюбный, всегда с готовностью улыбающийся и дружески хлопавший по плечу, щедро делившийся симпатией и лаской и одаривший теплым отношением даже такого человека, как генеральный менеджер «Буллз» Джерри Краузе, хлебнувшего немало негатива за время своего конфликта с Майклом.

«Он был таким приятным и дружелюбным мужчиной», – говорит Биллингсли. Но, что более важно, люди подмечали и другое. Майкл Джордан полностью заслужил любовь своего отца. Очевидно, что на определенном уровне Джордан и сам это понимал. Но на другом уровне, том, самом важном, такая информация никогда не отпечатывалась на непроницаемом ядре его психики атлета, привыкшего бороться и побеждать. Неизменная программа Майкла Джордана уже была задана, и по малейшему щелчку она тут же вызывала цунами страсти и драйва, которое заставляло всех вокруг недоуменно раскрывать глаза.

Никого, разумеется, эти моменты не удивляли так сильно, как самого Джордана. Когда они овладевали им снова и снова, из года в год, он все так же, как в первый раз, удивлялся этому. И всегда задавал себе один и тот же вопрос: «Что я сделаю дальше?»

Тьма

Несмотря на внешнее благополучие, союз Джеймса и Делорис Джорданов оказался на грани разрушения в середине 1970-х. На публике они демонстрировали гармонию и счастье, но их брак отравляли разногласия, порой выливавшиеся в громкие скандалы и даже насилие. Когда случился самый худший из этих конфликтов – начавшийся в доме на Калико Бэйроуд, – Джеймс и Делорис кинулись друг на друга на глазах у детей, которые выскочили из дома и, перебежав улицу, стали звать дедушку, чтобы он прекратил рукопашную схватку родителей. Переезд в Уилмингтон никак не разрешил эту проблему. Они не ругались каждый день, но когда такое случалось, все быстро выходило из-под контроля. Дочь Сис вспоминает, как в ходе одной из таких ссор ее мать погналась за отцом, а тот ответил ей нокаутирующим ударом, после которого Делорис потеряла сознание. Дети испугались, решив, что она умерла, но на следующий день она вышла из спальни как ни в чем не бывало. Другой инцидент включал жутковатую погоню на автомобилях по дороге около дома, причем дети находились в одной из машин. Подобные инциденты время от времени прерывали общее мирное течение жизни, двигавшее семью вперед, но в этом движении всегда находилось место таившемуся где-то на задворках страху.

Работа Джеймса в General Electric позволяла семье вести комфортную жизнь и обеспечивала детей разными возможностями.

Все дети чем-то занимались помимо школы, а у старших даже были подработки. Но и с высокой зарплатой Джеймса им приходилось сталкиваться с финансовыми трудностями. Когда Розлин, самая младшая в семье, пошла в школу, Делорис устроилась работать на сборочном конвейере на местном заводе компании Corning. Работа была сменная, с плавающим графиком, из-за чего весь привычный распорядок жизни семьи нарушился. Так продолжалось до тех пор, пока Делорис не опустила руки и не бросила работу. Она не обсуждала свое решение с Джеймсом, но он его принял. Спустя несколько месяцев она нашла работу в местном филиале United Carolina Bank, служащей которого стала.

Как будто сочтя, что одних этих хлопот семье не хватает, пара решила открыть ночной клуб Eleganza, что в то время казалось неплохой идеей. Им обоим уже было за 30, и добрую половину своих молодых лет они занимались воспитанием детей. Ни один из них никогда не упоминал клуб ни в одном интервью, данном журналистам, интересовавшимся темой взросления Майкла. Однако кажется, что клуб Eleganza сыграл некоторую роль в разрешении их брачных проблем. Подобные затеи зачастую высасывают из семьи все время и деньги, а жизнь Джеймса и Делорис и так уже была полна забот о детях.

Сис предположила, что несчастливая жизнь в родном доме подтолкнула Ронни записаться в ряды Армии США, чтобы пройти там базовый курс подготовки, спустя всего два дня после окончания старшей школы в 1975-м. Другие утверждали, что он годами мечтал об армейской службе, что подтверждают его связи с корпусом подготовки офицеров запаса в старшей школе. Какой бы ни была причина, побудившая его так поступить, отъезд Ронни только усилил напряжение внутри семьи. Когда семья провожала его с автовокзала, Делорис горько рыдала. «Ощущение было такое, что в доме кто-то умер, – сказала Делорис об отъезде Ронни. – Я долгие-долгие годы не могла заставить себя войти в его комнату. Он первым покинул гнездо».

Как и многие матери, столкнувшиеся со стрессом и вызовами материнства, Делорис изрядно набрала лишнего веса. И хотя потом ей удастся похудеть, этот период оказал глубокое эмоциональное воздействие на мать пятерых детей. И памятуя о своих собственных зловключениях подросткового возраста, она стала все сильнее и сильнее тревожиться за дочь Сис, которая уже начала половую жизнь. Мать и дочь никогда не были особенно близки, а потому довольно скоро между ними начались почти что ежедневные некрасивые склоки и скандалы. Одна из таких сцен приключилась летним утром 1975-го, когда Делорис везла свою дочь на работу. Когда они уже подъезжали к месту работы Сис, дискаунт-магазину Gibson's, градус напряжения между ними достиг предела. Делорис предположительно назвала свою дочь шлюхой. «Если я такая шлюха, что же ты пускаешь своего мужика ко мне в постель?» – отвечала Сис, о чем она позже рассказала в своей книге *In My Family's Shadow*, опубликованной самостоятельно.

У Делорис просто челюсть упала. Она была поражена словами дочери, но прежде чем успела собраться с мыслями, Сис выскочила из машины и убежала на работу. Делорис в ответ стала беспрестанно нажимать на клаксон в попытке вызвать свою дочь на улицу. Оказавшись в магазине, Сис попыталась проигнорировать ревущую сирену автомобиля, но менеджер магазина сказал ей, чтобы она вернулась на улицу и узнала у матери, чего та хочет.

Когда Сис возвратилась в машину, Делорис попросила дочь объяснить свои слова. Мать молча слушала, пока Сис рассказывала о продолжавшихся свыше восьми лет домогательствах со стороны Джеймса Джордана, который поздними ночами приходил к ней в спальню, где она спала вместе с Розлин, – младшая дочь была еще дошкольницей, когда начались предполагаемые домогательства отца к Сис. Она рассказывала, как отец сначала объяснял ей, что учит ее целоваться по-взрослому, говорила, как была смущена этими «уроками» и как со временем его домогательства становились все откровеннее.

За этим последовала душераздирающая, со слов Сис, сцена. Они с матерью подъехали в клубу Eleganza, где Джеймс занимался текущим ремонтом. Жена приказала ему сесть в машину, после чего привезла на тихую улицу, где попросила дочь повторить обвинения в адрес отца. Когда Сис начала все рассказывать снова, Делорис говорила мужу, что теперь начинают проясняться некоторые подозрительные моменты их брачных отношений. Джеймс пришел в ярость и, набросившись на дочь, принялся душить ее с криком: «И ты поверишь этой шлюхе?» Сис вспоминала, что слова отца, назвавшего ее шлюхой, поразили ее до глубины души. Сис отчаянно хватала ртом воздух, а Делорис приказала мужу тотчас остановиться, пригрозив, что иначе убьет его на месте.

Только тогда наконец вспышка гнева утихла, вспоминала в своей книге Сис. Они все успокоились и поехали вместе домой, после чего дочь сразу же убежала в свою комнату и закрылась. Спустя примерно час к ней пришла мать, сообщившая ей, что такие обстоятельства делают невозможным их дальнейшее совместное сосуществование с отцом под одной крышей. Поскольку Сис оставалось учиться в старшей школе еще два года, ей придется покинуть семью и переехать в женское общежитие. Делорис сказала дочери, что Джеймс, по его словам, «всего-навсего пытался ей помочь» и оправдывался тем, что дочь якобы совершенно не так поняла его искреннюю любовь к ней.

Ни при каких обстоятельствах, подчеркнула Делорис, Сис не должна никогда и никому из членов семьи или посторонним людям сообщать о случившемся. Тогда дочь не сказала матери, что давать такой наказ было уже поздно: в 12-летнем возрасте она призналась во всем своему кузену-одногодке. Кузен, в свою очередь, рассказал ее брату, но если слух и пополз дальше среди членов семьи Джорданов, то разве что шепотом. Никто в семье, казалось, не рискнет пойти на конфронтацию с Джеймсом Джорданом, который вызывал у ее членов восхищение и страх в равной степени.

Джорданы так никогда и не воплотили в жизнь свою угрозу отправить дочь в женское общежитие. Родители Сис сумели каким-то образом проглотить этот инцидент и жить дальше, сохранив при этом прежнюю модель поведения благополучной семьи. Джеймс Джордан, в частности, продолжал получать похвалу и признание как дружелюбный человек и отец совершенно особенного спортсмена.

Оценить правдивость обвинений, выдвинутых Сис, практически невозможно из-за того, что они были преданы огласке лишь спустя десятилетия, в 2001 г., а в то время, когда насилие имело место, она никогда о нем не сообщала властям, органам соцзащиты или полиции. Делорис Джордан, по всей видимости, обдумала заявление своей дочери и пришла к выводу, что введение в курс дела представителей власти разрушит их семью и поставит под угрозу дальнейшую судьбу других детей. Скорее всего, уголовные обвинения в адрес Джеймса привели бы к его увольнению с работы и утрате основного источника дохода семьи.

Спустя десять лет после того, как Сис во всем созналась матери, она связалась с адвокатом из Шарлотт, чтобы узнать, существует ли возможность подать в суд на родителей. В своей книге она упоминала, что адвокат порекомендовал ей обратиться в правоохранительные органы Уилмингтона, которые, в свою очередь, сообщили ей о том, что согласно закону об исковой давности она не может подать в суд, так как все сроки давно истекли.

Майклу в то время было 12 лет, он не был в курсе ситуации; он еще много лет не будет знать о том, что происходило с его сестрой. Сис покинула семью в 1977-м, чтобы выйти замуж и начать собственную семейную жизнь, однако вся ее жизнь пройдет под знаком продолжительной депрессии и сомнительных поступков, что позже станет аргументом для некоторых членов семьи, которые тем самым захотят поставить под сомнение правдивость ее заявлений. Адвокаты жертв сексуального насилия говорят, что подобные черты в поведении зачастую становятся характерными для жертв подобных преступлений.

Обвинения в домогательствах станут негласным яблоком раздора в семье, со временем они будут рвать и выкручивать отношения внутри семьи, и тут не помогут никакие попытки стереть их из памяти. Майкл Джордан черпал энергию для подпитки своего соревновательного духа из тех же глубинных и искренних чувств любви и преданности, которые испытывал к родителям. Его чувства по отношению к семье жили на куда более глубоком уровне, чем могли представить себе его поклонники. На протяжении стольких лет его взросление будет казаться идеальной историей успеха без единого сучка и задоринки, и этот образ активно поддерживался его матерью, пытавшейся всем доказать, что Джорданы были обычной семьей среднего класса.

Как и в случае с ее подростковой беременностью, Делорис была предпринята попытка скрыть от глаз публики правду, весьма далекую от нормального течения жизни. Ее защитники скажут, что решение, принятое в 1975-м, отражало добрые намерения матери семейства защитить мир в доме и брак.

Правда же может помочь объяснить, почему в поздние годы жизни, когда ей было уже далеко за 70, Делорис продолжала ездить по всему миру и в десятках стран рассказывать о том, как нужно справляться с семейными неурядицами. Она никогда не распространялась о глубочайших конфликтах, угрожавших ее собственной семье, но зато часто рассуждала о том, в чем разбиралась лучше всего, – выживании.

Глава 5

Бриллиант

Пока его семья погружалась в хаос перемен в 1975-м, Майкл Джордан провел выдающийся год как 12-летний игрок Младшей лиги. Его признали самым ценным игроком штата после того, как он совершил два ноу-хиттера и привел свою команду к выигрышу чемпионата штата. Позже, в матче регионального первенства в Джорджии, Майкл покажет свой талант отбивающего, когда в ключевой момент матча выбьет мяч за пределы поля, – его отец еще долгие годы будет улыбаться, вспоминая этот подвиг.

«Он часто говорил о том, что моя команда Младшей лиги скоро будет выступать в Мировой серии, – вспоминал Джордан, – а мы играли тогда в Джорджии, и нам было обещано, что любой, кому удастся сделать хоум-ран, получит бесплатный стейк. Я давненько не ел стейков, и отец сказал мне: «Если сделаешь хоум-ран, я куплю тебе еще один стейк». Мы играли на большом футбольном поле, и в четвертом иннинге я пробил по мячу так, что он вылетел за забор и мы получили два очка, сравняв счет 3: 3. Ту игру мы все равно проиграли 4: 3, но в спорте я никогда не испытывал ничего близкого к тому, что испытал, выбив мяч за пределы поля».

В то время Джеймс Джордан уже начал размышлять о том, что его сыну может быть уготовано будущее в профессиональной лиге. Уильям Генри Джордан, кузен, считал так же. «Майкл в 12-летнем возрасте делал подачи в матче Всех Звезд, где ему противостоял мой сын, – вспоминал он. – По правилам тех лет можно было подавать только четыре иннинга. Он сдюжил против всех 12 отбивающих, если я правильно помню. Он бросал невероятно сильно. Он играл за Нью-Хановер, а мой сын – за округ Пендер. Когда мы следили за его игрой, то были уверены, что Майкл станет профессиональным игроком».

Джордан не был только питчером. «Когда ему было 12 лет, он был выдающимся игроком в Младшей лиге, – вспоминал Дик Неэр, позже тренировавший Джордана в Лиге Бейба Рута. – Он был долговязым. И иногда играл шорт-стопом⁸. Он уходил за третью базу, чтобы подобрать граундболл, мог поймать мяч нерабочей рукой. Вы видели подобное в исполнении Дерека Джетера. Он подпрыгивал в воздухе и бросал мяч к первой базе. В Северной Каролине его называли Мистером Бейсболом».

Получив эту награду, Джордан в придачу к ней получил и стипендию на двухнедельную стажировку тем летом в бейсбольном лагере Микки Оуэна в Миссури. Это была огромная честь. Семья долгие годы с гордостью демонстрировала всем его награды, завоеванные в Младшей лиге. «Майкл исполнил 265-футовый хоум-ран в игре навывлет в Джорджии, – рассказывал посетителям Джеймс. – С самого начала ему понравилась Младшая лига, и он блистал в ней».

Однако молодой Майкл упал с вершины успеха так же быстро, как взлетел на нее. Той весной Неэр выбрал Джордана и еще четверых 13-летних игроков на драфте в Лиге Бейба Рута. В ней выступали игроки в возрасте 13–15 лет. «В Младшей лиге он был суперзвездой, но я всегда говорил родителям своих 13-летних игроков: «Ваш сын, вероятно, будет в этом году играть не слишком часто», – вспоминал Неэр.

Была и другая причина, по которой молодой Майкл не получал много игровой практики в 13 лет. Поле в этой лиге было большего размера, расстояния между базами были длиннее, больше была и дистанция от горки до «дома». Рука Джордана больше не позволяла ему доминировать над соперниками. «Когда я заполучил его, я не мог ставить его шорт-

⁸ Shortstop – бейсболист между второй и третьей базами (должен останавливать мячи, попадающие в эту зону).

стопом, – вспоминал Неэр первый год Джордана, 1976-й, в Лиге Бейба Рута. – Он не мог бросать. Когда Майку было 13, он сыграл при мне около четырех игр. Не думаю, что за весь тот сезон он брал биты больше четырех раз».

Если Джорданов и приводили в ярость сложившиеся обстоятельства, то они никогда не позволяли себе демонстрировать это Неэру. Джеймс Джордан даже помог тренеру построить бейсбольное поле за то время, что его сын провел в команде. «У отца и матери Майка не было проблем с этим, – вспоминал тренер в интервью 2012 г. – Они в любом случае были хорошими людьми, воспитанными... За три года Джеймс ни разу не вмешался в мою работу, никогда не надоедал мне. Он только помогал».

13-летний Джордан тоже никогда не жаловался. Неэр говорил: «От трехлетнего опыта работы с Майком могу вынести только одно: тренировать его было в радость. Он всегда старался помогать команде. Все время нашего общения он хотел только играть».

Билл Биллингсли, следивший за игрой команды, был поражен, увидев, что 13-летний Джордан часто стоит у края поля в ветровке и руководит игрой на первой базе. Его шансы проявить себя очевидным образом были ограничены. Молодежный спорт может быть таким жестоким: сначала на каком-то этапе он купает молодого игрока в славе, а потом отбирает ее у него и передает кому-то другому.

Поскольку играть часто у него возможности не было, Джордан стал развлекать себя и других. «Он был раскованным парнем, – говорил Неэр. – И всем помогал оставаться раскованными». Всегда любивший пошутить молодой Джордан в команде нашел возможность вывести свои фиглярства на новый уровень: он мазал кремом для бритья шлемы своих партнеров, игравших отбивающих, шлепал кого-нибудь по плечу, а потом быстро прятался, и вообще разыгрывал партнеров как только мог. Старый друг Джордана Дэвид Бриджерс тоже был в составе команды. «Он был поклонником Майка номер один, – вспоминал Неэр. – Его называли белый Майкл Джордан. Он и Майк были неразлейвода, но почти каждую тренировку у них случалась драка. Они оба обожали соперничать и побеждать, постоянно поддевали друг друга. А Бриджерс был хорошим спортсменом».

В один из дней Неэр пришел на тренировку и увидел, что Бриджерс сидит верхом на Джордане и лупит того изо всех сил. Джордан, игравший кэтчера, начал подкалывать Бриджерса, который не мог отбить несколько подач. Он сказал Бриджерсу, что, если тот попытается отбить летящий мяч своими огромными ушами, у него может появиться шанс на хит. «Майк лежал на земле в полной экипировке, а Давид сидел на нем сверху и молотил по маске, – вспоминал Неэр. – Как хоккеисты. Они все время устраивали такие концерты».

Неэр разнял их. Он мысленно вернулся к тому, как увидел слезы, катившиеся по лицу Бриджерса. Когда тренер услышал, что именно привело к потасовке, он засмеялся и спросил у Джордана, давно ли тот смотрелся в зеркало. У самого Джордана были необычной формы уши, и они частенько становились предметом подколов и шуток Ларри во время их сражений на заднем дворе дома. Неэр раздавал клички всем своим игрокам. Джордана он прозвал Кроликом в честь забавных «ручек кувшина» по бокам его головы, и, по всей видимости, это помогло рассеять гнев.

«Детям такое нравится, – говорил тренер. – Мы подшучивали над Майком. Уши у него очень близко прижаты к голове, прямо как у кролика. И вот в один день, мы все стояли и рассуждали: «А почему бы нам не прозвать его Кроликом?» Уши-то ведь почти лежат на голове. Все смеялись. Майк был не против. Когда они с семьей жили в Чикаго, Джеймс рассказал репортерам, что Майка прозвали Кроликом потому, что он был очень быстрым. На самом деле ничего подобного».

Джордану все же удалось попасть в состав на большую игру в тот первый год в команде. Двое основных кэтчеров непобедимой команды Неэра не могли играть в матче, в котором ей противостоял другой непобедимый клуб, чьим главным спонсором была компа-

ния Mutual of Omaha. Джордан уговорил тренера поставить его ловить подачи, несмотря на то что его броски с основной базы могли долететь до второй только с отскоком от земли. «Майк сказал: «Тренер, я поймаю». Он был таким маленьким и тощим, но зато руки у него были огромные, – вспоминал Неэр. – Я сказал: «Да ладно тебе, Кролик, без шансов вообще. Ты не сможешь доставить мяч на вторую базу. До этой пластины 128 футов». Он сказал: «Тренер, я смогу». Таким он был ребенком».

Один из ассистентов Неэра предложил научить Джордана точно доставлять мяч на вторую базу «прыг-скоком», то есть с отскоком от земли. Ассистент тренера сказал Джордану, чтобы тот бросал мяч плотно, чуть выше головы питчера. Джордан тут же освоил технику. Он запустил мяч низко, с отскоком, в точности туда, где игрок на второй базе мог сделать «тег-аут» бегущему сопернику.

Неэр вспоминал разминку перед тем большим матчем: «Мы занимали инфилд, а игроки Mutual выстроились вдоль забора и наблюдали. Когда они увидели, что Джордан бросает с отскоком, они начали смеяться. Они словно обезумели, начали насмехаться над ним: «Ой, смотрите на эту руку-макаронину. Мы тебя сегодня перебегаем, Мистер Руки-Спагетти».

Майк поднял свою маску кэтчера и посмотрел на них. Потом ухмыльнулся и сказал: «Вы будете бегать, а я буду стрелять».

Мы все засмеялись. Забавно получилось. Во втором иннинге они выставили своего игрока, и Майк его порвал. Потом они отправили третьего, четвертого. Майк продолжал выбивать, и они перестали бегать. Нам было смешно. После игры Майк сказал: «Говорил же, что смогу».

Много лет спустя, в Чикаго, Джордан признается ассистенту тренера «Буллз» Джонни Баху, что обстоятельства были непростыми, что он ощущал некоторую изоляцию и даже боль, будучи одним из двух чернокожих игроков в своих бейсбольных командах. За все 37 лет тренерской работы Неэра у него в командах было всего трое чернокожих игроков, один из них – Джордан. «Это поможет вам представить, как все тогда было, – говорил тренер. – Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People – NAACP) давила на меня, потому что у меня в команде не было ни одного черного. Обычно бывало так: в команде 12 человек, из которых только один черный. Я говорил NAACP, что мне трудно заполучить черных игроков, потому что во всю лигу пытаются попасть 250 детей, среди которых только трое чернокожих».

Первые два года выступлений в Лиге Бейба Рута у Джордана был только один чернокожий партнер по команде, Терри Аллен. В последний его год в лиге единственным черным партнером был Клайд Симмонс, который впоследствии сделал карьеру защитника в Национальной футбольной лиге (National Football League – NFL) и попал в сборную All-Pro⁹, выступая в составе «Филадельфия Иглз». Если что и подчеркивает боль и разочарование семьи Джорданов, решившей отдать сына в спорт, где доминировали белые, то это цифры. Когда его команды ездили по региону на игры и им требовалась ночевка, Джордана размещали в домах местных чернокожих семей. Эта ситуация позволила ему знакомиться с новыми людьми и заводить друзей, но такие обстоятельства очевидно доставляли дискомфорт. Джорданы никогда не выражали каких-либо негативных эмоций относительно расового состава команд. «От Майка я никогда не видел никакого негодования», – говорил Неэр.

Тренер вспоминал одну из вечерних тренировок команды на поле, располагавшемся в негостеприимном квартале. Во время тренировки двое посторонних мужчин отправились к

⁹ All-Pro – игрок в американский футбол, выступающий в NFL и признанный лучшим на своей позиции в отдельно взятый сезон. Из лучших All-Pro на каждой позиции составляется символическая сборная, аналог команды Всех Звезд в баскетболе.

скамейке и принялись рыться в холодильнике команды, где хранилась вода. Неэр попросил их прекратить, на что они ответили угрозами и бранью. Кто-то из игроков команды побежал к телефону вызывать полицию; пока остальные ждали, Джордан использовал слово на букву N в адрес двух мужчин, вспоминал Неэр. Момент отражал всю сложность ситуации. Молодежный бейсбол, по большей части игра белых, вдруг оказался в неловких обстоятельствах: команде пришлось проводить тренировочное занятие на единственном доступном поле в квартале, населенном преимущественно черными, и это в эпоху, когда градус расовой нетерпимости все еще был очень высок. Вполне логично, что Джордан-подросток мог столкнуться с проблемами идентичности, оказавшись в подобном контексте.

Той зимой телеканал ABC в течение нескольких январских дней 1977-го показывал в эфире мини-сериал *Roots*, завоевавший несколько наград и представлявший собой сагу (автор Алекс Хейли) об историческом опыте афроамериканцев и жестокостях рабовладельческого строя. Джордан был ошеломлен и очень тронут этой историей. «Сотни лет они причиняли нам страшную боль, и впервые я осознал это, посмотрев *Roots*, – объяснял он много лет спустя. – Изначально я был очень невежественным в этом вопросе, но фильм по-настоящему открыл мне глаза на жизнь наших предков и показал, через что им пришлось пройти».

У него самого не было какого-то запомнившегося персонального столкновения с расизмом, рассказывал он позже. Но осознание отвратительного прошлого Америки настолько разъярило его, что мысли о нем надолго засели в его мозгу. Куда бы он ни приходил, он всюду видел то, на что прежде не обращал внимания, какие-то вещи и явления, которые лишь вынуждали еще чаще поднимать вопрос расизма и несправедливости и рассуждать о том, как это все отразилось на его семье.

Охотничий клуб

Мальчишки из охотничьего клуба Уоллеса для белых будут помнить это лицо и спустя много десятилетий, даже те из них, кто и не подозревал, что этот человек – прадед легенды. Доусон Джордан, повар в охотничьем клубе, производил именно такое впечатление. Он был стариком с костью, передвигавшимся с удивительной быстротой и всегда балансировавшим на грани какой-то катастрофы, которая никогда не случалась, он был мастером, умевшим каким-то образом выдавать роскошные блюда. А разве можно было забыть его бисквитные пирожные? Он ходил в фартуке поверх рубашки и всегда щеголял густой седой бородой, обрамлявшей покрытое глубокими морщинами лицо. Но больше всего постояльцев клуба поражала грусть в его усталых, налитых кровью глазах. Выражение лица свидетельствовало о тяжелой жизни его обладателя.

«Лицо было суровым и жестким, – вспоминал Майк Тейлор, каждую неделю ездивший в клуб вместе со своим отцом. – Доусон Джордан и вправду был ярким человеком, постояльцы охотничьего клуба Уоллеса любили его за его сварливый характер и вкуснейшую еду». Кен Робертс, также прошедший свою юность в клубе, был поражен добротой Доусона. В одну из первых встреч Робертс спросил у старого джентльмена, как к нему лучше обращаться. «Он сказал мне, чтобы я звал его просто Доусон», – вспоминал Робертс.

Клуб представлял собой не более чем пару обветшалых барачков, расположившихся на большом участке арендованной земли в верхней части русла северо-восточного притока Кейп-Фир в округе Пендер. Позже эти постройки снесут и заменят другими строениями, которые позже окажутся заброшенными и покинутыми. «Клубный дом можно было назвать ветхой хибарой, по современным стандартам это была дыра, – объяснял Майк Тейлор. – Я помню одно длинное одноэтажное строение из досок, довольно низко посаженное, едва возвышавшееся над землей и явно нуждавшееся в покраске. У него было крыльцо во всю длину фасада. Внутри были обычные спальные места с койками и металлическими одно-

спальными кроватями, а в столовой стоял длинный стол. Думаю, что Доусон готовил свои блюда в дровяной печи».

В этом месте даже двери-ширмы нуждались в основательном ремонте. Этот факт заслуживает упоминания потому, что как-то раз, в одну из суббот, охотничья собака, всегда, казалось, обитавшая во дворе, прогрызла сетчатую дверь и украла с кухни голову кабана, которую Доусон планировал использовать в приготовлении одного из своих загадочных блюд.

Главным лицом в управлении охотничьим клубом был Роберт Карр, известный всем, кто имел с ним дела, как «мистер Роберт». Он был видным человеком в округе Пендер, где владел компанией по дистрибуции масел и занимал пост главы Комиссии по охоте и охране природы в Северной Каролине. Карр мог быть излишне властным, но к Доусону Джордану испытывал горячую любовь. Их отношения были одним из парадоксов, оставшихся с прежних времен.

«Мистер Доусон очень хорошо относился к мистеру Роберту, а мистер Роберт очень хорошо – к мистеру Доусону, – объяснял Кен Робертс, добавляя, что уважительное отношение Карра к Джордану служило примером для остальных членов клуба. – Все уважали мистера Доусона. Никто не смел конфликтовать с ним, потому что Роберт Карр задал бы взбучку любому, кто рискнул бы сделать это».

Робертс вспоминал: «Мистер Роберт приезжал и забирал его в охотничий клуб каждую среду. Даже в не сезон охоты на оленей они все равно уезжали каждую среду. Им просто нравилось сбегать на природу».

Двое мужчин ехали вместе по трассе 50 через Северную Каролину в клуб, где начинали подготовку к привычному сбору охотников, устраивали старый добрый праздник с вкусной едой, обильным питьем, рассказыванием баек и даже время от времени с охотой и рыбалкой.

Легендарные яства Джордана были самым ярким впечатлением от поездок. «Завтрак был традиционным для Юга: деревенская ветчина, печенья, соус, яйца, овсянка и другие блюда, весьма соленые, достаточно масляные, с добавлением свиного сала для пикантности, – вспоминал Майк Тейлор. – Уверен, что такие обеды и завтраки были одинаково вкусными и вредными. Был и кофе, но мужчины всегда привозили с собой спиртное, которое свободно пили все». Мальчишки, приезжавшие с отцами в клуб, удивлялись, как и семья самого Доусона, как это ему удастся успевать делать всю эту работу, прыгая на костыле по кухне и столовой клуба. «Я вспоминаю, как раздумывал, как он умудряется готовить, мыть посуду и делать остальную работу, – говорил Тейлор. – Думаю, что я спрашивал у отца, помогал ли кто-нибудь мистеру Доусону, на что он отвечал, что все помогали таскать еду на стол. Она подавалась в семейном стиле: в больших мисках и блюдах, которые передавались друг другу сидящими за столом».

Кен Робертс, которому тогда было около десяти лет, вспоминал, что его беспокоил объем работы, который был вынужден выполнять старый калека, чтобы приготовить собравшимся еду, а потому он пользовался каждой возможностью помочь старику с домашними хлопотами: каждое утро вытаскивал на стол банки с мелассой и помогал мыть посуду.

«Я вставал по утрам, и порой холод стоял собачий, – вспоминал Робертс. – Мистер Доусон растапливал печь. Он был тихим человеком, но ко мне относился по-особенному, потому что я был одним из самых юных постояльцев». Робертс вспоминал один незабываемый день, когда впервые в жизни «услышал бранные слова». Роберт Карр развлекал в охотничьем клубе остальных членов Комиссии по охоте и охране природы. То были успешные и известные люди со всей Северной Каролины, они сидели за длинным столом в ожидании знаменитых блюд от Джордана.

«С каждым блюдом он подавал печенье, – говорил Робертс. – Не важно, что это было за блюдо, печенье было всегда». И вот Джордан вышел из кухни с подносом свежей выпечки,

источающей пар, и двинулся к столу, как вдруг споткнулся и выронил поднос, рассыпав печенье по изрядно истоптанному деревянному полу. На секунду мужчины за столом затихли. «Тогда мистер Роберт сказал: «Доусон, поставь печенье на стол». Напоминаю, что это было собрание известных людей, городских шишек, — объясняет Робертс. — Мистер Роберт оглядел сидевших за столом и сказал: «Это печенье Доусона. Тот, кто его не съест, — сукин сын». И печенье исчезло. Они съели его все до единого».

Когда Доусон Джордан не был занят готовкой, он уходил в маленькое строение, прилегавшее к зданию клуба и со стороны походившее на бывший табачный упаковочный склад, там он спал. Робертс, периодически навещавший его там, говорил: «Помню, что в той маленькой комнатке у него стояла кровать с периной в старом стиле. Еще там были маленькая масляная лампа и небольшая печка. Он всегда сидел на своей кровати и читал. Он не очень-то любил общаться с людьми, приезжавшими в клуб. Он был приятным человеком, но, наверное, не слишком стремился проводить время с белыми людьми».

В конце зимы 1977 г., спустя три коротких недели после того, как Майкл посмотрел по телевидению сериал *Roots*, его прадед умер в Тичи, не дожив всего несколько месяцев до своего 86-го дня рождения. Начавший свой жизненный путь ребенком в Холли Шелтер, засыпавшим в теплых руках родной матери, он позже занимался сплавом леса по великой реке, пахал плугом, чтобы прокормиться, совершал бесшумные рейды самогонщика тихими ночами, а закончил тем, что работал поваром в охотничьем клубе Уоллеса, утоляя голод постояльцев, — Доусон Джордан многое пережил. По ходу дела он сумел построить семью, которой каким-то образом удалось выжить и устоять под тяжелейшими ударами судьбы, справиться с самыми темными проявлениями человеческого характера, какие только бывают, даже в контексте огромного богатства и славы. Его внуки и правнуки будут еще долго ценить время, проведенное в присутствии его внушительной личности, но Доусон Джордан смог повлиять не только на них, но и на людей, навещавших охотничий клуб Уоллеса. Кен Робертс вспоминал, как в 1977 г. его семью шокировало известие о смерти Доусона. «Помню, как дедушка рассказывал мне, что Доусон умер, — говорил он. — Для него это было большим ударом».

Семья Джорданов в тот день рыдала в три ручья. Прадед Майкла хорошо знал об успехах правнука на бейсбольном поле, но настоящая слава, баскетбольная, была у Майкла еще впереди. Его успех сам по себе виделся чудом членам охотничьего клуба и жителям округа Пендер. «Помню, что, когда Майкл стал звездой, — со смехом говорил Кен Робертс, — мой тесть сказал: «Старине Доусону это понравилось бы».

Глубокая печаль, постигшая семью в связи с кончиной Доусона, вероятно, подлила масла в огонь расового гнева и негодования, недавно охватившего Майкла. Он не знал всех подробностей жизни своего прадеда, но ему было достаточно заглянуть в лицо старика, чтобы понять, каким ухабистым и опасным получился его жизненный путь и с каким количеством незримых барьеров ему приходилось сталкиваться.

Позже в том же году одна из девочек в школе назвала Майкла «ниггером». «Я швырнул в нее газировку, — вспоминал он. — Год выдался тяжелым. Я начинал бунтовать. В то время я считал себя расистом. По сути, я был против всех белых людей».

После этого инцидента Джордана отстранили от занятий в школе. Но вместо того чтобы сидеть все эти дни дома, он по требованию матери ездил с ней в банк и сидел в машине, пока она работала, — так она могла наблюдать за ним через окошко оператора и контролировать выполнение им домашних заданий, а заодно следить, чтобы он не ввязывался в неприятности. Майкл был в ярости, а много лет спустя он шутя скажет ей, что эта ситуация — явный пример жестокого обращения с детьми. Однако Делорис удалось донести до него свое послание. В течение следующих месяцев она снова и снова поднимала тему бессмысленной траты сил на злобу и расовый гнев, объясняла молодому человеку, насколько

деструктивными они могут быть. Дело было не в том, чтобы забыть о том, что было, а в том, чтобы простить, говорила она.

Потребуется больше года на то, чтобы смысл ее слов достиг разума Майкла, а его эмоции ослабели. «Меня образовывали родители, – вспоминал Джордан. – Нужно было уметь сказать: «Да, такое было в прошлом. А теперь давайте начнем с чистого листа и посмотрим, что будет». Было бы очень просто ненавидеть людей остаток своей жизни, некоторые так и поступали. Но нужно жить в настоящем и пытаться как-то улучшить ситуацию».

Формируя отношение своего сына к этому вопросу, Делорис Джордан опиралась на собственный опыт взросления на Прибрежной равнине. Но не только. Она была настолько сосредоточена на будущем, на позитиве, достижении новых высот, что не позволяла ни гневу сына, вызванному несправедливостью общества, ни душераздирающим обвинениям дочери в домогательствах отца встать на своем пути. У нее не было желания тратить время ни на один вопрос – каким бы важным и тяжелым он ни был, – не связанный с улучшением жизни семьи, своей жизни, чего угодно. Для Делорис Джордан остановиться означало проиграть. Испытав такое разочарование в ранние годы, она твердо решила, что больше не будет терпеть поражений.

Летит! Летит!

В марте 1977 г. Джордан следил за перипетиями турнирного пути команды Университета Северной Каролины в чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта (National Collegiate Athletic Association – NCAA) по ТВ, но не был впечатлен ее игрой. Позже он признается, что, будучи болельщиком «НК Стэйт», до глубины души презирал «Тар Хиллз».

Однако это был захватывающий момент для фанатов студенческого баскетбола, поскольку телевидение открыло для себя силу и мощь той химии, что со временем синтезирует Мартовское безумие¹⁰. Повышенное внимание определенно было связано с тем фактом, что в том сезоне в студенческом баскетболе вновь разрешили данки, находившиеся под запретом в течение девяти лет, ту эпоху еще застал в «УКЛА Брюинз» Лью Алсиндор. Вероятно, была и другая причина, по которой молодому Майклу не нравились «Тар Хиллз», чисто инстинктивная. Если данки были призваны снова разжечь интерес публики, то Дин Смит и его команда Университета Северной Каролины своей знаменитой (или скорее пресловутой) четырехугольной атакой его только убивала.

По ходу турнира Северная Каролина намазывала ее толстым слоем на каждый матч, словно соус барбекю. Выскочки из Университета Северной Каролины (УНК) в Шарлотт, ведомые Седриком (Корнбредом¹¹) Максвеллом, огорчили в региональном плей-офф средневосточного региона Мичиган, в результате чего в Финале четырех оказались две команды из одного штата. Судьбу национального чемпионского титула решали в итоге Университеты Северной Каролины и Маркетт. Лидером «Тар Хиллз» был разыгрывающий защитник Фил Форд, принимавший участие в матче, несмотря на травму локтя, но бросать по этой причине он не мог и поэтому никак не помогал своей команде преодолевать зонную оборону Маркетт. Дин Смит вновь не сумел взять чемпионский титул: пять раз добравшись до Финала четырех, он не одержал ни одной победы. Ликующий Джордан смотрел финальный матч по телевизору вместе с семьей. «Моей маме нравился Фил Форд, но я терпеть его не мог, как

¹⁰ Так по традиции именуется плей-офф первенства NCAA, потому что огромное количество матчей играется в марте практически без пауз.

¹¹ Cornbread – кукурузный хлеб.

и остальных парней из Каролины, – вспоминал он. – В чемпионской игре 1977-го я болел за Маркетт. Маму это разозлило».

Весной и летом того года 14-летний Джордан начинал в стартовом составе каждый матч команды Дика Неэра в бейсбольной Лиге Бейба Рута, но магия, что была ему свойственна в 12-летнем возрасте, ушла и так никогда не вернулась. «Я не мог ставить его шорт-стопом, – вспоминал Неэр. – Он не мог делать броски. Периодически я ставил его на третью базу. Иногда на первую. Ставил его слева. Он делал подачи. В 14 лет он был в ротации на поле. Он играл питчера каждые две-три игры».

Однако его подачи больше не имели такой разрушающей силы и точности, как прежде.

А когда он был на бите, скорость его ударов недотягивала до нужных показателей. «В тот год он показывал результат в 0,270 или 0,275¹², – говорил Неэр. – Это самые высокие цифры, которые у него были при мне. Обычно в молодежных лигах ребята выдают 0,380–0,400, такие примерно результаты. Майк умел отбивать. Он был надежным игроком. Он, пожалуй, был одним из лучших отбивающих среди тех, кто показывал 0,230 и выше. Он был важнейшей частью команды. Но в Лиге Бейба Рута он никогда не был такой звездой, какой был в Младшей лиге. Он три года играл у меня и ни разу не попал в команду Всех Звезд».

Осенью 1977-го Джордан пошел в среднюю школу Ди Си Вирго (D. C. Virgo), где быстро стал завсегдатаем спортзала, куда приходил рано по утрам. Сотрудник школы Дэйв Аллен открывал учебное заведение каждый день и вскоре разглядел в Джордане талант прыгуна и обратил внимание на характерную для Майкла привычку высовывать язык при прыжках к корзине. «Сынок, боюсь, ты можешь откусить его себе», – сказал ему Аллен. И правда, спустя примерно неделю Джордан появился в кабинете директора с окровавленным ртом. Аллен спросил: «Язык?» Джордан смог только кивнуть.

Одним из партнеров Джордана в ходе той предсезонной подготовки был Харвест Лерой Смит. В битвах один на один с Майклом его высокий рост почти в 2 м противостоял быстроте и проворности Джордана. «Мы практиковались с ним каждый день, и ему постоянно нужно было побеждать. Если мы играли в «лошадь» и мне удавалось победить его, нам приходилось играть еще раз, пока не победит он, – вспоминал Смит. – Нельзя было уйти домой, пока он не выиграет».

Джордан, чей рост тогда едва превышал 170 см, находил массу разных путей к баскетбольному кольцу. «Ты видел, как он делает бросок, а потом спрашивал себя, как ему это удалось, ведь он совсем невысокого роста, – говорил Смит, – но дело было в скорости. Единственный вопрос был в том, каким высоким будет его рост – ну, и как высоко он поднимет уровень своего мастерства».

Джордан ответил на это в девятом классе, когда провел в составе баскетбольной команды, которую тренировал Фред Линч, отличный сезон, раскрывший многим глаза на его таланты. Вскоре Джордан привлек интерес целого ряда тренеров с округи. «Я смотрел за его игрой за Вирго, начиная с его дебюта, – вспоминал Дик Неэр, чей сын Стив играл в баскетбол вместе с Джорданом. – Их команда отправилась в Бурго играть с командой местной средней школы. Майк набрал 44 очка, а в средней школе четверти были не больше 6 минут». «Джордан принес своей команде 44 очка из 54 набранных ею в матче, – вспоминал Неэр. – Сначала он делал броски, а потом стал прыгать к корзине».

Джим Хеброн, школьный тренер, работавший в близлежащей старшей школе Нью-Хановер, начал внимательно наблюдать за Джорданом. «Помню, как Джим Хеброн сказал мне, что Майкл, который тогда учился в девятом классе, в будущем станет особенным игро-

¹² Средние очки в беттинге в виде десятичной дроби.

ком», – вспоминал Маршалл Хэмилтон, работавший тогда тренером неподалеку, в старшей школе Сазерн Уэйн.

Шумиха вокруг Майкла была не слишком масштабной, но, вне всяких сомнений, началось все именно в девятом классе школы Ди Си Вирго. Джордан раскрылся в то время, когда баскетбол еще не приобрел бешеную популярность. Турниры AAU вскоре захватят этот вид спорта, стараниями Объединения он станет функционировать по сложной и продуманной системе, которая будет превращать молодые таланты в предмет купли-продажи.

«Теперь дети 12 лет и младше, играющие в баскетбол в AAU, думают, что уже стали профессионалами и карьера им обеспечена», – подметил в интервью 2011 г. Том Кончалски, баскетбольный скаут-ветеран. В 1977–1978 гг. Джордан мог развиваться только в рамках школьной лиги и ее отнюдь не насыщенного графика. Турниры AAU придут позже и предоставят молодым игрокам огромное количество часов игровой практики, но жернова этой машины пестования талантов, скорее всего, лишили бы Джордана самой его идентичности, самой его сущности, добавлял Кончалски. «Не думаю, что он сохранил бы эту свою всепоглощающую жажду соревноваться, эту особенную ХҮҮ-хромосому, давшую ему такой соревновательный дух. В других сферах жизни она могла бы навредить ему, но в баскетболе эта черта была определяющей в его характере. Она шла дальше его атлетизма. Если бы он участвовал в турнирах AAU, у него ничего этого не было бы, потому что там всегда есть следующая игра. Ты проводишь по три матча в день. Можно с позором проиграть, но уже два часа спустя тебе предстоит проводить следующую игру. Поэтому ты не концентрируешься на победе. Стремление к победе там не становится самоцелью, не носит характер одержимости, а Майкла Джордана от других игроков отличало именно это: он был одержим соревнованиями, жадой борьбы. Если бы он рос в культуре AAU, он бы утратил свое стремление к победе. Он бы растерял то, что делало его настоящим, – свой соревновательный дух».

Судьба распорядилась таким образом, что Билл Биллингсли, тренировавший 12-летнего Джордана в баскетбольной команде Всех Звезд, той весной был приглашен руководством школы Ди Си Вирго работать учителем на замену и приставлен тренером бейсбольной команды девятиклассников. Он хорошо знал, что Джордан начинает разочаровываться в игре. «Он терял интерес, – говорил Биллингсли об отношении Джордана к бейсболу. – Его тело начало меняться, расти, к тому же он уже добился некоторых успехов в баскетболе». По правде говоря, многие из самых приятных и запомнившихся впечатлений игроков бейсбольной команды Биллингсли девятого класса школы Вирго были связаны с баскетболом. Бад Блентон, белый мальчик, и Джордан с солидным отрывом были двумя лучшими игроками бейсбольной команды школы. Биллингсли каждый полдень находил их в школьном спортзале, где они ожесточенно сражались один на один у кольца. «Они приходили в зал и начинали играть в баскетбол, а тебе со стороны казалось, что у тебя на глазах разворачивается Третья мировая, – вспоминал, смеясь, тренер. – Они бились насмерть».

Как-то раз Джордан даже сумел уговорить Биллингсли, которому уже шел третий десяток, поиграть с ним. «Он не играл со мной так же жестко, как с Блентоном, – объяснял тренер. – Он просто стоял у линии штрафного броска и говорил мне: «Эй, тренер, неужели вы позволите мне оставить мяч себе?» Биллингсли садился назад к линии, чтобы помешать скоростному Джордану продвинуться к кольцу, но добился лишь того, что Майкл исполнил три прямых броска издалека, хотя в те времена трехочковый бросок еще не ввели. «Добавляет дистанцию», – подумал тренер.

Молодой Джордан уже тогда приправлял такие эпизоды щепоткой трэш-тока, как утверждал Биллингсли. «Когда ему было 14 лет, скромностью он не очень-то отличался. Он был тот еще болтун. Любил вербальные игры». Некоторым его комментарии были не по душе. «У него случилась стычка с одним парнем. Майкл немного его приложил», – говорил Биллингсли. – Кажется, у него тогда были проблемы из-за этого, так что пришлось идти в

кабинет директора. Майкл был очень учтивым ребенком, отличавшимся примерным поведением. Но когда дело касалось его интересов, он не стеснялся их защищать». В том сезоне Джордан еще подавал за Вирго, но большей частью играл кэтчера. Бад Блентон уже демонстрировал талант, с помощью которого в будущем он заработает стипендию в Университете Кентукки, где будет питчером в Юго-Восточной конференции. Перформансы Джордана у «дома» напоминали чем-то выкрутасы Мика Джаггера и Ричарда Прайора на сцене. «Он ловил мяч и начинал смеяться и танцевать из-за «дома». Все вокруг начинало ходить ходуном», – рассказывал Биллингсли о домашних матчах Вирго.

Блентон, сын покойного местного чиновника, был наделен интересным сочетанием талантов: помимо скорости, другим его козырем было умение исполнить выдающийся наклбол¹³, что давало Джордану массу поводов для подколов. Биллингсли вспоминал, что один такой эпизод случился в игре против команды из соседнего Джексонвилла. «Блентон умел бросать очень резко, а потом внезапно переходить на наклболы. Отбивающие были ошарашены и даже немного напуганы его подачами. Но по-настоящему парень сбивал их с толку за базой. «Ты не сможешь попасть по этому мячу», – говорил Майкл. Блентон размахивался перед подачей, а Джордан кричал отбивающим: «Летит! Летит!»

Биллингсли усмехался, сидя за бэкстопом. «Я даже сейчас могу отчетливо расслышать его слова, представить картину. Когда летели наклболы, эти парни даже не размахивались битами. Отбивающие были настолько озадачены, а тут еще Джордан сидел и ехидничал. Вместо того чтобы смотреть на питчера, они оглядывались на Джордана. Смех пробирал меня настолько, что я чуть со стула не падал. Каждый раз, когда Бад Блентон бросал мяч, Джордан говорил им: «Берегись. Вот он летит».

Тем летом Джордан провел свой последний сезон в Лиге Бейба Рута. «В 15-летнем возрасте он должен был быть одним из ведущих моих питчеров, – говорил Дик Неэр. – Но не срослось. Я мог иногда ставить его в аутфилд и изредка на первую базу». Джордан и отбивал не лучше, чем в предыдущем сезоне, но все еще был эффективным игроком. «Мы играли в смоллбол, в игре было много бантов¹⁴, ударов и беготни, – объяснял Неэр. – Майку это нравилось. Он был гораздо бегать. Он не был быстрым бегуном. Просто у него был длинный шаг».

И этого хватило для того, чтобы его команда выиграла чемпионат. Характерный эпизод случился в одном из перенесенных матчей, перетекших в дополнительный иннинг, так как счет не был открыт. «Майк двигался неторопливо, и мгновения были потеряны, – говорил Неэр. – Мы продвинули его на третью бантом, если я ничего не путаю. И я рискнул пойти на суисайд сквиз. У нас был один 13-летний игрок, умевший хорошо исполнять банты. Я ввел его в состав и сказал, чтобы он сделал бант и защитил Майка на третьей базе. Но Майк уже был на середине линии, когда питчер выпустил мяч из рук». Неэр оглянулся на базу, а отбивающий сделал шаг из своей зоны.

Его команда оказалась на грани катастрофы, вспоминал тренер. «Мяч был у кэтчера, который сидел и смотрел на Майка, находившегося футах в 40 от него. Тогда он перепрыгнул. А игрок на третьей базе стоял около пластины, скрестив ноги, и грыз ногти. Майк просто развернулся, сделав вид, что собирается бежать назад к третьей. И когда кэтчер бросил мяч в левую часть поля, Майк рванул вдоль линии к «дому», перед которым сидел кэтчер, футах в трех. Майк перескочил через него и приземлился на пластину, никак не задев его. Все воскликнули: «Вау, вы это видели?» Мы победили 1:0 благодаря игре Майка».

¹³ Вид подачи в исполнении питчера. При правильно исполненном наклболе мяч в последний момент начинает резко падать вниз.

¹⁴ Бант (англ. bunt) – короткий удар, при котором бэттер не замахивается по мячу, а просто подставляет под него биту.

Но, подчеркивал Неэр, успешно играть ему помогал не только атлетизм, он и в правилах разбирался. «Было такое правило, что, если ты совершил контакт, а у кэтчера при этом нет мяча, ты выбывал из игры. Так что Майк избежал контакта. Он чисто перепрыгнул кэтчера, не задев его».

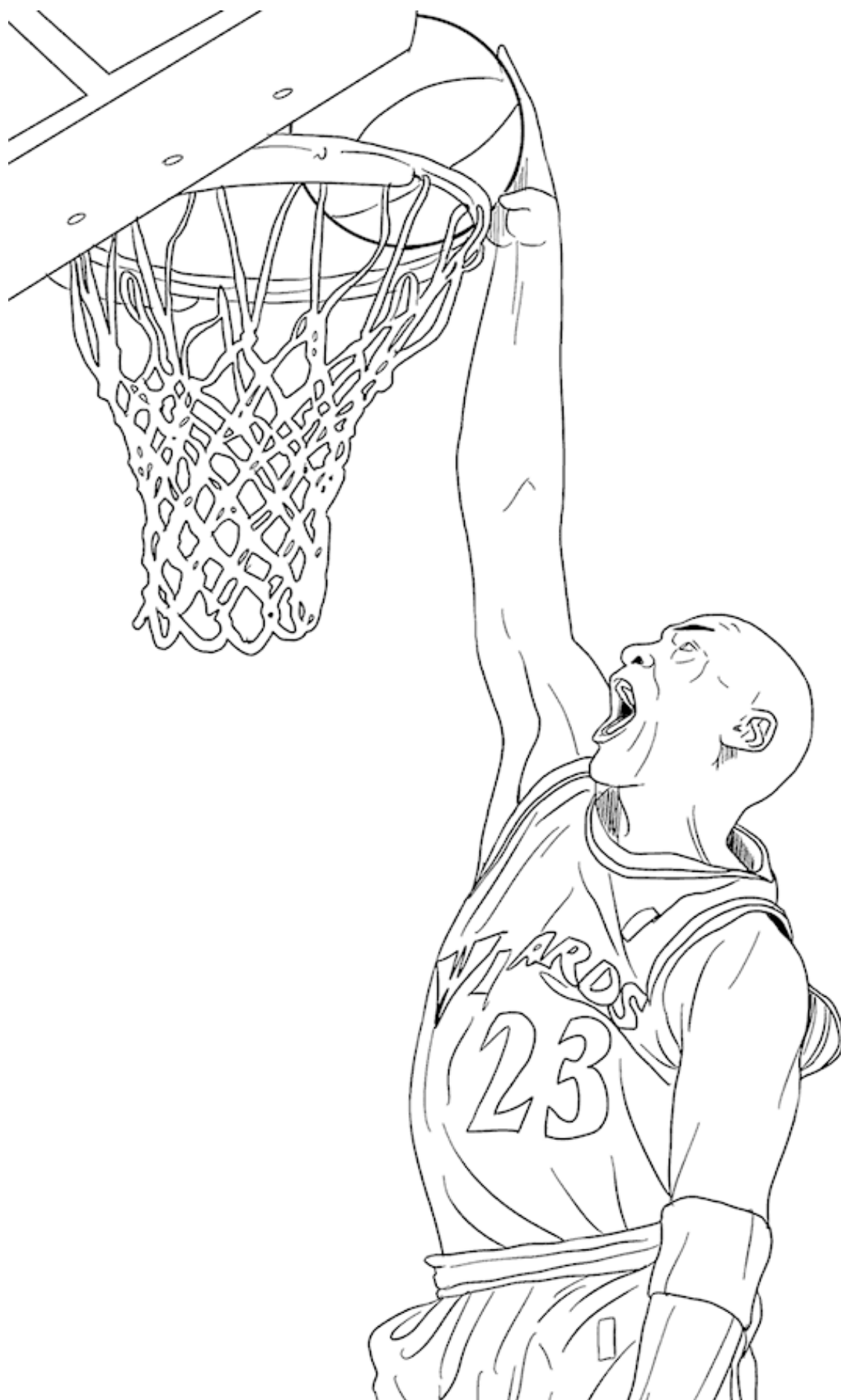
Следующей осенью Джордан захотел играть за младшую футбольную команду старшей школы Лэйни. К тому времени он уже был выше всех мужчин в своей семье, его рост почти достигал 175 см. Но мать стала отговаривать его от этой затеи, она указывала на его тощие руки и ноги. Он умолял разрешить, и в конце концов она сдалась, а он нашел себе место в оборонительном бэкфилде, где довольно скоро стал лидером команды по перехватам. Когда сезон уже был в самом разгаре, Лэйни играли с «Брансуик Каунти»; в составе этой команды был крупный, сбитый раннинбек, которому в начале матча удалось прорвать линию. Тощий Майк Джордан храбро сделал шаг вперед, чтобы закрыть брешь. В следующую секунду он уже лежал на земле, стонал от боли и жаловался на плечо. «Оно сломано, тренер. Оно сломано», – кричал Майк тренеру Фреду Линчу, вышедшему посмотреть, что с парнем. Линч, уже привыкший к постоянным шуткам и розыгрышам Джордана, сказал ему: «Поднимайся, ты тянешь время». Потом он понял, что это была не шутка.

Делорис Джордан опоздала на матч и только садилась на свое место на трибуне, когда увидела, что игра приостановилась. Друг сообщил ей, что Майкл получил травму и к полю уже вызвали бригаду скорой помощи, чтобы отвезти его в больницу. Она вспоминала, что ее первым инстинктивным желанием было сбежать вниз к полю, чтобы узнать, все ли в порядке с сыном, но вспомнила об обещании, данном ему: что не будет стеснять его. Потому она вернулась в машину и поехала в больницу, чтобы дождаться его там. Плечо было вывихнуто, но ко времени банкета, состоявшегося несколькими неделями позже, оно уже пришло в норму.

Перед банкетом Майкл и Бад Блентон немного побросали друг другу футбольный мяч, а потом пошли на задний двор поиграть в баскетбол один на один. После этого Джордан разбежался и попытался сделать данк. Он не смог засадить мяч в корзину с ходу, но был довольно близок к этому, что подстегнуло его продолжить попытку. И он пробовал. Снова и снова. Снова и снова. Потев и хмурясь, он почти весь следующий час пытался забить мяч в кольцо, высунув язык. Наконец, спустя примерно 30 попыток, он взмыл в воздух и вбил мяч в цель. Его улыбка была красноречивее любых слов.

«Он был очень взволнован, – вспоминал много лет спустя Блентон. – Он был рад, что ему удалось, но это было лишь делом времени, рано или поздно у него бы получилось».

Часть III Восхождение

Глава 6

Исключение

Пятнадцатилетний мальчик, возложивший свои надежды на баскетбольную команду старшей школы Лэйни, куда он надеялся попасть осенью 1978 г., был бесконечно далек от фантастически уверенного в себе Майкла Джордана, которого узнает потом весь мир. Того молодого человека одолевали сомнения. Он не был плохим студентом, его оценки по большей части были положительными (четверки и тройки), но не было никаких признаков того, кто его ждет звездное будущее на академическом поприще. А работать он попросту ненавидел, никогда не прилагал никаких усилий, чтобы заработать больше денег. Он давно забыл о примере своего брата Ронни, который был занят на двух работах, учась в старшей школе, и отцу Майкла было ясно, что тот будет делать все, лишь бы избежать того, что хотя бы отдаленно напоминало усилия и труд.

«Это самый ленивый мальчишка из всех, каких я только видел», – будет вновь и вновь повторять Джеймс Джордан. – Если бы ему пришлось идти на завод, где нужно отмечаться на проходной, он бы с голоду помер. Он отдавал все до последнего цента из своих карманных денег братьям, сестрам и даже детишкам из квартала, чтобы они выполняли за него домашнюю работу. Он всегда ходил с пустыми карманами».

Однако когда дело доходило до занятий спортом, его лень магическим образом исчезала. Если кто-то подбрасывал в воздух мяч, если кто-то хотел соревноваться, тумблер в его голове моментально переключался. Своими подростковыми мозгами Майкл додумался до того, что вполне может стать профессиональным спортсменом. Это было единственной по-настоящему интересовавшей его темой, и в этом плане он не отличался от миллионов других мальчишек своего возраста, мечтавших о том же. Он не знал, как реализовать этот замысел, но к жизни в мире профессионального спорта редко ведет прямая и разумная дорога.

Время сокращало количество возможных вариантов для него. Он увидел, что сильные качества, выделявшие его в бейсболе, по большей части испарились. К тому же мать настаивала на том, чтобы он окончательно порвал с футболом. Его перспективы казались настолько туманными, что Делорис даже предложила ему начать ходить на занятия по домоводству, чтобы он хотя бы научился готовить себе еду. Поступательно уничтожая его самооценку, она утверждала, что с его стороны будет мудро поступить таким образом, ведь он не из тех парней, кому легко удастся привлечь внимание девушек. Это была ее интерпретация фразы: «Просто иди в дом к женщинам».

Вместо того чтобы противиться, Джордан принял ее предложение и записался на курсы – и ему там понравилось. «Помню, что в школе он испек торт, который был так хорош, что мы поверить не могли, – говорила его мать. – Нам пришлось звонить преподавателю, чтобы удостовериться, что это и правда сделал он».

Как бы то ни было, в 15-летнем возрасте Джордан впал в меланхолию, столь распространенную среди подростков его возраста. По правде говоря, у него было мало друзей.

Единственным маяком, освещавшим светом его жизнь, был баскетбол.

После окончания девятого класса в Вирго Джордан и его долговязый дружок Лерой Смит побывали в баскетбольном лагере, которым заправлял Поп Херринг, школьный тренер в старшей школе Лэйни. Школе было всего три года со дня открытия, у нее был новенький, сияющий чистотой спортзал. Лэйни была символом тяжело давившихся Уилмингтону побед на поприще интеграции: примерно 40 % учеников школы были чернокожими. Город все еще болел расовой нетерпимостью, в столь многих отношениях напоминавшей об Уилмингтоне 1898 г., сотрясаемом расовым бунтом, по итогам которого черных согнали на железнодорож-

ный вокзал и приказали им убираться прочь. «Для многих афроамериканцев единственной возможностью двигаться вперед по жизни был только отъезд из города», – считал Билл Биллингсли, впоследствии получивший степень доктора наук по истории и писавший о расовых проблемах города.

Впрочем, в старшей школе Лэйни в годы учебы там Джордана обстановка была относительно спокойной отчасти потому, что черные и белые ученики объединяли силы на игровых площадках и полях. Помимо смешанных по составу классов, ставших важным достижением по части интеграции, спортивные соревнования стали главной площадкой, на которой люди разных рас учились мирно сосуществовать на основе заново обретенного взаимного уважения. Но такие вещи покажутся важными лишь в ретроспективе. В 1978 г. Джордан был лишь еще одним мальчишкой, пытавшимся пробиться в школьную команду.

Джордан очевидно был лучшим игроком в команде девятиклассников, а в лагере Херринга впечатлял всех не меньше, чем в школе. После пребывания там он стал представлять в воображении те вещи, которые будет творить на паркете зимой в составе «Лэйни Бакканирс». Он был вполне уверен в том, что сможет попасть в команду на грядущий сезон. В конце концов, даже Лерой Смит и другие партнеры-девятиклассники с готовностью признавали Джордана лучшим игроком команды.

Тут настает время момента, в котором мифология Джордана пересекается с трагедией, коей стала жизнь тренера Попа Херринга, и это событие приведет к недопониманию, что в последующие десятилетия будет лишь плодиться и множиться. Эту историю пересказывали в бесчисленном количестве журнальных статей, газетных колонок, телепередач, видеороликах, радиоэфирах и еще много где, ведь это история о том, как суперзвезду Майкла Джордана не включили в состав баскетбольной команды старшей школы.

Под всей этой лавиной мифов, порожденных карьерой Джордана, был погребен его тренер Поп Херринг. Он был гордым сыном Уилмингтона, посещавшим старшую школу Нью-ХанOVER, где играл под началом легенды, тренера Леона Бродгена, который привел к чемпионству штата восемь разных команд. Херринг был в составе последней команды Бродгена, которой покорился титул, после чего он перешел в американский футбол и стал квотербеком «Норт Каролайна Сентрал», где в 1930-е гг. Джон Маклендон организовал тренерские курсы. Херринг наверняка мог стать баскетболистом, но предпочел футбол, так как он был его билетом к степени в университете. После этого он возвратился в Уилмингтон и какое-то время работал ассистентом Бродгена. Когда в середине 1970-х открылась старшая школа Лэйни, у Херринга были все рекомендации, чтобы стать баскетбольным тренером. Важно отметить, что он был главным тренером-афроамериканцем, что было редкостью в те времена. Херринг был представительным и умным молодым педагогом с блестящим будущим, когда Майкл Джордан в 1978 г. стал участником программы старшей школы Лэйни. Более того, Херринг жил по соседству с Джорданами и вскоре обзавелся привычкой по утрам заезжать за Майклом, чтобы отвезти его в школьный спортзал на утреннюю тренировку. Ради своих игроков он был готов пойти на многое, даже помогал им писать письма в колледжи на предмет возможности выступить за них после окончания старшей школы. Как покажут дальнейшие взаимоотношения его с Джорданом, победа как таковая не имела первостепенного значения для Херринга. На первом месте были его игроки.

Дик Неэр, сделавший пристальное наблюдение за тренерами своим привычным занятием, отдал в команду Херринга своего сына. «Он был отличным парнем, – вспоминал Неэр. – У него было психическое расстройство. Он был весельчаком. Всегда по-доброму относился к детям. Хороший был тренер. Представительный. Но он был на самом дне».

К сожалению, спустя три года после того, как Джордан закончил школу Лэйни, проблемы Херринга на почве шизофрении поставили крест на его карьере. Когда открылись его проблемы с психикой, в его характере и поведении произошли очень быстрые и внезапные

перемены. Некогда вдумчивого, энергичного молодого тренера теперь часто видели бредущим по улицам города, он был словно растрепанный зомби, занятый погоней за некими незримыми демонами; мог подолгу разговаривать с самим собой или ни с кем конкретно. Такая перемена произошла почти что в одночасье. Для старых друзей Херринга это стало большим огорчением. «Как такое могло произойти? – повторяли они вновь и вновь. – Как вышло так, что этот светлый, талантливый человек дошел до такого?» Лекарства помогали ему немного облегчить свое состояние, но жизнь скатилась к такому знакомому и характерному шаблону жизни умалишенного: злоба и агрессия чередовались с резкими переменами в настроении и поведении, а сопровождалось это быстрой утратой всех социальных статусов.

Друзья по тренерскому цеху старались защитить его, как только могли, но пока его жизнь рушилась, история Джордана набирала обороты. Со временем возникнет шквал интереса к одной из самых странных загадок прошлого Джордана. Его не включили школьную команду? За этим следовал логичный вопрос: кому взбрело это в голову?

Уилмингтонское сообщество годами берегло правду о ситуации с Херрингом, четко придерживаясь настоящей версии событий, даже несмотря на не ослабевавший интерес журналистов, снова и снова поднимавших подробности этой истории для своих репортажей о Джордане. Первым репортером, которому удалось добиться значительного прогресса в поисках правды, стал Кевин Шеррингтон из Далласа. Много позже издание *Sports Illustrated* тоже раскопает подробности этой ситуации и опубликует великолепно написанный очерк о Херринге. Эти и другие истории утверждали, что заявления самого Джордана содержали ловушки ошибочных суждений и неточностей и каким-то образом были порождены характером и натурой суперзвезды баскетбола, которой был свойственен невероятный по мощи соревновательный дух. Но и это на поверку не оказывается правдой, хотя восприятие Джордана людьми, на которое в значительной мере повлияла статья в *Sports Illustrated*, стало еще одним предметом для обсуждений в обширной мифологии Джордана. Простые факты истории выделяются на фоне бесконечных недопониманий и попыток переосмыслить произошедшее, пусть даже сделанных из добрых побуждений. Дело в старой как мир истине: молодые атлеты пробуются в спортивные команды школы, кому-то из них везет, и они пробиваются, другие остаются на обочине.

Спустя много лет поисков ответов на вопросы об истории с Джорданом тренеры начали утверждать, что никаких серьезных просмотров в спортивные команды Лэйни той осенью не было. Такой пересмотр фактов, конечно же, порождает вопросы. Если никаких проб в команду не было, то тогда совершенно точно не было бы опубликовано списка игроков, которые попали в школьную команду. Но позже той осенью Херринг опубликовал список, в котором были перечислены все отобранные в команду игроки в алфавитном порядке. Джордан с нетерпением ждал новостей об этом, считая дни, часы и даже секунды. А когда список был вывешен, он почти незамедлительно прибежал прочесть его. Потом перечитал. Тут ясно где-то закралась ошибка, подумал он сначала. Даже 15-летний Джордан знал, что он – лучший игрок команды девятиклассников, а тут его не было. Но единственным десятиклассником в списке оказался его высокий, длинный друг Лерой Смит.

Осознание собственной неудачи обрушилось на него подобно тяжелому валуну. В тот день он отправился домой в одиночестве и по пути старался избегать людей. «Я пришел в свою комнату, закрыл дверь и заплакал, – вспоминал позже Джордан. – Какое-то время я плакал и не мог остановиться. Даже несмотря на то что в доме тогда никого не было, я все равно закрыл дверь. Мне было важно, чтобы меня никто не услышал и не увидел».

Смягчающим «вину» Херринга обстоятельством было то, что той осенью он собрал команду смешанного состава, где было много ветеранов. Одиннадцать 12-классников и трое 11-классников возвращались в спортивную команду. Восемь из них были защитниками. Лерой Смит давал команде столь нужные ей габариты и рост, хотя играл он нерегу-

лярно. Поразмыслив какое-то время над решением тренера, Джордан пришел к неизбежному выводу: размер имел значение. «Я был в бешенстве, – скажет он в 1990 г. писателю Джону Эдгару Вайдману. – Ведь мой друг ростом два метра прошел в команду. Он не был классным игроком, но зато был два метра ростом, а в старшей школе это высокий рост. Он попал в команду, а я чувствовал, что лучше его». Годы спустя Смит и сам подчеркнет, какое удивление испытал, узнав, что его включили в команду, «потому что выбор явно делался не на основании моих талантов».

«Споры шли вокруг того, – вспоминал Рон Коули, тренер-ассистент Херринга, – что нам делать с Лероем Смитом». Коули, который впоследствии стал главным тренером в округе Пендер, утверждал, что даже не помнит, приходил ли Джордан на просмотр, но зато описал молодого Майкла, назвав его «стеснительным бейсболистом».

Потом тренеры признавали, что могли бы лучше справиться с той ситуацией. Херринг вполне мог обсуждать с Джорданом его будущее, но если такое действительно было, то Джордан не понял его слов. А никто другой об их разговоре не помнил. Более вероятно, что ничего не было сказано вовсе, так как ситуация была вполне привычной и реагировать на нее следовало в соответствии с давно принятым и все еще актуальным принципом спортивной жизни общественных школ: тренеры тренируют и принимают решения. Процесс не предполагал длительных обсуждений. Источником огорчения стал список сам по себе, который, по всей видимости, провисел большую часть того сезона. «Он еще долгое, долгое время висел без моего имени в нем», – вспоминал Джордан.

Много лет спустя репортеры отправятся в Уилмингтон, чтобы раскрыть тайну, почему Джордан не был включен в команду. Экс-тренеры и бывшие партнеры по команде как один скажут им, что решение было принято во благо Майкла, что он тогда не был готов, был слишком низкорослым, слишком тощим и, скорее всего, не смог бы обыгрывать один на один более старших и физически крепких соперников в школьных матчах. «Я всегда чувствовал, что он уверен в себе, – вспоминал многоопытный спортивный журналист и писатель из Уилмингтона Чак Карри. – Он просто был низковат и не умел делать то, что научился делать потом, после того как у него случился скачок роста».

Может, это была правда, хотя результаты последующих лет сделают этот аргумент сомнительным. Подобные ответы казались очевидными всем свидетелям тех событий 1978 г. – кроме, разумеется, самого главного их участника.

Сердце Джордана было разбито. Он захотел бросить спорт насовсем, но его мать, как он будет вспоминать потом, убедила его в необходимости продолжать бороться, чтобы преодолеть невероятное разочарование. К счастью, его боевой дух в ту зиму не пострадал.

«Мы сочли, что будет лучше, если он будет играть за резервную команду школы, – сказал Фред Линч, тренер команды более молодых учеников и по совместительству ассистент в основной школьной команде. – Он не опустил руки, он работал. Мы знали, что Майкл хорош, но хотели, чтобы он играл чаще».

Членство в основной команде означало, что ему часто пришлось бы играть роль запасного игрока, который бы редко играл и мало прогрессировал, как объяснял Линч. В младшей, резервной команде у него было пространство для маневра, там он мог задавать тон. Однако статусу игрока резервной команды сопутствовали привычные для подросткового возраста унижения. Игроки, участвовавшие в спортивной программе Лэйни, обратили внимание на форму головы Майкла и начали обзывать его «арахисом» или «яйцеголовым». Еще со времен занятий бейсболом его раздражало то, что другие люди выбирали ему прозвища. «Впрочем, он никогда не отзывался на эти клички, – отмечал Майкл Брэгг, учившийся тогда в 11-м классе Лэйни и игравший за команду школы. – Майкл оценивал свою игру по тому, как

выступал против старшеклассников, но вплоть до конца десятого класса школы он не мог обыграть один на один никого из них».

Ответом Джордана на ситуацию с попаданием в основную команду была игра, которую он показывал всякий раз, когда резервная команда школы выходила на паркет, и очень скоро игроки основной стали приходить полюбоваться этими спектаклями. Они следили за каждой деталью его перформансов, неотрывно наблюдая за ними до тех пор, пока не приходило время им самим идти готовиться к своим матчам. Он набирал очки пачками, яростно забрасывая мяч в кольцо снова и снова, дважды ему даже удалось набить больше 40 очков за игру – немыслимые цифры для матчей, где четверть длится по 6 минут. По итогам сезона, который он отыграл плеймейкером, средний его показатель по очкам за матч достиг 28.

В то время Джордан был ростом всего 170 см, но как-то раз Кевин Эдвардс, ученик 12-го класса, бывший запасным защитником основной команды, обратил внимание на руки Джордана и сравнил их со своими. «Его были раза в два больше моих», – вспоминал он. Крупные кисти рук помогают игрокам легче контролировать мяч в дриблинге, а это, в свою очередь, позволяет им изумительным образом завершать атаки, что демонстрировал тогда в профессиональном баскетболе Джулиус Ирвинг, или Доктор Джей. Молодой Майкл начал внимательнее следить за профессиональной игрой по ТВ. Позднее, благодаря развитию ESPN, матчи NBA на телевидении станут вездесущими, а игра самого Джордана породит целое поколение молодых игроков, которые будут имитировать его игру. Он объяснял, что сам поступал так же, отыскивая в эфире телевидения изредка мелькавших там мастеров, которые были его «инструкторами». Первым таким специалистом был Дэвид Томпсон, а за ним уже акробат Доктор Джей.

«Заключительную игру в сезоне 10-го класса школы мы проводили в Голдсборо. Майк украл у соперника мяч и убежал к кольцу, а потом исполнил данк, то есть реально заколотил мяч в корзину, – вспоминал однажды Тодд Паркер, партнер по команде. – Думаю, что это был первый данк в его жизни, исполненный в настоящем матче. Мы тогда переглядывались: «Вау, это как ему удалось?» Джордан рассказывал, что его первый данк в матче на самом деле случился в Вирго: «Это был детский данк, самый примитивный. Я даже не понял, что сделал его, осознание пришло уже постфактум. Я сам тогда удивился. Другие пацаны делали данки, но для школьника умение исполнить данк все равно очень круто. Я гордился тем, что мне это удалось». Был ли тот данк в конце десятого класса первым или нет, не важно, как бы то ни было, исполнен он был с мощью и силой и как раз тогда, когда в студенческом спорте вновь разрешили эмоциональную и зрелищную игру.

Поскольку бейсбол отходил для него на второй план, Джордан обратился к игре, которая лучше всех подходила его поразительным атлетическим талантам. С каждым шагом его пути другие люди будут выражать восхищение и восторг тем, как отчаянно и упорно он борется за победу. На каждом уровне игры он был движим какой-то неведомой силой, словно гнался за тем, что другие разглядеть не могли. Всякий раз, когда он выходил на баскетбольную площадку, казалось, что все его существо обращается в концентрированную ярость. В сочетании с его физическими особенностями эта ярость будет творить такие спектакли, которые никогда не смогут забыть многие, кто воочию наблюдал их.

«В первый раз, когда я его увидел, я понятия не имел, кто такой Майкл Джордан. Я помогал тренеру в школьной команде Лэйни, – вспоминал в газетном интервью 1999 г. Рон Коули. – Мы отправились в Голдсборо, в гости к нашим принципиальным соперникам, я вошел в спортзал и увидел концовку игры резервной команды. Девять игроков на паркете просто отдыхали, а один пацан играл всем сердцем, до последнего. Увидев, как он играет, я подумал, что его команда уступает одно очко за 2 минуты до конца. Тогда я посмотрел на табло, и оказалось, что его команда проигрывает 20 очков, а до конца играть всего минуту. Таков Майкл, я быстро понял, что он всегда был таким».

Соленые ботинки

Джордан оказался подвержен тем же капризам радости, смущения и горя, которые были свойственны стольким подросткам вокруг него. Несмотря на свои серьезные разногласия, его отец и мать умели думать не только о себе, и это было самым важным их качеством. Они, быть может, и не горели желанием решать проблемы семьи, связанные с домогательствами, но каким-то образом Джеймсу и Делорис Джордан удалось сохранить прежнее отношение к детям, которые продолжали занимать главное место в их жизни. Делорис в особенности не теряла бдительности и тщательно оберегала своих детей от любых возможных ловушек. А Джеймс, несмотря на стресс от работы и деятельности владельца ночного клуба, приезжал на каждую игру сына, пусть даже ему и приходилось держаться от жены на расстоянии.

На поверхностном, внешнем уровне эта забота родителей проявлялась в материальных благах и подарках, которыми они осыпали своих детей, заодно щедро уделяя им свое время. После того как трое самых младших пошли в школу, Джорданы купили им в подарок маленьких пони. Когда сыновья достигли подросткового возраста, Джеймс подарил Майклу и Ларри маленький мотоцикл. Этот эксперимент закончился тем, что парни вдвоем рискнули перепрыгнуть на нем через трамплин и, конечно же, упали. Потом родители предприняли все усилия, чтобы поддержать Ларри и Майкла в Младшей лиге бейсбола: они постоянно возили их на тренировки и игры, несмотря на то что оба работали и работа требовала больших усилий и энергии.

Помимо подарков и активного участия в жизни детей они занимались еще и тем, что постоянно формировали характер и взгляды своих отпрысков, и в этом заключалось их самое значимое воздействие на их жизнь.

Они повторяли один и тот же знакомый рефрен: упорно трудись. Добивайся. Ставь цели. Думай о будущем. Не мирись с отказами. Будь тактичным. Не тормози в гонке.

«Чтобы вырасти, нужно упорно трудиться, – говорила им Делорис Джордан. – Дисциплинируйте себя и ставьте перед собой цели».

Ее слова, пожалуй, никогда не были так важны, как в тот день, когда ее младший сын не сумел попасть в список основной школьной команды по баскетболу. Как он говорил о своей карьере и развитии, «расчет времени – это все». Эта фраза была, наверное, ближе всех к признанию им того, что случившееся с ним осенью 1978 г. было просто еще одним нетвердым, неуверенным, но все же шагом вперед, к прогрессу. Быть может, само непопадание в команду не ранило бы его так глубоко, как то, что случилось после этого. Для школьных тренеров было обычным делом привлекать в конце сезона лучших игроков резервной команды в основную, чтобы те могли помочь команде в матчах плей-офф округа. Джордан ожидал, что его вызовут. По отзывам и мнениям людей он уже знал, что на его игру обратили внимание. Но Херринг и его ассистенты загадочным образом проигнорировали Майкла. Судя по всему, ни у одного из тренеров не возникло мысли пригласить его в команду.

«Мы никогда даже не обсуждали такую возможность», – вспоминал ассистент Херринга Коули. Джордан счел это глубочайшим оскорблением. Но судьба распорядилась так, что менеджер заболел перед самым началом матчей плей-офф, что позволило Джордану придумать план, как поехать на эти игры вместе с командой. Только не игроком, а в качестве квази-менеджера и статиста. Он вспоминал, что ему приходилось облачаться в униформу другого игрока, чтобы войти в здание, не платя за вход. Он был так разозлен всем этим, что скорее оплевал бы «Лэйни Бакканирс», чем поаплодировал бы ей.

«Они вышли в плей-офф, а мне приходилось сидеть в конце скамейки запасных; я не мог поддерживать их, хотя чувствовал, что должен был играть за эту команду», – вспоминал он.

Ему было трудно поддерживать основную команду сезона, находясь в резерве, но он все равно делал это. Когда же дело дошло до плей-офф, он уже не мог себя заставить. «Тот раз был единственным, когда я искренне за них не болел, – объяснял он. – Я хотел, чтобы они проиграли. Ирония, но я хотел их поражения, чтобы доказать, что я мог бы им помочь. Вот как я рассуждал тогда: «Вы совершили ошибку, не взяв меня в команду, и вы в этом убедитесь, когда проиграете»». Ту весну «Бакканирс» закончила с 15 победами и семью поражениями. Проиграв три из четырех последних матчей, она не смогла попасть в плей-офф штата.

Этот опыт впервые столкнул Джордана лицом к лицу с его собственным эгоизмом. Такое противостояние станет одной из доминирующих тем его карьеры, он будет постоянно учиться направлять свой невероятный драйв и мощь своего эго, своей натуры спортсмена, не мыслящего свою жизнь без борьбы за победу, в русло командной игры.

Вторым незамедлительно проявившимся эффектом этого непопадания в команду стала его одержимость собственным ростом. Если тренеры предпочитают талантливому игроку более высокорослого, что ж, тогда он станет более высокорослым. Он часами упражнялся на турнике в заднем дворе, подолгу висая на нем, и вообще старался висеть везде и всюду, где только можно было хорошенько ухватиться руками: таким образом он пытался растянуть себя, сделать выше.

Его мать видела все, что происходило с ним, и потому говорила с сыном о его беспокойствах. Они вместе молились об этом, а в конце каждого дня Джордан молился в одиночестве, как, впрочем, и по утрам, и весь день: «Пожалуйста, Господи, сделай меня выше. Позволь мне вырасти».

Шансов на это, казалось, было очень мало. Будучи ростом в 177 см, он уже возвышался над всеми мужчинами своей семьи. Его родители убеждали его думать о росте не в физическом смысле, а о росте в сознании, в сердце. «Но я хочу быть выше», – не успокаивался он, и изо дня в день повторялся один и тот же спор. Наконец мать сказала ему: «Иди посоли свои ботинки и молись».

«Он сказал мне, что я говорю глупости, но мне нужно было как-то утихомирить его, чтобы можно было доестъ ужин, – вспоминала миссис Джордан. – Потом зашел отец, и он сказал ему, что хочет быть высоким. Мы отвечали: «Это есть в твоём сердце. Твой рост в тебе, внутри. Ты можешь быть сколько угодно высоким в сознании, в том, как ты думаешь».

Так что теперь – вдобавок к постоянному висению на турнике – Джордан солил свои ботинки перед тем, как отправиться спать, и продолжал молиться. Много вечеров Делорис приносила соль в его комнату перед сном. Ей не хватало смелости сказать, что она все это выдумала, что соль как была солью, так солью и осталась, и больше ничем быть не могла.

Спустя недолгое время к Джорданам приехал погостить старший кузен, ростом в 2 м. Два метра! Внезапно надежда вновь ожила. Единственным поводом для беспокойства стали постоянные боли в коленях. Больно было настолько, что Майкл едва мог спать по ночам. Мать решила отвезти его к доктору, чтобы узнать о причинах болей и рассказать тому о желании Майкла вырасти. Доктор мельком взглянул на рентгеновские снимки, увидел зоны роста в костях и сказал матери с сыном, чтобы они не беспокоились. Молодому Майклу еще только предстояло вырасти.

И правда. К лету он вымахал до 190 см, и это был далеко не предел. Более того, он продолжит расти на протяжении всей учебы в колледже и даже немного по ходу карьеры в NBA, пока не дорастет до 2 м и не станет возвышаться надо всеми остальными членами семьи на добрый фут.

«К концу десятого класса Майк был ростом в 178 см, никак не выше 180 см. Талант у него был всегда, – вспоминал Фред Линч. – Он был нашим лучшим девяти- и десятиклассником. Он играл сердцем, обладал навыками защитника и всегда имел крупные, сильные руки. К 11-му классу он вымахал до 190 см, почти до 193-х. Внезапно к его таланту и рвению добавился размер... И он просто расцвел».

Глава 7

Номер 23

Весной 1979 г. Ирвин Джонсон (Мэджик Джонсон), второй год учившийся в Университете штата Мичиган, только что привел своих «Спартанс» к чемпионскому титулу NCAA, в финале обыграв будущего выпускника Ларри Бёрда и его «Сикаморз» из Университета Индианы. Очная встреча с участием восходящей чернокожей звезды из Конференции Big Ten и восходящей белой звезды из малоизвестного университета в Индиане вызывала серьезный интерес по всей стране, о чем говорит самая внушительная в истории телевизионная аудитория финала чемпионата NCAA.

В рядах увлеченных противостоянием зрителей был и юный Майк Джордан из Уилмингтона, Северная Каролина. Он будет следить и за следующим баскетбольным сезоном, в котором Бёрд присоединится к «Бостон Селтикс», а Джонсон – к «Лос-Анджелес Лейкерс», двум легендарным франшизам профессионального баскетбола. Следующей весной, когда Джонсон, показав всем свой волшебный талант, привел «Лейкерс» к чемпионскому титулу NBA, он окончательно покорило молодого Майка. Подросток из Уилмингтона влюбился в «Лейкерс». Она стала его командой, а Мэджик Джонсон – его кумиром.

В тот же год родители Джордана подарили ему первый автомобиль в его жизни. Отлично знавшая путь к сердцу Джордана его подруга Лакетта Робинсон купила ему крутой номерной знак, который он с гордостью повесил на передний бампер своего нового авто: Magic Mike.

Некоторые люди из мира баскетбола – среди них многие тренеры – будут потом печально улыбаться, узнав об этом. Бёрд и Джонсон были высокими мужчинами, рост обоих был 205 см, они великолепно обращались с баскетбольным мячом и на паркете блистали такой яркостью и отличались таким неповторимым почерком, что NBA благодаря им обзавелась миллионами новых фанатов. Оба великолепно умели пасовать, особенно Джонсон, и оба умели доставить мяч партнеру так, что сердца всех, кто это наблюдал, начинали учащенно биться. Баскетбол никогда не видел никого, подобного Джонсону, на всех парах летящего в контратаке к кольцу.

Лето и осень 1979-го – пока Мэджик Джонсон все еще купался в лучах славы своего успеха на турнире NCAA и радовался попаданию в состав «Лейкерс» – Майкл Джордан провел в Уилмингтоне и вот-вот должен был зажечь пламя своей легенды. Той осенью Джордан начнет играть за основную команду «Лэйни Бакканирс». И если его мастерство было еще далеко от идеала, то рвение, которое отличало его первые игры за школьную команду, уже бросалось в глаза. Его мольбы о высоком росте были услышаны. Он дорос до 190 см и уже приближался к 193 см. Его кисти стали крупнее, руки длиннее, а шаги размашистее. У него появились новые инструменты, которыми он мог разнообразить свою игру. Если раньше он был агрессивен в атаке, играя разыгрывающего в резервной команде, то теперь стал более вдумчиво раздавать мячи партнерам. Наблюдая за тем, как раскрывается его внушительный талант в школьной команде, тренер Лэйни Херринг и его ассистенты заметили, что Джордан излишне альтруистичен. Он был настолько талантлив, что ему нужно было чаще демонстрировать это, набирая очки, чтобы тем самым помогать относительно неопытной команде вместо того, чтобы уступать это право другим, заключил Херринг. Джордан внимательно выслушивал своих тренеров, но не спешил менять свою манеру. Он все еще верил, что баскетбол – командная игра, а потому собирался искать партнеров и помогать им.

В конце концов Поп Херринг обратился к Джеймсу Джордану за помощью. Отец поначалу сопротивлялся, объясняя, что никогда не симпатизировал папашам, не дающим тренерам заниматься тренерством. Вмешательство в работу команды будет нарушением этого

принципа. Впрочем, он вскоре сдался и убедил своего сына делать то, что говорят ему тренеры.

После этого убеждения Майкл стал более индивидуально подходить к игре, что в результате помогло сильнее раскрыть его дарование. Тогда жизнь молодого баскетболиста впервые стала развиваться по шаблону, который останется неизменным в будущем: чем больше он делал, тем больше тренеры и публика просили его делать дальше. И чем дальше, тем приятнее ему было открывать в себе какие-то способности. Его игра и образ стали подпитывать себя сами, пусть в те первые дни его карьеры это происходило едва заметно. Но очень скоро станет ясно, что все, что с ним связано, так или иначе множится и плодится. Поначалу для окружающих его людей это развитие не было предметом для беспокойств. Но позже станет очевидно, что его успеху сопутствовал тяжкий груз. Чем больших успехов он достигал, тем тяжелее становился этот груз, и он никогда не падет с его плеч, какими бы рычагами его ни пытались снять.

Школьная команда

Бобби Креминс, 31-летний главный тренер команды Аппалачского университета, летом 1979-го был одновременно счастлив и ужасно измотан, занимаясь организацией летних лагерей. Бывший разыгрывающий Университета Южной Каролины, где он играл под началом Фрэнка Макгуайра, Креминс провел четыре непростых года в Аппалачском университете, жемчужине среди государственных высших учебных заведений горной части Северной Каролины, где выстраивал программу спортивного развития. Его усилия были вознаграждены в 1979-м, когда его команда совершила первую поездку на турнир NCAA, где его «Маунтанирс» (подходящее название) быстро потерпела поражение от команды Университета Луизианы. В июне того года, когда Креминс открыл свой лагерь для команд из старших школ, возбуждение только начало захватывать его по-настоящему. Лагерь давал командам возможность поиграть летом в баскетбол на прохладных возвышенностях Северной Каролины, а молодому тренеру Креминсу в то же время предоставлял возможность оценить игроков, отыскать которых как-то иначе он вряд ли бы смог.

Креминс следил за игрой школьной команды Лэйни из Уилмингтона, когда заметил длинноногого худого игрока, чья энергичность и атлетизм сверкали на тренировках и играх в лагере, подобно электрическим разрядам. Чем больше Креминс присматривался к нему, тем сильнее удивлялся. Наконец Креминс решил позвонить Бобу Гиббонсу, редактору местного баскетбольного «бюллетеня» о талантах, и сказал ему, выговаривая слова с густым нью-йоркским акцентом: «Боб, тут у меня есть один паренек... ты не согласишься?»

Через несколько недолгих лет Гиббонс станет известен как один из первосвященников баскетбольного студенческого скаутинга, но в то время у его издания было мало читателей. Горячий, безудержный рассказ Креминса о неизвестном игроке, который даже не провел ни одной игры за основную команду школы, возбудил интерес Гиббонса, и он решил поехать в Аппалачский университет, чтобы посмотреть на талант своими глазами.

«Я увидел игрока в 190 см ростом, обладавшего взрывным талантом атлета, – рассказывал Гиббонс писателю Аль Фезерстону. – Но что впечатлило меня больше всего, так это слова, произнесенные Майклом в тот момент, когда Бобби знакомил меня с ним: «Мистер Гиббонс, что мне нужно совершенствоваться, чтобы стать лучшим игроком?»

Креминс и Гиббонс были не единственными удивленными наблюдателями. Партнеры Джордана по команде будут потом вспоминать, как на их глазах происходила поразительная трансформация Майкла. «Он возвращается в школу к 11-му классу, и все, это уже другой человек, о тощем маленьком Майке уже забыто, – вспоминал Тодд Паркер, партнер Майкла по Лэйни. – Он выскакивает из спортзала, и я сразу: «Что?!»

«Было видно огромную разницу, – соглашается Майк Брэгг, в то время 12-классник в Лэйни, игравший в команде школы. – Он теперь был куда более решительно настроен и умел гораздо больше».

Гиббонс ничего не знал о произошедшей трансформации, но отметил потенциал Джордана в своем следующем отчете, он вспоминал: «Я написал о том, каким талантливым и перспективным он был, но у меня была всего сотня читателей, скромная региональная аудитория».

«Обо мне точно не ходило разговоров, – говорил Джордан о времени, проведенном в летнем лагере Аппалачского университета. – Никто меня особо не знал».

Поп Херринг, впрочем, обратил внимание на интерес к Джордану, и он его обрадовал. Внимание к Майклу подтвердило его убежденность в том, что ему предстоит тренировать кого-то совершенно особенного. Херринг не был склонен к бахвальству, но документальные доказательства выставляют его исключительно в положительном свете, несмотря на одержимость Джордана идеей, что он не был включен в команду. В этой истории нет ничего того, что указывало бы на стремление Херринга эксплуатировать исключительный талант ради собственной выгоды, как тренеры часто и поступают. Свидетельства показывают, что Херринг хватался за каждую возможность расширить возможности молодого Джордана. Более того, тренер будет проворно и энергично заниматься рекрутингом будущего игрока в колледжах, что поначалу получалось с трудом, но потом эта задача решилась почти в одночасье.

Осенью 1979-го, незадолго до бури, Херринг сел за стол и написал письмо, пытаясь привлечь интерес тренерского состава Университета Северной Каролины к Джордану. Не каждый школьный тренер интересовался будущим своих игроков, а чтобы тренер писал подобное письмо об игроке, который не сыграл еще ни разу за школьную команду, – такое случалось крайне редко. Но именно так поступил Херринг, каждое утро встававший чуть свет, чтобы в 6:30 заехать за Джорданом и отвезти его в спортзал для тренировки.

«У него была слабая левая рука, – вспоминал однажды Херринг. – Я сказал ему, чтобы он улучшал работу левой и оттачивал броски после дриблинга».

Тренировочные сессии, проходившие рано утром, строились вокруг работы над подобными нюансами, а также отработкой бросков – их нужно было делать как можно больше. Значительная часть фундамента будущих успехов Джордана была заложена его молодым тренером, прилагавшим нечеловеческие усилия в работе с игроком. По свидетельствам некоторых источников, Херринг и Джордан станут близки за время совместной работы, но никогда не будут близки настолько, чтобы Джордан забыл отказ, который получил в десятом классе. Вспоминая все эти занятия ранним утром в спортзале Лэйни, Джордан потом скажет: «Всякий раз, когда я устал на тренировке и решал, что надо бы остановиться, то закрывал глаза и видел тот список в раздевалке, список, в котором не было моего имени, и обычно это заставляло меня продолжать работу».

Той же осенью Херринг вызвал Джордана в свой кабинет, чтобы посоветоваться с ним по поводу номера на майке, который Майклу нужно было выбрать для грядущего сезона. Он предложил ему два номера: 23-й Джеймса Битти и 33-й Дэйва Макги, двух выпускников школы, попавших в символическую лучшую команду округа.

Судя по всему, Джордан был равнодушен к нумерологии, а потому решил взять 23-й номер Битти.

Много позже он объяснит свой выбор номера 23 тем, что эта цифра близка к половине от 45, – под этим номером играл его брат Ларри. Прежде чем он сделает себе имя, баскетбольные тренеры придут к выводу: этот номер – знак. Будь то соревнования под эгидой AAU, лиги общеобразовательных школ или даже показательный матч десятилетних детей, –

тренеры всякий раз будут отмечать, что любой, кому хватило смелости надеть майку с 23-м номером, заслуживает больше внимания в защите.

Аналогично будущие поколения лучших молодых игроков будут соперничать за право надеть майку с 23-м номером и попробовать справиться с грузом давления и высоких ожиданий, который шел к этому в нагрузку. Для Джордана номер относительно скоро станет фирменным знаком, которым будет помечаться все, что связано с его именем: от сети бутиков и до личного самолета небесного цвета, который будет перевозить его из одной точки планеты в другую, с одного эксклюзивного курорта на другой, пока Майкл будет искать идеальное поле для игры в гольф.

Первый ярчайший момент его восхождения в том сезоне за школьную команду случился в выездной игре в округе Пендер – из всех мест именно там. И именно там, на глазах у членов семьи, друзей и дальних родственников, он наберет 35 очков и принесет Лэйни победу (81: 79) в овертайме в первой игре сезона. Его семья, партнеры по команде, тренеры, даже сам Джордан – все были поражены его игрой.

С той поры все сдерживаемые им эмоции и разочарование начнут извергаться наружу в каждой игре по мере того, как он, словно зарядившись высокооктановым топливом, на бешеной скорости устремится ко всему тому, о чем так мечтал. Дикость, отличавшая его на площадке, буквально бросалась в глаза всем смотревшим. Снова и снова он атаковал корзину, его рот при этом раскрывался, словно впускной клапан драгстера, всасывавший воздух с такой перегрузкой, что губы оказывались высоко на деснах, а обнаженные зубы сверкали так, словно он был вампиром, готовившимся через мгновение впиться в кольцо корзины. Язык высывался изо рта без причины, просто чтобы не оказаться на пути этой ярости. Вновь и вновь он повторял этот обряд, приближаясь к корзине. Одного выражения его лица было достаточно, чтобы защитники приостановились, замешкавшись. А когда он делал подборы, он возвышался над всеми и хватал мяч с той же свирепостью. Скорость, с которой он отрывался от паркета, заставляла разевать рты в равной степени как его партнеров, так и соперников. Физическая мощь, быстро выделившая его на фоне остальных мальчишек вокруг, стала серьезным вызовом для соперников. Лишь узкий круг избранных мог соперничать с ним по части прыгучести, но многие просто следовали принципу вертикальности, выбрасывая руки в воздух и надеясь на лучшее.

Среди многих, кто обратил внимание на его игру, был Майк Браун, спортивный директор школ округа Нью-ХанOVER. Он был настолько впечатлен артиллерийскими залпами Джордана по корзине, что связался с Биллом Гатриджем, первым ассистентом Дина Смита по команде Университета Северной Каролины, и сообщил ему, что в Уилмингтоне нашелся один исключительно талантливый молодой защитник, которого ему, Биллу, непременно надо увидеть собственными глазами. Семечко было посажено.

В составе команды Лэйни были также Лерой Смит, игравший тяжелого форварда, и готовившийся к выпуску Майк Брэгг, бывший защитником. Еще одним защитником / форвардом был Адольф Шивер, с которым Джордан познакомился несколькими годами ранее на площадках Эмпи-парка в Уилмингтоне. Шивер был раздражительным малым, всегда болтавшим чепуху во время игр. Джордан вспоминал, что у него во рту постоянно была зубочистка. Если большинство других игроков поведение Шивера зачастую раздражало, то Джордана его трэш-ток и постоянная болтовня забавляли: со стороны это чем-то напоминало придворного шута, развлекающего короля. Как-то раз Джордан швырнул Шивера о стену после того, как тот оскорбил девушку Дэвида Бриджерса, но в нервозности Шивера было что-то такое, что располагало к нему Джордана. Также весьма вероятно, что присутствие рядом Шивера и его отношение к окружающим позволило Джордану приобрести некоторый авторитет и уважение в старшей школе. Взамен Шивер получал возможность питаться колоссальной энергией Джордана, как это делали в команде школы Лэйни все, включая даже тренеров.

Двое парней подружились, и этой дружбе суждено будет продлиться много лет. Связь между ними установилась после того, как Джордан увидел в Шивере надежного партнера по команде. Время покажет, что Джордан будет исключительно преданным узкому кругу своих друзей, приобретенных на жизненном пути. Шивер был чуть ли не первым, получившим доступ в этот узкий круг. Джордан будет закрывать глаза на некоторые сомнительные поступки людей из своего окружения, но неверность он не примет никогда. Доверие было слишком ценным товаром в понимании Джордана, и между ним и Шивером в тот первый сезон в основной команде установятся именно доверительные отношения. В чикагский этап карьеры Джордана Шивер будет приезжать в отели, где останавливалась команда Майкла перед большими матчами, и играть со старым другом в тонк, чтобы тем самым помочь ему снять напряжение.

«Бакканирс» добились еще одну победу во второй игре сезона, а Джордан набрал 29 очков, на этот раз уже в домашнем матче, но вскоре за этим последовал неизбежный звонок, спустивший его с небес на землю. Старшая школа Южного Уэйна собрала команду, в составе которой были двое будущих партнеров Джордана по колледжу – огромный Сесил Экзам и разыгрывающий защитник Линвуд Робинсон, – оба в то время считались весьма перспективными игроками. В игре против Лэйни Робинсон набрал 27 очков, а Экзам – 24. Джордан, набравший 28 очков, удивил публику еще сильнее, но его потрясающее выступление не помогло команде избежать поражения. Южный Уэйн выиграл у «Бакканирс» со счетом 83: 58.

Херринг после матча мог только присвистнуть. «Играть с такими сильными соперниками нам будет полезно, – сказал он, пытаясь выставить проигрыш своей команды в позитивном свете. – Джордан всего лишь 11-классник, мы все будем совершенствоваться по ходу сезона. Нужно перегруппироваться. Сегодня нас поколотили».

Три вечера спустя команда Лэйни выглядела уже лучше, а Джордан и Лерой Смит собирали все подборы и лихо проводили контратаки. Набранные Майклом в игре 24 очка вкупе с шестью очками, что принес его брат Ларри, вышедший со скамейки запасных, помогли Лэйни одолеть принципиальных городских соперников из школы Хоггард. У старшего Джордана тоже будут моменты славы по ходу сезона, но большую часть времени он проводил на скамейке запасных, приходя в восторг от того, в какого игрока превращался на его глазах младший брат. «В школьной команде мы отыграли вместе один год, когда я уже готовился к выпуску из школы, а он был на год младше. Тогда-то игра Майкла и вышла на совершенно иной уровень, – вспоминал позднее Ларри. – И хотя на площадке было пятеро парней, он играл почти на всех позициях сразу. Уровень его игры был гораздо, гораздо выше нашего. Люди все время спрашивают у меня, беспокоило ли меня это, но я могу честно сказать, что нет, потому что у меня была возможность воочию наблюдать его рост и развитие. Я знаю, как усердно он работал».

Несмотря на непримиримое соперничество, которым отличались отношения двух братьев в детстве, Ларри оказался еще одним замечательным звеном истории успеха Майкла. Его исключительная порядочность и терпение подтверждаются уже тем, что в команде Лэйни не возникало никаких конфликтов и лишних драм. Немногим 12-классникам удалось бы спокойно смириться с сидением на скамейке из матча в матч, пока их младшие братья-соперники стягивали бы к себе все внимание публики.

Более того, всю семью застал врасплох внезапно и резко поднявшийся статус Майкла, даже Джеймса и Делорис. «Помню, как приходил в школу Лэйни вечером по пятницам в предпоследний год Майкла там, помню, как он вырос, – будет вспоминать позже Джин Джордан, младший брат Джеймса. – Перед игрой он говорил мне: «Следи за мной, сегодня я исполню три слэм-данка. Вот увидишь. Я всажу трижды». А я ему: «Пацан, ты кого дуришь?»

Не умеешь ты данки делать». Ну, три он не заколотил, но совершенно точно исполнил два. В тот вечер я сказал своему брату: «Эй, этот парень просто уничтожает».

Несколько других очевидцев соглашались с Джином. «Лучшим игроком Лэйни был Майк Джордан», – отмечал в уилмингтонской газете за 18 декабря Чак Карри. Вечер спустя Джордан набрал 31 очко в победе над «Кинстоном» и впервые удостоился заголовка в прессе: «Джордан приводит «Бакс» к победе над «Кинстоном». С учетом добытых ранее побед показатели Лэйни достигли четырех побед при одном поражении, и Херринг стал смотреть в будущее с еще большим оптимизмом.

«Это лучшая команда по игре в защите за все время, что я работаю в Лэйни», – объявил Херринг. Успешная игра в защите отчасти строилась на умении Джордана открываться на линиях паса и его внимательной игре при подборках. В атаке он играл винга, но в защите одновременно исполнял обязанности защитника и форварда благодаря своей скорости, с которой возвращался на позицию. Как и его идол Мэджик Джонсон, он большую часть времени проводил у своей корзины, обороняясь, чтобы потом подхватить мяч на подборе и быстро убежать к противоположной стороне площадки.

Годы спустя он весело будет вспоминать то, как ярко раскрылись его взрывной талант и мощь в старшей школе. Необузданная природа этого опыта показала, что как атлет он в состоянии выполнять целый ряд таких вещей, о которых даже лучшие тренеры не имели ни малейшего представления.

По мере развития баскетбола все более актуальной становилась другая тема: баскетбол активнее любого другого вида спорта ускорял процесс понимания белыми чернокожих спортсменов и учил их диалогу друг с другом. Этот процесс начался в первые годы интеграции, задолго до появления Джордана на авансцене. Но в те первые десятилетия расового сотрудничества в баскетболе у многих белых тренеров было весьма ограниченное понимание атлетического стиля игры, что развился в среде чернокожих. Единственным способом познать и принять его было наблюдение за ним собственными глазами.

В старшей школе, а позже в Университете Сан-Франциско в 1950-е тренеры учили Билла Расселла не отрывать стопы от пола, когда он блокирует броски соперников. Недолгое время Расселл следовал их советам, а потом стал поступать так, как подсказывал ему инстинкт – выпрыгивать и блокировать броски, как никто прежде.

«Мы были рождены, чтобы играть так, как играем, – скажет позже Джордан в разговоре с писателем Джоном Эдгаром Вайдманом. – Этому нельзя научить».

Из всех тренеров, у которых играл Джордан, только первые двое были афроамериканцами. Фред Линч и Поп Херринг имели возможность наблюдать за тем, как Джордан в годы учебы в старшей школе раскрывает и изучает возможности своего исключительного атлетизма. Они делали это, не указывая ему излишне активно на то, что он нарушает то или иное фундаментальное правило игры. Линч и Херринг работали с ним над основами игры в баскетбол и направляли его уникальный атлетизм в нужное русло. Херринг показывал ему, как максимально увеличить скорость на первом шаге за счет движения, которое потом судьи в студенческих матчах Северной Каролины будут классифицировать как пробежку, – до тех пор, пока Дин Смит не докажет им, что Джордан на самом деле не совершает лишнего шага.

Свидетельства говорят нам, что Херринг много времени обсуждал с Джорданом и его партнерами по команде умение правильно выбрать момент для броска и темп игры, столь же много внимания он уделял слаженности их действий в защите. О том, как Джордан облегчал такие разговоры тренеру, вспоминал ассистент тренера Рон Коули: «Ни у кого и никогда не было такой энергии, как у этого парня, даже в старшей школе. Он с гордостью защищался. Майк приходил в ярость, если его партнеры не отыгрывали в защите на тренировках как надо».

Но сколько бы Херринг ни нахваливал свою команду, он разумно ограничил себя в публичных комментариях касательно Джордана в те первые месяцы сезона. Он не распространялся ни о письмах, которые писал в колледжи, ни об утренних занятиях с Майклом в спортзале. Очень многие тренеры рассматривали свои команды и игроков с точки зрения своего профессионального резюме, но Херринг держал информацию о своих усилиях при себе. О них станет известно много позже, по большей части из воспоминаний Джордана. Херринг вряд ли тогда знал, что момент восхождения Джордана станет и его собственным коротким мигом славы. Поступки тренера были не идеальными, но в ретроспективе их точно можно назвать выдающимися. Херринг был энтузиастом, но молва о его стараниях оставалась за дверями раздевалки его неопытной команды.

Учитывая высокий рост Джордана и его прыгучесть, большинство тренеров логичным образом предпочли бы расположить его неподалеку от корзины или заставили бы играть вдоль лицевой линии. И хотя Джордан работал по всему периметру площадки, Херринг ставил его в основном на позицию защитника. «Поп дал ему возможность играть на позиции, на которой он будет действовать в колледже и в профессиональной карьере, – отмечал тренер Нью-Хановер Джим Хеброн. – Если бы Поп ставил его на лицевую или под кольцо, он мог бы выиграть чемпионат штата».

Слухи распространяются

Спустя два дня после наступления Рождества команда школы Лэйни открывала Пригласительный турнир Нью-Хановер, организованный газетой *Star-News* и выигранный командой Херринга в предыдущем сезоне. Турнир сталкивал местные школьные команды с талантами не откуда-нибудь, а из Нью-Йорка. Первым соперником Лэйни стала команда школы Боумен из Уэйдсборо, приехавшая из южно-центральной части Северной Каролины. «Мы слышали о нем, – вспоминал в 2011 г. тренер Уэйдсборо Билл Такер. – Кое-кто из наших ребят считал, что сможет играть, как Майкл Джордан, но с этой задачей они не справились».

В частности, в составе его команды был атлетичный игрок Тим Стерлинг. Вот что вспоминал Такер: «Он считал, что сможет отвечать на каждый данк Майкла Джордана своим данком. Игра была очень напряженной, вперед выходили то одни, то другие».

Команды обменивались уколами с невероятной скоростью, и тон задавала команда Лэйни – своим прессингом и ловушками. За 6 минут до конца Лэйни вела со счетом 46: 44, Херринг взял тайм-аут, чтобы дать своим игрокам передышку и напомнить о том, что важно концентрироваться на метких бросках в оставшееся время матча. В первых выигранных матчах его беспокоило то, что его команда имела склонность терять контроль над игрой. В этот раз соперники тоже смогли подтянуться: за 3 минуты 47 секунд до конца счет был равным, 48: 48. Вернув утраченное хладнокровие, Джордан и его партнеры вновь успешно реализовали свою защитную стратегию и в оставшееся время набрали 18 очков против двух у соперников, завершив игру со счетом 66: 50. «Наши парни отлично оборонялись весь вечер, но особенно удачно действовали в конце», – сказал после матча Херринг. Особенно хорош был Джордан.

«У него была уйма энергии, целый вагон», – вспоминал Такер.

Однако оптимистичные ожидания не оправдались на следующий день, когда состоялся полуфинал против команды школы Холи Кросс, проделавшей для участия в турнире 15-часовой путь из Флашинга, Нью-Йорк. Лэйни имела преимущество в шесть очков в середине четвертого периода, а за 2 минуты до конца вела 51: 47. Но Джордан дважды промахнулся со штрафных бросков за 45 секунд до сирены, что позволило Холи Кросс сравнять счет в матче. У Джордана была возможность сделать победный бросок перед самой сиреной, но

он снова промахнулся, после чего Холи Кросс взяла контроль над игрой и победила в овертайме 65: 61.

После поражения Херринг был изрядно зол. «Они должны были выполнять свою работу, – жаловался он репортеру. – У нас было собрание по этому поводу». То, что он сделал потом, затмило, наверное, даже психическое расстройство, открывшееся у него позже. Вероятно, он просто не хотел дать принципиальным соперникам из Нью-ХанOVER возможность оценить игру его основных игроков, а может, был попросту вне себя от злости. На следующий день Херринг оставил всех игроков стартового состава на скамейке, выпустив резервистов на матч за третье место против Нью-ХанOVER. Озадаченный и разозленный Джордан со скамейки наблюдал за тем, как его партнеры проводят хороший матч, но проигрывают 53: 50.

Какой бы ни была цель, преследуемая Херрингом, ему пришлось столкнуться с негативными последствиями своего решения. В течение следующих трех недель его команда потерпела пять поражений кряду, хотя даже в этой провальной серии нашлось место паре светлых пятен. В игре с мощным Голдсборо, в составе которого играл Энтони Тичи, будущая звезда команды Университета Уэйк Форест, Джордан набрал 40 очков. В тот вечер Тичи заблокировал 17 бросков игроков Лэйни, из-за чего Херрингу оставалось только разочарованно качать головой – его команда проиграла 72: 64.

«Тичи сыграл просто невероятно, – сказал он. – 17 блок-шотов – невероятный результат».

Быть может, предыстория этого матча поможет объяснить сумасшедший настрой Джордана на ту игру, в которой он набрал аж 40 очков. В 16-летнем возрасте он встречался с девушкой из Голдсборо, а поскольку город этот находился примерно в двух часах езды на северо-запад от Уилмингтона, Майкл ездил к ней по ночам. Эта девушка, Лакетта Робинсон, проживала в том же районе, что и Тичи, а потому звезда Голдсборо время от времени пересекался с Джорданом. «Он встречался с девчонкой, моей одноклассницей, поэтому знал местных из Голдсборо», – вспоминал Тичи в интервью 2012 г. – Он очень часто навещался в Голдсборо».

Даже тогда Джордана окружала какая-то особая аура.

Тичи вспоминал: «Он держался сдержанно. У него была такая аура. Она и на площадке окружала его. Если он не знал тебя, то не водился с тобой за пределами площадки. Если он не знал тебя, то не начинал с тобой разговоров».

Не то чтобы Джордан был грубым. Он был вполне дружелюбным, отмечал Тичи. «Он просто не доверял многим людям».

Джордан явно хотел впечатлить свою подругу игрой в матче против команды ее школы. Лучшая демонстрация повышенной мотивации? Сорок очков, набранные звездой одной команды, и 17 заблокированных бросков от звезды другой. Тичи не смог вспомнить, сколько из 17 его блок-шотов пришлось на броски Майкла, но признался: «Он очень активно атаковал корзину».

Тренер-ветеран Голдсборо Норвелл Ли в том сезоне уже был наслышан о Джордане от своих знакомых, вспоминал со смехом Тичи. «Мой школьный тренер сказал, что нам нужно начать внимательно следить за ним, как только он выйдет из автобуса... Вся атака, какая у них была, это был он один».

Тичи рассказывал, что в тот вечер Джордан прибежал к трэш-току, но конкретно ему свои выпады не адресовал. «У него уже было преимущество перед остальными – его талант, – объяснял Тичи. – Думаю, что он это понимал. Но вдобавок еще и вербальная игра? Трудно было помешать ему делать то, о чем он говорил, – все, что он хотел, он делал».

Джордан демонстрировал удивительно отточенное мастерство для игрока основной школьной команды, выступавшего в ней первый год. «В то время я не видел никаких сла-

бостей в его игре, – вспоминал Тичи. – Каким-то образом он смог найти и раскрыть свою игру в очень раннем возрасте. Майкл не слишком часто исполнял данки. Он показывал умение бросать со средних дистанций. Хотя и дальние умел исполнять. Он не играл на какой-то конкретной стороне, а покрывал всю площадку. Он мог затормозить или ускориться. Ему всюду горел зеленый свет».

Это будет становиться все более очевидным с каждой последующей игрой. Два дня спустя его результат в очередном проигранном матче, втором в противостоянии с извечным конкурентом Нью-ХанOVER, составил 26 очков. И вновь он стал единственным игроком Лэйни, набравшим двузначное количество баллов. Следом их обыграла слабая команда из Джэксонвила, добывшая победу точным штрафным броском на исходе игрового времени. Джордан набрал 17 очков, но реализовал лишь семь из 14 своих штрафных бросков в матче, в котором вся команда показала лишь 36 %-ную реализацию бросков с линии.

Билл Гатридж, чей наметанный на таланты глаз высоко ценил Дин Смит, отправился в Уилмингтон в начале 1980 г., чтобы посмотреть на того, о ком все так активно судачат, но к тому времени, как он добрался до Джордана, «Лэйни Бакканирс» уже терпела одно поражение за другим, а сам Джордан несколько сдал и плыл по течению с командой. Понаблюдав за его игрой и отметив несколько точных бросков Майкла в прыжке, Гатридж сообщил Смиту, что у этого молодого таланта впечатляющая «физика» и восхитительная скорость, а также что он усердно старается на протяжении всего матча, но при этом слишком много времени тратит на попытки сделать точные броски, снижающие его общую эффективность. Гатридж сказал Смиту, что Джордан талант «недоенный». Однако было решено, что Джордан – явно талант уровня АСС и команде Каролины нужно внимательнее следить за его игрой. Смиту всегда не нравилось, когда общественность узнавала об игроках, которые были ему интересны, и ситуации с Джорданом это касалось в полной мере, однако восхищение, вызванное открытием столь перспективного таланта, все же стало достоянием публики.

Арт Чански, освещавший успехи Каролины в местной газете, был близким другом ассистента тренера команды Эдди Фоглера. «И хотя я был газетчиком, но хранил в секрете информацию, которой они со мной делились, – вспоминал Чански. – Я знал, что он у них на радаре и что они считали его куда более талантливым, чем он сам. Майкл просто надеялся получить где-нибудь стипендию. Он задумывался о том, чтобы пойти служить в ВВС. Вот насколько поздно он раскрылся. Играя за Лэйни, он просто летал ниже радаров. Когда Каролина начинала набирать в команду парней, она не просто привлекала всеобщее внимание к новичкам, но еще и повышала рейтинги молодых парней во всех списках рекрутеров. Порой это отрицательно сказывалось на игроках, потому что все считали их классными, а на деле оказывалось, что они были далеко не так хороши».

Рой Уильямс, ассистент тренера и выпускник Университета Каролины, первым был приставлен наблюдать за Джорданом, но не смог начать это делать из-за конфликта. По всей видимости, Уильямс дал кое-кому наводку, что «Тар Хиллз» проявляют некоторый интерес к Джордану. Он позвонил Брику Оттингеру, другу, выпускающему редактору брошюры о текущей конъюнктуре АСС, касающейся потенциальных новичков. «Рой сказал мне держать эту наводку в секрете, так как тренер Смит не хотел, чтобы о его интересе прознали журналисты, – вспоминал Оттингер много лет спустя. – Он сказал мне: «В Лэйни есть один парень, Майк Джордан. Тренер Гатридж трижды смотрел на его игру. Он исполняет 360-градусные данки как нечего делать».

Джордан не был в курсе небольшой шумихи, вызванной его персоной в среде авторов, писавших о возможных новичках баскетбольных лиг. Более того, он не знал о том, что Северная Каролина присматривается к нему, до тех пор, пока ему не рассказали о визите Гатриджа. Это сделал не Херринг. Скорее всего, тренер боялся, что его главная звезда из-за этих новостей начнет нервничать. Когда Джордан узнал о визите университетского тре-

нера, он был одновременно удивлен и взволнован, а заодно получил заряд уверенности в себе, который несколько потух в связи с трудностями середины сезона, когда ему с трудом удавалось набирать очки.

«Я никогда не думал, что смогу играть в мяч в первом дивизионе, – говорил он о том периоде своего развития. – Я был очень счастлив от того, что хотя бы заинтересовал их, я был полон энтузиазма. Меня радовало, что я кого-то интересую».

Отчасти трудности, с которыми столкнулся Майкл на площадках, были связаны с тем, что тренеры соперничающих команд начали придумывать планы по его сдерживанию. Чем дальше распространялись слухи о нем, тем больше внимания в защите ему уделяли соперники, гораздо больше, чем в начале сезона. Джордану был брошен серьезный вызов: соперники подстроились под его игру. Ответ на вопрос о его таланте кроется в том, как он подстроился под тех, кто подстроился под него, – если так можно выразиться. Январь 1980 г. сменил февраль, а Джордан уже показывал, что подстраивается вполне удачно, что перед лицом сразу нескольких защитников он все же может вершить большие дела.

Так он преодолел первое серьезное препятствие в своей карьере. Использование видеозаписей в работе станет привычным делом в баскетболе лишь много позже, пока же тренерам соперничающих с Лэйни команд Конференции Прибрежной равнины второго дивизиона приходилось опираться лишь на собственную память и статистические выкладки по первому сезону Майкла в школьной команде. Но даже при этом Джордан предоставлял им и тренерам Северной Каролины много пищи для размышлений. Позднее, когда он будет играть в баскетбол на студенческом и профессиональном уровнях, его игра все чаще и чаще будет отправлять его соперников в комнату для просмотров записей его игр, где они будут смотреть их в надежде изучить его манеру и найти способ как-то ему противостоять.

Свидетельства Дина Смита и Роя Уильямса разнятся в том, как именно тренерский состав команды Северной Каролины отреагировал на Джордана после того первого просмотра его игры. «Билл Гатридж – выдающийся тренер, блестяще выбирающий таланты, – вспоминал позднее Дин Смит. – Увидев Майкла в первый раз, он сказал, что тот – игрок уровня АСС, но мы не были уверены, что хотим заполучить его в команду». В одном разные свидетели сходятся – тренеры Каролины хотели взять его в летний лагерь Смита, чтобы оценить, насколько он может им подойти.

Игра Джордана в заключительные недели сезона 1980 г. не дала им никаких поводов медлить с этим. Имея в активе семь побед (при пяти поражениях), школьная команда Лэйни отправилась в Южный Уэйн с Робинсоном и Экзамом в составе. Джордан был болен, а потому остался в автобусе, где тихонько лежал на задних сиденьях, о чем 17 лет спустя вспоминал ассистент тренера Рон Коули, отмечая, что Джордан смог победить болезнь и привести «Буллз» к победе над «Ютой Джаз» в финальном матче сезона NBA. В 1980-м он еще только обретал первое понимание своей невероятной способности концентрироваться и узнавал, как некоторые неудачи вроде болезни или незначительных препятствий на пути, могут эту концентрацию усиливать еще больше.

В тот вечер Херринг прибегнул к замедляющей тактике при игре в атаке, что почти позволило «Бакканирс» избежать разочарования в матче, которое все же их настигло (36: 34). Джордан набрал лишь семь очков (включая два точных попадания в концовке, которые уже ничего не решали), а большую часть очков команде принесли Шивер и Смит.

После этого Лэйни занесла в свой актив победу над Хоггардом, а после сошлась лицом к лицу с Кинстоном в очень открытой и результативной игре. За минуту до конца, при счете 51: 51, Херринг попросил тайм-аут и приказал своим игрокам расположиться по площадке в соответствии с четырехугольной расстановкой в атаке. В этот раз, однако, исход был другим. Ларри Джордан вышел со скамейки с мячом в руках и, увидев свободный коридор по центру,

рванул туда и принес победу своей команде лэй-апом. «Братья Джорданы топят Кинстон», – гласил заголовок газеты *Wilmington Star-News*, вышедшей следующим утром.

«Ларри Джордан вышел на замену и сыграл здорово, – сказал Херринг спортивному журналисту Чаку Карри. – Нехватка игровой практики была его единственной проблемой».

Младший брат Ларри помог команде победить 29 набранными очками.

Потом было поражение от Нью-Берна, а затем очередная встреча с Голдсборо и Энтони Тичи, на этот раз в Уилмингтоне. Родные стены не помогли. Джордан по-прежнему испытывал трудности в матчах против команды из родного города своей девушки. В первой половине матча он набрал лишь два очка. В заключительных двух четвертях он компенсировал это 15 очками, чем помог своей команде отыграть 15-очковое отставание в счете. «Бакканирс» сумела догнать соперника, но не смогла его дожать, из-за чего Херринг после матча жаловался, что устал видеть, как его игроки смущаются соперников из Голдсборо и вновь им уступают. Поражение выровняло показатели побед и проигрышей Лэйни в том сезоне (9: 9) и сильно понизило шансы команды сыграть первый матч плей-офф дома.

После той игры настало время заключительной схватки с принципиальными соперниками из Нью-Хановера, состоявшейся в Уилмингтоне. Тренер Нью-Хановера Джим Хеброн изучал игру Джордана и соответствующим образом подготовил свою защиту к встрече с ним. Впрочем, последние четыре игры сезона покажут, как сильно выросла команда Херринга за это время. Тренер сумел вернуть баланс в атаку Лэйни. Джордан набрал 21 очко, пока игроки Нью-Хановера тщетно пытались его сдерживать большим числом, но не меньше помощи оказали и Шивер, набравший 17 очков, и Майк Брэгг с 16 очками.

«Поп заслуживает большой похвалы», – сказал Хеброн после того, как Лэйни оформила победу.

Два вечера спустя Шивер набрал 24 очка, Джордан – 18, а Лэйни одолела Джексонвилл в Уилмингтоне. За этим последовала победа в День святого Валентина над командой из Восточного Уэйна, по ходу которой Джордан поймал ритм, что будет столь знакомым ему в последующие годы, ритм, который он сам будет называть «математикой» больших игр. Во втором периоде он набрал 15 очков из 22, завоеванных командой, в третьем добавил еще семь очков, а в четвертом приплюсовал к ним еще 11, поставив рекорд школы с 42 набранными очками за игру. В его игре было всего понемногу – бросков в прыжке, быстрых контратак, пара данков. Но что самое важное, его игра не обратила его партнеров в статистов. Шивер, открывавший в себе талант снайпера, играя бок о бок с партнером по «лошади», закончил игру с 14 очками в активе.

Следуя наводке Роя Уильямса, Брик Оттингер – журналист, освещающий баскетбольную тематику, – отправился в феврале 1980-го понаблюдать за той крупной победой Лэйни в игре против Восточного Уэйна. «Джордан был просто восхитителен, – вспоминал Оттингер. – Он просто неудержим. Когда ты видел игры, то думалось: «Как этот парень мог не попасть в команду годом ранее?» На самом деле Оттингер даже сказал своим друзьям в тот вечер: «Его тренер, должно быть, круглый идиот». Оттингер явно был впечатлен: «В следующем нашем выпуске – февральском от 1980 г. – я написал, что «вы, скорее всего, никогда не слышали имя Майкл Джордан, но этот парень обладает самым лучшим сочетанием атлетизма, баскетбольного мастерства и неосознанного таланта среди всех представителей школьного крыла гвардии, которых я когда-либо видел».

Победа позволила Лэйни обеспечить себе третье место в Конференции 4А второго дивизиона, высшей классификации штата. «Голдсборо и Южный Уэйн – лучшие команды штата, и нет ничего постыдного в том, чтобы финишировать позади них», – сказал Херринг газете *Star*. Для Лэйни такое окончание регулярного сезона означало, что окружной турнир она начнет домашним матчем. Джордан вышел очень агрессивно и быстро был наказан за фолы, а потому ему пришлось со стороны наблюдать за тем, как его партнеры вновь демон-

стрируют командный баланс. Шивер набрал 17 очков, Джордан – 20, Лерой Смит – 13, а Майк Брэгг – 9; этого хватило, чтобы победить Хоггард.

Затем команда Лэйни отправилась в Дадли, на полуфинальную игру Округа II против Южного Уэйна, одной из ведущих команд штата Северная Каролина, имевшей показатели побед и поражений 21–2. В том году команде Южного Уэйна удалось выиграть чемпионат штата, а Линвуд Робинсон получил звание MVP¹⁵ турнира. «Бакканирс» едва не прервала в тот вечер спурт Южного Уэйна к чемпионству, решив сыграть вплотную зонную защиту 1-2-2, что позволило им перевести игру в овертайм. Тренер Южного Уэйна Маршалл Хэмилтон начал яростно тасовать защиту в попытке сдержать Джордана: прибегал к 3-2, «ромбу-1», персональной опеке, даже к прессингу на чужой половине площадки, к любым методам в попытке активнее прессинговать его. Джордан поначалу справлялся со всем этим и в первой половине набрал 12 очков, но смена защитных схем начала сказываться во второй половине и овертайме, за которые Джордану удалось набрать лишь шесть очков. Стратегия Хэмилтона сработала, а его команда сумела взять верх в напряженном матче – 40: 35. Сезон Лэйни закончила с показателями 13–11. Последняя игра, впрочем, стала документальным подтверждением того, что Джордан вырос и заматерел.

«Мы испытываем огромные проблемы со сдерживанием Джордана, но те же проблемы имеют и другие, – отмечал впоследствии Хэмилтон. – Столь классным игроком его делает терпение. Мы могли бы справиться с таким игроком, если бы он только бросал, – мы могли бы вынудить его бросать неточно. Но Джордан тогда перестает бросать совсем».

Тот сезон он завершил со средними показателями в 24,6 очка за игру и 11,9 подбора за матч. «Что еще я могу сказать о Майкле? – говорил по окончании сезона Херринг изданию *Star-News*. – Он хороший игрок, а я здесь многих повидал с тех пор, как в 1968-м команда Нью-Хановера взяла чемпионство штата. Думаю, он станет великолепным игроком. Он уже великолепный снайпер и бомбардир, а еще он не думает, что весь мир вращается вокруг Майкла Джордана».

Что еще лучше, у тренера стало появляться ощущение, что он помогает Джордану выстроить свое будущее. «Тренер Гаттридж наблюдал за ним, – отмечал Херринг, – так что серьезные школы уже в курсе насчет него».

¹⁵ MVP, *англ.* Most Valuable Player – титул, ежегодно присуждаемый самому ценному игроку НБА по итогам регулярного сезона.

Глава 8

Трансформация

В десятом классе Майкл Джордан чувствовал себя несколько изолированным, беспокоился, что не завел настоящих друзей в старшей школе. Он был шутником, легко шедшим на контакт, но внутри себя сражался с неопределенностью, что знакома столь многим в 15-летнем возрасте. Его сомнения в самом себе усугубились тем фактом, что он не сумел попасть в баскетбольную команду школы Лэйни в первый год. «Ну, вы знаете, как дети переживают и беспокоятся», – сказал он позже, оглядываясь в прошлое и вспоминая, что его внезапный резкий рост также повлиял на его имидж. И без того тощий Майкл в связи с ускорившимся ростом стал тонким, как тростинка. «Я был очень долговым, очень высоким, и это меня выделяло. Когда ты ребенок, это может стать источником проблем».

У него было ощущение, что даже когда люди улыбаются и шутят с ним, на самом деле они смеются над ним. Другие, впрочем, иначе смотрели на эту ситуацию. «В Лэйни тогда была одна большая семья, – вспоминал Лерой Смит. – Соотношение белых и черных было 60 к 40, но все было круто. Никакого напряжения, ничего такого. Школа была новой. Для нас не было никаких «сторон» – это было необычным. Майк был Майком, он тоже был необычным. Мы все были заняты поисками идентичности. Но Майк... казалось, что он уже давно нашел свою».

Тем не менее Джордан, видимо, считал себя совершенно безнадежным по части социальной адаптации.

«Я всегда думал, что буду холостяком, – вспоминал он. – Я ни с кем не мог начать встречаться... я слишком много дурачился. Я всегда имел привычку крутиться вокруг женщин. Я был клоуном. Я много надоедал людям. Таким был мой способ растопить лед в общении с теми, кто был очень-очень серьезным. В школе я хорошо учился. Получал на уроках пятерки и четверки, но за поведение постоянно были неудовлетворительные оценки, потому что я ребячился и все время болтал языком».

Его старшая сестра, вспоминая этот период, говорит, что Майкл тогда был любящим и всегда отличался приподнятым настроением. Теперь она была замужней женщиной и несколько отдалилась от семьи. В те дни он часто первым выходил на контакт с ней. Он брал пример с ее мужа и с удовольствием проводил время с ее семьей. У сестры было двое детей, которых Майкл обожал. Он с давних пор легко ладил с детьми. Если другие мальчишки его возраста могли проявлять равнодушие к этим маленьким существам, то он с восторгом принимал их с самого начала, с удовольствием таская их на руках и наблюдая за тем, как они постепенно учатся ходить. «Ему нравятся дети, – объяснит позже его отец. – Думаю, потому, что в теории дети – обычно очень активный народец. А Майкл тот еще непоседа. Он совершенно разбаловал двоих детей моей дочери, безбожно разбаловал». Даже детишки помладше со всего квартала тянулись к нему и периодически заскакивали в гости просто потому, что Майкл всегда был готов поиграть, объяснял его отец.

Он не то чтобы любил детей. В некотором роде он жаждал угождать окружающим и хотел внимания к себе от любого, кто был готов его дать. После сезона 11-го класса и даже во время него ему стало ясно, что баскетбол способен привлекать к нему столько внимания, сколько не могло привлечь ничто другое. Его быстрый взлет до статуса звезды школьной команды означал, что теперь повсюду в коридорах Лэйни его встречали улыбающиеся лица и ждали комментарии о его игре. Это трансформировало статус Майкла – от жизни маргинала до уровня главного героя кампуса, – да таким образом, о каком большинство подростков

может только мечтать. Он будет обращать его во благо команды, укрепляя коллективную динамику.

«До того как я начал играть в баскетбол в старшей школе, у меня было мало друзей, – сказал Джордан в апреле того года, вспоминая свой первый яркий сезон. – Баскетбол помог мне лучше узнать людей. Я люблю своих партнеров. Они помогли мне, а я помог им... Командная работа. Вот что важно. Я обнаружил, что чем лучше ты становишься в спорте, тем более приятные люди начинают окружать тебя, тем больше хороших друзей у тебя появляется». Он не смог бы стать лучше без людей, что были рядом, говорил он. «Я бы хотел поблагодарить своих тренеров и партнеров за это».

И хотя на тот момент ему было всего 17, эти данные без подготовки комментarii свидетельствовали о глубоком понимании им того, что происходило в его жизни, и соответствующей оценке этих событий. Тридцать лет спустя найдется много людей, которые, услышав его жесткие трактовки на церемонии введения его в Зал славы баскетбола, явно захотят напомнить ему о собственных мудрых словах, произнесенных в подростковом возрасте. Но впереди его ждет такое количество сложных вызовов, что перед столкновениями с ними он будет вновь и вновь обращаться к своему талисману: твердому, как алмаз, разочарованию, что он, как казалось, носил на своей шее.

Его любимым предметом в школе была математика, и именно на уроках математики произошедшая с ним разительная перемена была заметна больше всего – если верить Дженнис Харди, преподававшей ему сначала алгебру, а потом тригонометрию. «В первый его год у меня он был напуган до смерти. Мне это нравилось. На следующий год он уже сидел в первом ряду. Смеялся над моими шутками и трепал мне волосы».

Он жаждал популярности, а когда она на него свалилась, не мог насытиться, спешно пытаясь наполнить ею ту часть своей жизни, которую не поглотил спорт. «Он никогда не мог находиться в своей комнате в одиночестве, – вспоминала его мать. – Ему всегда надо было куда-то выйти, провести вечер с друзьями, поехать на кемпинг».

Делорис Джордан встретила успех Майкла со сдержанным энтузиазмом, хотя было не до конца понятно, какое из чувств доминировало в ее сознании – облегчение или радость. Каким бы ни был корень, цветком оказалась пышно расцветшая гордость. Самый младший ребенок, Розлин, взялась за учебу, чтобы заслужить похвалу и одобрение родителей. Дочь, которая была очень близка с матерью, составила секретный план: согласно ему она должна была закончить старшую школу на год раньше, чтобы можно было одновременно с Майклом пойти в колледж. Неудивительно, что ее усилия по части учебы раззадорили соревновательный дух Майкла, и хотя ему не удавалось нагнать Розлин с ее успехами, сложившиеся обстоятельства помогли ему начать получать высокие баллы в школе, что сделало его еще более привлекательным новичком для колледжей, которые очень скоро захотят пригласить его к себе.

Самым большим различием между Майклом и его младшей сестрой было то, что ни один репортер не приходил к ним домой брать интервью у членов семьи, когда Розлин оказывалась в списке отличников школы. Напротив, растущая популярность Майкла разожгла любознательность журналистов, которым стала интересна тема его воспитания и взросления, и Делорис Джордан была готова ответить на их вопросы. Она с гордостью рассказывала о достижениях своих младших детей. «Они знали, что после школы должны сразу идти домой, – говорила она журналисту из Уилмингтона. – К ним не могли приходить гости до тех пор, пока родители не вернутся домой. Они выходили из автобуса, заходили в дом, ели сэндвичи и садились за домашнюю работу... Учеба в школе всегда была очень важна. Но кроме этого надо еще участвовать в жизни своих детей. Нельзя просто собрать их и отпра-

вить подальше. Нужно поддерживать их, посещать собрания РТО¹⁶ и по максимуму узнавать их и то, чем они занимаются. Все, чего они ищут, – это любовь и внимание. Мы много времени проводим с ними. Мы всегда знали, где они и с кем общаются».

Она, очевидно, была горда усилиями своих отпрысков. Но в этот период Делорис Джордан стала яснее ощущать, что она и ее муж вырастили две разные семьи. Частенько конфликтовавшая со старшей дочерью Делорис своими глазами видела, как рушится жизнь Сис в результате семейного конфликта. Самый старший сын Ронни имел разногласия с Джеймсом, которые наверняка сыграли свою роль в его спешном отъезде в армию. Взрослеющие дети всегда искали возможности сбежать из-под зорких очей своих родителей, но с учетом того, какие барьеры разделяли обитателей дома Джорданов, нет ничего удивительного в том, что дети в семье стремились проводить время за ее пределами. Джорданы давали своему потомству всего в изобилии, но было трудно отрицать тот факт, что стремление покинуть родительский дом стало одной из главных тем в их жизни.

Если во всем этом и крылась загадка, то ответы на нее надо искать во взаимоотношениях Делорис Джордан с ее собственными родителями. Она редко поднимала тему своего детства и взросления в многочисленных интервью, данных за эти годы, не говорила об этом даже в своей книге, но дети с готовностью признавали несуразность ее взаимоотношений с отцом-вдовцом. Джеймс и Делорис обычно проезжали мимо его дома в округе Пендер, в очередной раз направляясь с визитом к мисс Белл и Медварду. Когда они все же останавливались погостить у Эдварда Пиплса, в доме стояла холодная и пугающая атмосфера, как вспоминала Сис.

У Медварда Джордана были свои методы устрашения, но они и близко не были похожи на ту пропасть непонимания, что разделяла Делорис и Эдварда Пиплса. По всей видимости, ей тоже приходилось иметь дело с неодобрением собственного отца. Хотя бы по той причине, что в доме Пиплса с неприятием относились к ее ранней беременности и последующему уходу из семьи.

Однако нет никакого сомнения в том, что свойственная ей дисциплинированность, переданная ею младшим детям, на которых она возлагала большие надежды, была обретена в родительском доме. Пиплсы с той же целеустремленностью подходили к занятию не прощающим ошибок фермерским бизнесом, где смогли с таким трудом добиться успеха. Достижения Эдварда Пиплса могут показаться весьма скромными в сравнении с тем богатством, которое удалось накопить его внуку, но когда начинаешь сопоставлять уровень сложности, думаешь о том, как он справился со сложнейшими вызовами жизни исполщика, понимаешь, что приобретение им земли в собственность и дальнейшее успешное управление ею было на самом деле огромным подвигом.

Что-то случившееся по ходу этого процесса породило загадочную отчужденность, и не только в отношениях Делорис с отцом. В последующие годы, по мере того как Джорданы будут все глубже погружаться в волшебный мир успеха своего младшего сына, Сис заметит, что они начнут еще сильнее стыдиться своего происхождения, и родителей Джеймса в том числе, равно как и предыдущих поколений предков, коим приходилось возделывать землю ради выживания. Казалось, что Джеймс и Делорис словно пытаются оставить мир Тичи и Роки-Пойнта где-то далеко позади, в прошлом.

Джеймса и Делорис Джордан также увлекало кое-что другое: они все активнее принимали участие в спортивной жизни сына, целиком разделяя его мечты о профессиональном успехе. Эта семья готова была поехать куда угодно и сделать что угодно, лишь бы зацепиться за любую возможность для своих детей в плане спорта. Подобное поведение станет характерной чертой жизни многих и многих семей в конце XX столетия, но Джорданы далеко

¹⁶ Parent Teacher Organization – организация, объединяющая родителей учеников и учителей.

опережали свое время. Сами матчи станут для них мощным наркотиком, они будут приковывать к себе внимание семьи, сладко томить их ожиданиями следующих игр, накачивать адреналином соревнований и оставлять им приятные воспоминания. По окончании каждой игры они уже будут предвкушать следующую, чтобы заново испытать всю гамму эмоций.

Они, наверное, и породили термин «родители-вертолеты»¹⁷.

В те первые месяцы всплеска популярности Майкла эта зависимость стала для них источником наслаждения. Они долгие годы одержимо следовали за своими детьми в спорт, и вот теперь увидели первый сигнал о том, что за это ждет большая награда. Они вознеслись вместе с Майклом на вершину успеха Младшей лиги бейсбола, но лишь для того, чтобы потом столкнуться с суровой реальностью Лиги Бейба Рута. Однако то был бейсбол, баскетбол казался куда более верной ставкой. Тренеры из Университета Северной Каролины уже вовсю звали Майкла к себе. Подобный интерес к нему позволял им помечтать о будущем. Тренеры Каролины пригласили Майкла в свой летний лагерь. Казалось, что все складывается очень хорошо, кроме одного маленького нюанса.

Для Джеймса Джордана, как для родителя, приоритетным стремлением той весной было внушить своему младшему сыну мысль о важности труда, необходимости работы. Он без конца вдалбливал Майклу эту идею. Всю семью это приводило в смущение. Делорис это тоже мучило и беспокоило, пока в один момент она не обратилась к Х.Л. «Уайти» Преватту за помощью. Он был приятным человеком и клиентом банка, в котором она работала. Владел отелем и рестораном. И она решила попросить его устроить ее сына на работу.

«Мне не хватит слов, чтобы рассказать об этой женщине, – вспоминал Преватт. – Она работала в банке, с которым мы вели дела. Она позвонила мне и спросила, не найдется ли для Майкла какой-нибудь работы».

«Я работал в обслуживании отеля, – вспоминал Джордан. – Чистил бассейны, красил перила, менял фильтры в блоках кондиционеров и подметал в служебных помещениях». Эта работа оплачивалась по минимальной ставке, Майкл получал 3 доллара 10 центов в час. Кто бы мог представить, что первый и последний чек с зарплатой, который он получит за свою «трудовую карьеру», подписанный «Уайти» чек на 119 долларов 76 центов, будет однажды помещен в рамку и вывешен в уилмингтонском музее Кейп-Фир как часть музейной коллекции вещей, связанных с Джорданом?

«Этот чек обеспечил меня большим объемом работы, – признавался Преватт репортеру спустя годы. – К нам как-то раз заехали люди из Германии, решившие остановиться здесь потому, что увидели в музее этот отрывок из чековой книжки».

Преватт вспоминал, что Джордан был приятным парнем, который примерно себя вел, но по ряду причин на работе он не задержался. Пожалуй, самой важной из этих причин была боязнь воды: Джордан просто отказывался иметь с ней дело, потому что никогда не забывал о том, как в детстве утонул его друг, и из-за этого не мог выполнять работу чистильщика бассейнов.

«Мы бродили в воде и пытались оседлать волны, прибававшиеся к берегу, – будет вспоминать Майкл годы спустя. – Течение было таким сильным, что его потащило вниз, и он ухватился за меня изо всех сил. Это называется «замок смерти», люди делают так, когда понимают, что попали в беду и вот-вот умрут. Мне пришлось почти что сломать ему руку. Он мог утащить меня за собой... Он погиб. Я больше не захожу в воду... У каждого есть свои фобии. Я не имею дел с водой».

Впрочем, с чисткой и уборкой тоже. Джордан признавался потом, что прибежал к самому мелочному оправданию: он боялся, что его увидят друзья и будут его дразнить. В работе ему не нравилось ничего, и это приводило его родителей, Джеймса в особенности, в

¹⁷ Чрезмерно опекающие детей родители, постоянно «кружащие» над ними, как вертолеты.

бешенство. Но ему было все равно. «Он пытался изменить меня, – вспоминал Джордан, – но у него ничего не получилось... Я ушел спустя неделю... Я сказал: «Больше никогда. Пусть я буду алкоголиком, но никогда не буду работать с девяти до пяти».

Это вам, мисс Робинсон

Зато той весной Майклу посчастливилось пережить ярчайший опыт, которого так ждут подростки, – выпускной вечер в школе. Лакетта Робинсон не училась в Лэйни, но жила в Голдсборо. То, как они познакомились, – один из самых таинственных секретов легенды Джордана. Кажется логичным, что он останавливался в доме ее семьи в одну из многих своих бейсбольных поездок. В те дни отсутствия мессенджеров и текстовых сообщений они обменивались письмами через Почтовую службу США. Джордан написал ей много писем, каждое из них на тетрадном листе: так он развлекал скуку, нападавшую на него на уроках. Все письма она хранила, как это делают девочки-подростки, а годы спустя два этих письма появились на рынке коллекционеров после того, как один из родственников Лакетты похитил их из дома. Одно из них всплыло в 2011-м и было продано за 5000 долларов, но когда Лакетта написала жалобу, оно было возвращено в аукционный дом, хотя содержание письма быстро разлетелось по просторам Интернета.

Письмо открывало Джордана с другой стороны: в нем содержались его неловкие, несколько небрежные попытки выразить свои эмоции, что столь характерно для парней-подростков. «Я был очень счастлив, когда ты отдала мне монетные деньги за выигрыш в споре, в котором я победил, – писал он в один из дней, сидя на уроке химии. – Хотел бы сказать тебе спасибо за то, что дала мне свой ежегодник. Я его всем показываю в школе. Все считают, что ты очень симпатичная молодая леди, и я должен согласиться, потому что это чистая правда. Пожалуйста, не слишком зазнавайся по этому поводу. *(Улыбка.)* С сожалением сообщаю тебе, что не могу поехать на игру в день своего рождения, потому что мой отец вывозит всю баскетбольную команду на праздничный обед. Пожалуйста, не злись, потому что я честно пытаюсь попасть к тебе через неделю, 14 февраля. Если у меня будет шанс приехать, пожалуйста, продумай, чем мы будем заниматься».

Молодой Джордан весьма пылко выражал свою любовь, но, как и каждый юный кавалер, обеспечивал себе пути отхода на тот случай, если его чувства будут безответными. Как только письмо появилось в публичном пространстве в 2011 г., Лакетта Робинсон дала интервью съемочным группам ряда телеканалов. Она давала осторожные комментарии, подчеркивая, что ее потрясло и ужаснуло нарушение ее права на частную жизнь. Полицейские отчеты, составленные по итогам расследования инцидента с пропажей писем, подтвердили, что выгоду от их исчезновения преследовал кто-то другой. Но она призналась, что Майкл часто делал ей комплименты, но лишь для того, чтобы мгновение спустя поправить себя, сказав: «Не зазнавайся по этому поводу». А слова, сказанные ей по поводу некоего неназванного спора, который у них возник, и волнения, испытанного Майклом в связи с выигрышем «монетных денег», указывают на то, что инстинкты игрока в Джордане развились в очень раннем возрасте, как и его соревновательный дух.

Их совместное фото с выпускного вечера стало пиком их взаимоотношений в эти месяцы.

Они оба пришли на бал во всем белом, она в надлежащем такому случаю платье, высоко поднимавшемся к ее аккуратной шее, с рукавами три четверти, позволявшими ей с гордостью демонстрировать белый корсаж на запястье, который Майкл купил ей в подарок. Красноречивее всего была ее прическа. Она просто и без изысков разделила волосы прямым пробором, без лишних кудрей, начесов и прочих ужимок, открыв всем свои свет-

лые глаза, милые высокие скулы и искреннюю, честную улыбку человека доброй души. Она выглядела полностью расслабленной, позируя фотографу с удовлетворенно сложенными на коленях руками. Она производила впечатление человека, начисто лишённого претенциозности, а в этом возрасте молодые люди – включая и самого Джордана – обычно имеют склонность вставать в позы. Он возвышался рядом с ней в белом смокинге, одна его рука легла на ее плечо, а вторую он убрал в карман брюк в забавной попытке юноши придать себе чуть более изысканный вид. Вечерний галстук, даже гвоздика на лацкане пиджака, были белого цвета, однако воротник рубашки был ему слишком велик. В то же время его улыбка, если ее так можно было назвать, была сдержанной, словно говорила нам: «Да, все неплохо, но у меня есть планы посерьезнее». Это воспоминание будет походить на очень многие другие моменты его жизни – они не будут поводом вспомнить, как здорово и весело когда-то было, они скорее будут запечатлевать время, мгновение на его пути к чему-то другому, чему-то большему. Он не знал, где именно хочет оказаться, но очень сильно хотел узнать. У него уже начало оформляться стремление к какой-то цели, а в таких ситуациях обычная жизненная рутина просто заполняет оставшееся время. Только не то, которое он отводил баскетболу. Или бейсболу.

Той весной Майкл играл за Лэйни в бейсбол и попал в сборную лучших игроков города, выступая за команду, тренируемую Попом Херрингом, на позиции правого полевого игрока. Он обрел физическую силу и уверенность в себе, но теперь его иначе оценивал и тренер, который понимал его атлетический потенциал. Майкл также подавал мячи за Лэйни, хотя Дэвид Бриджерс был лучшим питчером в составе команды. Порой, подавая с питчерской горки, он испытывал некоторые трудности, но все равно хорошего было больше, а моменты триумфа случались чаще поражений. Более того, у него была бита, которую он пустил в дело с самого первого дня.

Он отбил четыре подачи из четырех и принес команде три рана в ходе дебютной игры сезона, в которой Лэйни размазала Южный Уэйн 9: 2. Во второй игре сезона против Хоггарда он подавал, и соперники его просто уничтожили, так как у него никак не получалось хорошо контролировать подачи. Вдобавок он подарил сопернику несколько уоксов. Похожая судьба постигла его две игры спустя на питчерской горке в игре против Нью-Хановер.

«Ему не хватало скорости, он умеет бросать куда мощнее», – отмечал Херринг после того, как Джордан отдал соперникам шесть ранов в шестом иннинге, чем погубил «Бакканирс». Затем Лэйни проиграла следующий матч Джексонвиллу, несмотря на то что в седьмом иннинге Джордан сделал два дабла.

В игре с Южным Уэйном он отдал соперникам семь хитов, прежде чем сумел отбить мяч пул-хитом в седьмом иннинге очередного проигранного матча. Лэйни удалось наконец одержать победу в игре с Кинстоном, а Джордан смог заработать в игре один RBI¹⁸. Три дня спустя в домашней игре против Кинстона Джордан сделал победный ран и добавил к нему три хита, тем самым оправдав доверие терпеливого Херринга. В игре с Нью-Берном, проигранной в упорной борьбе, он исполнял роль центрального полевого игрока и заработал еще один RBI, после чего в игре с Голдсборо возвратился на питчерскую горку и принес команде еще одну победу (вторую при четырех проигрышах) тремя хитами.

За этим последовала третья победа со счетом 6: 1 в игре с Джексонвиллом, а Джордан не отдал соперникам ни одного хита за пять иннингов, совершив при этом семь страйкаутов. В начале матча он потерял концентрацию после того, как поспорил с арбитром, с решениями которого был не согласен. Херринг убрал его с поля, дал посидеть и успокоиться пару иннингов, а потом вернул на горку (правила школьного бейсбола позволяют так делать), и он поставил в игре победную точку.

¹⁸ Run batted in – количество очков, которые заработала команда после действия бэттера.

В финальной игре сезона в Голдсборо он сделал два хита, но все равно проиграл, когда вышел реливером и отдал соперникам победный ран. Сезон во втором дивизионе Лэйни закончила с результатом 8: 8 и 9: 11 в совокупности.

Бейсбольный сезон лишь подтвердил то, что стало ясно по ходу его выступлений в составе баскетбольной команды. Херринг – тренер, на которого в последующие годы выльется так много грязи за «исключение» Джордана из команды, был целиком и полностью сфокусирован на профессиональном развитии своей молодой звезды.

В конце апреля Чак Карри написал колонку для воскресного спортивного выпуска газеты *Star-News* под заголовком «Джордан из Лэйни: перспективный универсал». Херринг пространно рассуждал о Джордане: «Думаю, что он – выдающийся спортсмен, и точка. В десятом классе он был лидером резервной футбольной команды по перехватам. Он принял решение не играть в футбол за школу. Решение не играть было сугубо семейным решением. Майк – великолепный баскетболист. Ему светит стать одним из пяти лучших игроков штата. На мой взгляд, Джордан заслуживает право быть в сборной лучших американских игроков из числа учеников старших школ. Мне не хватит слов, чтобы описать его игру на паркете. Не думаю, что кто-либо способен защищаться против него один на один. Когда он набирает мало очков за игру, причина не в нем, а в том, что игра шла в медленном темпе».

Той весной Джордан даже нашел время попрыгать за легкоатлетическую команду Лэйни. «Мне нравится прыгать, – сказал он Карри. – В легкой атлетике я этим и занимаюсь. Я люблю бейсбол. Для меня это спорт номер один. В колледже я хочу играть и в бейсбол, и в баскетбол. Но думаю, что баскетбол в колледже станет моим приоритетом. Я бы сначала попробовал реализоваться в баскетболе, а потом перешел бы в бейсбол, если не получил бы стипендию по обоим видам. Хочу спросить совета на этот счет у родителей и тренера».

В 17 лет он уже четко осознал, чего хочет, и не стеснясь говорил об этом на публике. «Если у меня будет возможность, я буду стремиться стать профессионалом при условии, что буду получать образование в колледже», – рассуждал он. – Моя цель – стать профессиональным спортсменом. Другая моя цель – просто попасть в колледж».

Глава 9 «Файв-Стар»

В летнем лагере в 1980 г. Дин Смит и его тренерский штаб смогли внимательнее рассмотреть игру Майкла Джордана и его самого. Удалось им поближе познакомиться и с его родителями. Джеймс и Делорис приехали в лагерь с визитом и встретились там со Смитом и его ассистентами, и эта встреча позволила обеим сторонам окунуться во взаимное восхищение. Но даже при этом приглашение в лагерь будущей звезды Уилмингтона не прояснило ни для одной из сторон, чего же ждать друг от друга дальше.

То, как игроки были распределены по номерам в летнем лагере Смита, указывает на то, что тренеры начинали все больше интереса проявлять к Джордану, хотя сигналы об этом были неоднозначными. Джордана и Лероя Смита, молодых чернокожих ребят с Прибрежной равнины, поместили в одну комнату с Баззом Питерсоном и Рэнди Шепардом, белыми партнерами по команде из Эшвилля, что расположен в горах на западной оконечности штата. Питерсон, которого в десятом классе признают Мистером Баскетболом Северной Каролины, уже был приоритетной целью для «Тар Хиллз», равно как и Линвуд Робинсон. Питерсон был ветераном лагеря Смита, он бывал в нем несколько предыдущих лет. Он и Джордан дружились в первую же неделю, и эта дружба будет только крепнуть в последующие месяцы. Но в группу к Джордану для тренировок и соревнований определили Шепарда. Вскоре он будет каждый вечер сообщать Питерсону о выдающихся подвигах уилмингтонского защитника. Такого игрока он никогда не видел, говорил Шепард Питерсону. С каждым днем его изумление росло, пока на четвертый день он не сказал, что Джордан явно наделен талантом, который позволит ему добраться до NBA.

Тренеры Каролины наблюдали то же самое. То, что увидел Брик Оттингер, лишь подтвердило его первое впечатление от Джордана, полученное на одной из игр Лэйни в феврале. «На той сессии присутствовал Линвуд Робинсон, – вспоминал Оттингер. – Базз Питерсон тоже там был, но лучшим игроком с большим отрывом был Майкл Джордан. Он был просто недосыгаем». Рой Уильямс сообщил тренерскому штабу, что Джордан – лучший игрок в 193 см ростом из всех, кого он видел. «Очень мало людей знало его в то время, – вспоминал позднее Уильямс. – Майкл пришел и просто уничтожил всех в лагере».

Работа Уильямса в лагере заключалась в том, чтобы контролировать постоянные перемещения игроков разных возрастных групп, занимавшихся в лагере во время изнуряющей жары, стоявшей всю неделю; он следил за тем, чтобы каждая группа смогла уйти с площадок под открытым небом и поработать какое-то время на большом паркете в охлаждаемом кондиционерами помещении «Кармайл Аудиториум», где «Хиллз» проводила свои матчи.

Понаблюдав за тем, как Джордан работает в паре упражнений, Уильямс пригласил его поиграть в спортзале с группой игроков более старшего возраста. Тренер потом будет вспоминать, что Джордан прокрадывался в зал с приходом каждой следующей возрастной группы, чтобы дать себе больше работы в тот вечер. Тренеры увидели в этом доказательство того, что ему нравится соревноваться, – так же, как нравятся кондиционеры.

По окончании тренировочных сессий четверо соседей по номеру приятно проводили время вместе. Джордан и Питерсон, например, подружились на основании того, что команда «Тар Хиллз» приглашала их обоих к себе. В то время как Шепард и Смит приехали в лагерь с надеждой, что Каролина может ими заинтересоваться, недельные сборы показали, что их уровень игры больше подходит школам калибра поменьше. И действительно, Лерой Смит в итоге окажется в Государственном университете Северной Каролины в Шарлотт, где будет играть в баскетбол на студенческом уровне, а Шепард – в Университете Северной Каролины в Эшвилле.

И хотя Робинсон и Питерсон стояли на первых местах в списке приоритетов Дина Смита, к концу работы лагеря стало казаться, что Джордан гораздо ближе подобрался к вершине тренерского списка. Дин Смит нашел время, чтобы дважды пообедать вместе с Майклом в лагере, что вкупе с визитом родителей Джордана начало подталкивать тренера к мысли о том, что этот мальчишка из Уилмингтона – тот человек, который сможет удачно вписаться в структурированную и сформированную баскетбольную программу.

Но как бы Джордан ни был взволнован вниманием тренеров, он все же не до конца решил для себя, что хочет играть в Каролине. Будучи болельщиком «НК Стэйт», он много лет испытывал неприязнь к «Тар Хиллз», и, несмотря на то что в будущем он будет благоволить перед Дином Смитом, что-то в подходе тренера, стремившегося контролировать каждую мелочь, вынуждало Джордана и Херринга осторожничать.

«Он пытался меня спрятать», – вспоминал Джордан о Смите.

В этот критический момент процесса «трудоустройства» Майкла в команду Смита Херринг совершил тонкий ход, открывший Джордану несколько вариантов продолжения карьеры. Одним вечером в каролинском лагере Херринг в разговоре с Роем Уильямсом упомянул, что хотел бы показать Джордана и другим тренерам и обдумывает вариант отвезти его в питтсбургский «Файв-Стар» Говарда Гарфинкела или в лагерь «БК» Билла Кронауэра в Джорджии – два основных направления для первоклассных талантов в годы, когда борьба за самых талантливых школьников в баскетболе еще не превратилась в большой бизнес.

Уильямс понимал, что Смит не захочет, чтобы о Джордане узнал кто-то еще, но, даже будучи молодым ассистентом тренера, он понимал важность установления доверительных отношений с семьей игрока старшей школы. Уильямс согласился помочь Херрингу, по всей видимости, без одобрения Смита, хотя потом некоторые будут в этом сомневаться.

«Он спросил у меня, что я об этом думаю, – сказал Уильямс про Херринга. – Я ответил: «Думаю, ему стоит поехать. Полагаю, что для него это будет отличной проверкой. Если бы выбирать нужно было мне, я бы остановился на лагере «Файв-Стар». Я считал, что Майклу это будет полезно, потому что в том лагере здорово умели обучать игроков. Пребывание там – не просто возможность поиграть в матчах. Там учат фундаментальным основам игры в баскетбол».

Несколько дней спустя Уильямс упомянул о Джордане в разговоре с Томом Кончалски, помогавшим тренерам в управлении лагерем «Файв-Стар». Кончалски, эрудированный человек с отменной памятью, любивший пошутить над собой (говоря, что самое спортивное, что он когда-либо делал в жизни, это спешил с выводами), уже обзавелся репутацией одного из самых дотошных оценщиков молодых баскетболистов, еще учившихся в школе. Годы спустя этот знаток талантов будет вполне четко помнить свою поездку с Уильямсом, случившуюся в тот день: «Рой сказал: «Знаешь, есть один паренек из Северной Каролины, который может вырасти в большого игрока. Мы не уверены, правда. Он пришел к нам в лагерь этим летом, но у нас там немного мастеровитых игроков, ему не хватает серьезной конкуренции».

Двое мужчин принялись обсуждать тот факт, что на первой тренировочной сессии в лагере «Файв-Стар», известном как «Питтсбург-1», соберется самая внушительная компания молодых талантов за все время его работы. «Рой сказал: «Я не знаю, достаточно ли он хорош для «Питтсбурга-1», – вспоминал Кончалски. И Кончалски, и Гарфинкел ясно помнили, что тренеры Каролины еще не до конца были уверены в Джордане. Словно этот парнишка из Уилмингтона был слишком хорош, чтобы в это можно было поверить. Посему Уильямс и Кончалски решили, что Джордану лучше поработать с «Питтсбургом-2» или даже «Питтсбургом-3», то есть на вторых и третьих сборах лагеря.

«Я позвонил Ховарду Гарфинкелу, – вспоминал Уильямс, – и сказал ему, что к нему приедет Майкл и я уверен, что он ему понравится как игрок. Я сказал Гарфу: «Из него вполне

может получиться официант». Видите ли, если молодой игрок брался за работу официанта в лагере, он мог провести там две недели по цене одной. Потому я позвонил Гарфу и поговорил с ним по поводу этого варианта».

Гарфинкел рассказывал, что обстоятельства появления Джордана в лагере были несколько другими. Он вспоминал, что ему поступил крайне необычный звонок от Уильямса, который просил его в последний момент найти местечко в одном из лагерей, чтобы устроить туда потенциального рекрута Северной Каролины. «Он представился, – говорил Гарфинкел о том разговоре с Уильямсом, – мы какое-то время побеседовали, и тут он говорит: «У нас есть игрок, который, как мы считаем, очень и очень хорош. Он был у нас в лагере; получил приз самому ценному игроку, порвал всех в клочья, но уровень конкуренции у него был не так высок. Поэтому мы не уверены в нем на все сто процентов. Только где-то на 95 %. А хотим быть уверены на сто. Можете взять его в свой лагерь, чтобы он поиграл против лучших игроков страны?»

Никогда, за целые десятилетия работы с лагерями, Гарфинкелу не поступало столь необычных просьб. В конце концов, Уильямс сам лишь недавно закончил университет и был ассистентом в Каролине. Поначалу Гарфинкел засомневался, что сможет в последний момент пристроить Джордана в лагерь, но Уильямс стал настаивать, чтобы он это сделал. Это было нужно для реализации программы Дина Смита, а потому Гарфинкел уступил и занялся кое-какими перестановками в лагере, чтобы подготовить местечко для Джордана ко второй недели работы «Файв-Стар». Он даже сумел повернуть все таким образом, что Джордан смог пребывать в лагере за меньшую плату за счет того, что был устроен в штат официантов. Потом Гарфинкел услышал, что Смит был расстроен отъездом Джордана в лагерь, но сам владелец лагеря заявил, что никогда не верил этой басне: «Я к тому, что зачем Рою Уильямсу нужно было звонить мне и так настойчиво просить об этом, если Дин Смит был против всей этой затеи?» И хотя в этой истории не было ничего криминального, тренер Каролины, по всей видимости, не хотел, чтобы его ассоциировали с ней.

Если эта ситуация и говорила о чем-то, то скорее об извращенном мышлении университетских тренеров, выходявшем на первый план при поиске молодых талантов. Дин Смит за долгие годы работы приводил в свою программу десятки самых желанных молодых игроков, и каждый раз делал это с безукоризненной честностью. У него была репутация человека, никогда не сулившего игровое время молодым спортсменам с целью добиться их подписания в «Тар Хиллз». Вдобавок Смит умело избегал участия в закулисных рекрутинговых играх, чем грешили богатые университеты, добивавшиеся прихода молодых рекрутов в команды за счет умасливания их семей: те получали наличные, машины и могли рассчитывать на иные незаконные стимулы. Другие тренеры и другие программы могли заниматься подобным, но Смицу удавалось добиваться успехов в спорте при минимуме вопросов к нему и его методам.

Это, впрочем, не означало, что у Смита не было своих фишек, одной из которых была его одержимость положительным имиджем своей программы. В более позднюю эпоху действия Каролины по отношению к Джордану вполне могли заставить кого-то в руководстве NCAA вскинуть от удивления бровь, но эти действия точно не выходили за рамки правил. Более того, согласно воспоминаниям Уильямса, Смит был возмущен произошедшим. Уильямс вспоминал, что ему пришлось объясняться с тренером: «Я сказал: «Тренер, на мой взгляд, он и так поехал бы туда, я просто постарался дать ему подсказку о том, что будет ему полезно сейчас больше всего. И семья Майкла высоко это оценила».

В результате неизвестный игрок из Уилмингтона, все еще остававшийся загадкой для тренеров Каролины, отправился в лагерь «Файв-Стар» – «Питтсбург-2», чтобы попытать свои силы против игроков со всех уголков страны, игроков, пробившихся в свои студенческие команды на первом и втором курсах учебы, явно выделявшихся на общем фоне. Принято было считать, что все лучшие молодые игроки уже найдены и собраны здесь.

Джордан нервничал перед отъездом в лагерь Каролины, но это волнение было ничтожным по сравнению с тем напряжением, что он испытал по пути в «Файв-Стар», где ему предстояло помериться силами с элитой молодых талантов. Предполагалось, что участники сбора «Питтсбург-1» были лучшими в своей категории, но и среди тех, кто участвовал в сессиях «Питтсбурга-2», было 17 лучших американских игроков-старшеклассников. В этом списке был и уроженец Уичито Обри Шеррод, которого многие скауты считали лучшим в том наборе восходящих звезд-старшеклассников.

Джордан волновался по поводу соперничества с лучшими в своем деле, но Поп Херринг посоветовал ему расслабиться, сказав Майклу, что с ним все будет хорошо. Однако Джордану было трудно расслабиться, когда он впервые увидел оживленную суматоху в питтсбургском колледже имени Роберта Морриса, где «Файв-Стар» начинал свою работу в конце июля. Место кишело тренерами и скаутами: 150 человек с блокнотами и ручками помечали для себя сильные и слабые стороны каждого из игроков. С восьми до 11 часов первого дня работы «Файв-Стар» игроков произвольно делили по командам, чтобы они проводили неформальные матчи друг с другом, по итогам которых тренеры 12 команд лагеря выбирали понравившихся игроков. Высшая по ранжиру лига лагеря именовалась NBA. Будучи новичком, Джордан был далек от гарантированного места в команде NBA.

Все зависело от того, как он сыграет в тот вечер на площадке под открытым небом, в наименее приятной ему обстановке для игры.

«Я так сильно нервничал, что у меня ладони потели, – вспоминал он. – Я видел всех этих лучших американских игроков, и мне казалось, что в этой иерархии я в самом низу. Вот он я, деревенский парень из Уилмингтона».

Согласно правилам NCAA тех лет, тренерам из колледжей разрешалось участвовать в сборах лагерей Всех Звезд в качестве тренеров и консультантов. Брендан Мэлоун, умный и весьма жесткий ассистент тренера из Университета Сиракьюс, несколько лет работал с баскетболистами в лагере «Файв-Стар». Предыдущим летом в его команде играли Обри Шеррод и высоко котиrowавшийся центровой Грег Дрейлинг, и тогда им удалось выиграть чемпионат лагеря.

Привести команду к победе на лагерном турнире было честью и успехом для агрессивного Мэлоуна, ассистент тренера очень нуждался в таком достижении, чтобы развивать свою карьеру. Приехав в лагерь летом 1980-го, Мэлоун, вновь нацелившийся на титул, запланировал выбрать на драфте Дрейлинга и Шеррода. В частности, у Мэлоуна было право первого выбора игроков на драфте, и он знал, что Шеррод может стать для команды тем снайпером, в котором она нуждалась для победы на турнире. Однако за день до начала работы лагеря Мэлоуну пришлось ненадолго уехать домой по семейным обстоятельствам. А потому он попросил Тома Кончалски, своего хорошего друга, посмотреть пробы игроков в первый день и для него лучших. Мэлоун оставил Кончалски строгий наказ: выбрать в команду Дрейлинга и Шеррода.

Кончалски был готов следовать инструкциям Мэлоуна в тот вечер, но ровно до тех пор, пока не увидел в деле одного никому не известного игрока из Уилмингтона. «Что я точно помню, так это то, что он здорово умел делать остановку перед прыжком, – вспоминал Кончалски. – Он мог остановиться в любую секунду, мог по-настоящему взмывать вверх и великолепно поднимался в воздух, совершая броски в прыжке. Тогда трехочковых в игре еще не было, поэтому он не бросал издали. Но зато отлично бросал со средней дистанции и умел останавливаться в прыжке. Он так высоко выпрыгивал при бросках в прыжке, что соперники защищались против его пупка. Он обладал взрывным атлетизмом».

За десятилетия работы лагеря «Файв-Стар» у тренеров там выработалась фраза, которой они описывали лучших из лучших, игроков чрезвычайного таланта, масштабы которого

так велики, что он буквально бросается в глаза всем наблюдателям. «Таких ребят мы называли «игроками одного владения», – объяснял Гарфинкел. – Такому игроку достаточно было завладеть мячом один раз, чтобы все стало ясно».

Гарфинкел через окно своего кабинета наблюдал за первыми играми в лагере – тогда-то он и увидел Джордана в первый раз. «Он идет вперед для броска в прыжке, а его опекают трое соперников. Он взмывает вверх, и в воздухе вокруг него никого. Он в полном одиночестве. Он взмыл в воздух. И это завораживающее зрелище». Боже мой, тотчас подумал Гарфинкел, это «игрок одного владения»!

Джордан тоже незамедлительно почувствовал, что у него есть что-то, чего нет у других. «Чем больше я играл, тем увереннее в себе становился, – вспоминал он. – Я думал: «Может, я и правда могу играть с этими парнями».

Внезапно Кончалски нужно было принимать решение. Следует ли ему выбрать на драфте тех, на кого указал Мэлоун, или лучше взять игрока, равного которому он еще не видел в жизни? Мэлоун возвратился в лагерь следующим утром и сразу же отправился к Кончалски, который завтракал в лагерьном кафетерии. «Он сказал: «Покажи мне мою команду», – вспоминал Кончалски. – Я сказал: «Я заполучил лучшего». А он в ответ: «Ты взял Дрейлинга?» Я сказал: «Да». Он тогда: «А Обри Шеррода ты взял?» Я сказал: «Нет». И тогда он спросил: «Как это? Что ты имеешь в виду?» Обри Шеррод считался лучшим атакующим защитником среди старшеклассников в то время. Я ответил: «Я взял парня из Северной Каролины».

Гарфинкел смеялся, вспоминая их разговор. «Брендан говорит: «Возмутительно, кто такой этот Майк Джордан?» И начинает рвать и метать, только вот он сказал тогда совсем не «возмутительно». Он был просто в ярости, как берсерк. «Что ты со мной сделал? Кто такой Майк Джордан?» Том сказал ему: «Да расслабься, он отличный игрок». У Брендана прямо пар из ушей валил. Он ушел. Новости привели его в бешенство».

Мэлоун запомнил этот эпизод несколько иначе, но зато вспомнил, что ему потребовался всего лишь один беглый взгляд на Джордана, чтобы успокоить свои нервы. «Я помню, как в первый раз увидел Майкла, – говорил Мэлоун. – Мы в тот день смотрели дневную игру. Майкл играл на открытой площадке с асфальтовым покрытием, он двигался, и в его движениях чувствовался породистый атлет, это было видно по тому, как он шагал, как грациозно бежал и открывался. Он выделялся с первых секунд. Достаточно было посмотреть на него, на то, как он двигался и бежал. Его талант был очевиден даже для непрофессионала. С самого начала было ясно, что Майкл превосходит всех остальных игроков в лагере, как и тех, кто играл в баскетбол в школах в то время».

Легенда гласит, что через несколько дней после начала работы лагеря Джордан набрал в одном из матчей 40 очков в первой половине игры, то есть всего за 20 минут.

«Что больше всего меня поражало, так это то, что против него невозможно было защищаться, – вспоминал Кончалски. – Потому что он перепрыгивал соперников и здорово обращался с мячом... Я имею в виду, что он мог совершить бросок в любой момент, когда захочет».

Энтони Тичи из Голдсборо тоже был в том лагере и вспоминал, что возвыситься так высоко над остальными Джордану помогал его соревновательный дух. «Там собралось 72 игрока со всей страны, лучшие на тот момент, – объяснял Тичи. – Так что в ту неделю у каждого были свои удачные моменты... Он же просто вышел в космос тем летом».

Гарфинкел осознал, что ему надо поскорее связаться с Дэйвом Крейдером, другом, работавшим редактором *Yearbook* издательства Street & Smith, серьезного предсезонного издания, писавшего в то время о студенческом баскетболе. В журнале были перечислены 650 самых перспективных игроков старших классов. «Дэйв, – спросил Гарфинкел, – на каком месте в твоём списке Майк Джордан?»

Предположительно, Крейдер проверил тогда весь список и отапортовал, что никакого Майка Джордана в нем нет, только Джим Джордан. Тогда Гарфинкел посоветовал Крейдеру добавить в список еще одного Джордана, да куда-нибудь повыше. «Я позвонил в Street & Smith, чтобы его включили в первую или вторую предсезонную сборную лучших американских игроков», – сказал Гарфинкел.

Крейдер ответил, что уже слишком поздно вносить правки – журнал ушел в печать. Гарфинкел сказал Крейдеру, что тот непременно должен что-нибудь предпринять, потому что не включить в список столь большой талант, каким был этот Джордан, будет стыдно.

«В то время эти журналы печатали за несколько недель до выпуска, – вспоминал Гарфинкел. – Дэйв сказал мне: «Ты не найдешь имени Майка Джордана в списке 650 лучших игроков по версии предсезонного журнала Street & Smith». Крейдер позже рассказал, что его автор, освещавший Северную Каролину в сезоне 1980/81 г., не включил Джордана даже в двадцатку лучших юниоров штата.

Куда бы Джордан ни отправлялся в лагере, Рой Уильямс следовал за ним по пятам, испытывая смешанные чувства тревоги и восторга. «Каждый раз, когда мы шли на групповые тренировки, Рой Уильямс шел туда же и смотрел, – вспоминал Мэлоун. – Было очевидно, что Северная Каролина считала его выдающимся игроком даже несмотря на то, что он провел лишь один сезон в школьной команде в Уилмингтоне. Что мне хорошо запомнилось за неделю пребывания Майкла в лагере, так это то, что все были поражены его дриблингом, потому что тогда этот навык был развит у него лучше всего».

На пути к корзине он прибегал к приему «ножницы», добавляя еще один шаг в движение, чтобы ускориться, пробегая мимо защитников, вспоминал Мэлоун. «Он без устали атаковал корзину. Все собирались под корзиной, заполняя пространство и надеясь остановить его».

В ту первую неделю Джордан привел команду Мэлоуна к титулу NBA. «На последних секундах игры за чемпионство я попросил тайм-аут и сказал игрокам, что сейчас решается судьба матча. Я добавил: «Майкл, ты должен взять игру в свои руки». Он очень хорошо воспринимал тренерские указания. И в следующем же моменте, когда нам пришлось защищаться, он чуть ли не до земли доставал руками, настолько решительно был настроен помешать парню, которого опекал». Тогда-то Мэлоун осознал, что жажда борьбы и соревновательный дух в Джордане могут быть даже сильнее его исключительных атлетических талантов.

«Он был назван выдающимся игроком недели наряду с Майком Флауэрсом из Индианы и получил приз MVP матча Всех Звезд, а вместе с ним и несколько других наград», – вспоминал Гарфинкел.

На протяжении нескольких дней второй недели Джордан был травмирован, ему пришлось просидеть несколько матчей на скамейке запасных. «Он травмировал лодыжку и сыграл лишь в половине матчей, – вспоминал Кончалски. – На второй неделе он второй раз подряд завоевал награду MVP матча Всех Звезд. Он не получил приз самому выдающемуся игроку. Им стал Лестер Роу, парень из Баффало, позже выступавший за Западную Виргинию. Он был ростом примерно в 193 см, может, и чуть больше. И получил награду потому, что играл на протяжении всей недели».

«Я получил девять наград», – горделиво хвастал Джордан репортерам газеты *Wilmington Journal* по возвращении домой.

Джерри Уэйнрайт, который тогда был тренером в старшей школе, сам видел великолепные выступления Майкла. В конце второй недели, когда постояльцам лагеря уже пора было паковать чемоданы, Уэйнрайт услышал в спортзале стук бьющегося об пол мяча и, придя туда, обнаружил Джордана, тренировавшего броски по всей площадке. Уэйнрайт, который позже будет тренировать в Университете Северной Каролины в Уилмингтоне, спросил у

него, чем тот занимается. Уэйнрайт приводит ответ Майкла: «Тренер, мой рост всего шесть-четыре, а в колледже я, скорее всего, буду играть защитником. Мне нужно лучше бросать в прыжке».

Пребывание в лагере «Файв-Стар» быстро открыло новую главу в легенде Джордана. «Лагерь стал поворотной точкой моей жизни», – размышлял Джордан.

Этот опыт стал еще одним напоминанием о том, как быстро в мире спорта все меняется – эту истину Джордан впервые выучил в бейсбольной Лиге Бейба Рута. Ранний успех не гарантирует абсолютно ничего. «Перед началом «Питтсбурга-1», – говорил Том Кончалски, – Линвуд Робинсон был приоритетной целью Северной Каролины, искавшей защитника, они хотели заполучить его даже сильнее, чем Майкла Джордана. Они думали, что он станет для них новым Филом Фордом. Но в старшей школе он получил травму. Ему сделали операцию на колене, и он уже никогда не был тем игроком, каким был прежде. У него больше не было той силы, какая была когда-то». Дин Смит все же не отозвал предложения о стипендии для Робинсона, но игроку так никогда и не удалось добиться успеха на более высоком уровне. Впоследствии Робинсон перешел в Аппалачский государственный университет, в команде которого играл добротнo, но так и не смог оправдать сравнений с Филом Фордом.

Самым серьезным трофеем, добытым Джорданом в «Файв-Стар», стала обретенная репутация. Даже в родной семье на него теперь смотрели иначе. До лагеря Джеймс Джордан все еще грезил тем, что его сын сделает карьеру в бейсболе. После лагеря эти мысли стали стремительно отходить на задний план. Майкл признавался изданию *Wilmington Journal*: «Мой отец очень хотел, чтобы я играл в бейсбол, но теперь он хочет, чтобы я стремился сделать карьеру баскетболиста». Правда, теперь скорее баскетбол стремился заполучить его себе, чего никогда не делал бейсбол, и ему было все равно, как сильно отец Майкла держался за свою мечту.

Гарфинкел начал распространять слухи о том, что Джордан входит в десятку самых перспективных игроков страны среди школьников 1981 года выпуска, лидером которой считался молодой центровой из Массачусетса Патрик Юинг. Брик Оттингер поместил Джордана на вторую строчку в списке самых перспективных игроков, сразу вслед за Юингом. Но аналитик Боб Гиббонс пошел чуть дальше и назвал Джордана лучшим молодым игроком страны, поставив его даже выше Юинга. «Я просматривал его в нескольких матчах за 11-й класс школы и был в лагере «Файв-Стар», – вспоминал Гиббонс. – Вы представить себе не можете, как яростно меня критиковали за то, что я поставил Джордана выше Юинга, – все твердили, что я просто продвигаю земляка».

Невероятным образом подскочивший рейтинг Майкла привлек к нему интерес сотен разных школ, жаждавших заполучить его себе. И Северной Каролине вдруг пришлось конкурировать с уймой соперников, искавших благосклонность Избранного. За годы практики Дин Смит приучил себя осторожничать с молодыми рекрутами, но теперь казалось, что для него настал час расплаты за такое отношение к ним.

«На мой взгляд, когда ты видишь такой талант, как у Джордана, то сразу выделяешь его из толпы, – рассуждал Брендан Мэлоун. – Я удивлен, что они дважды думали насчет него, сомневались, что он достоин стипендии. Я ухватился бы за него обеими руками, как только увидел бы его в игре».

Позже Мэлоун позвонит в Уилмингтон, пытаясь завербовать Джордана в Сиракьюс. Несмотря на то что Джордан положительно оценивал и Мэлоуна, и опыт, полученный в «Файв-Стар», он вежливо отказался, сказав, что ему интересно попробовать себя в другом месте. Как и многие, Мэлоун заключил, что Джордан тем самым давал понять, что никуда не уедет из Северной Каролины. Но мысли Джордана были обращены не к Каролине. Отчасти его колебания были вызваны сомнением. Куда бы он ни шел в Уилмингтоне, ему попадались люди, говорившие ему, что он слишком много на себя берет, в особенности по части про-

граммы «Тар Хиллз». «Дома люди в самую последнюю очередь видели меня состоявшейся звездой. Мне говорили, что, если я пойду играть за «Хиллз», меня ждет бесконечное сидение на лавке, что я не буду играть. И я им в каком-то смысле верил».

Сложившиеся обстоятельства вынудили его погрузиться в размышления об имевшихся вариантах. Если Северная Каролина так настойчиво его преследовала, почему бы тогда не присмотреться к другим интересным школам? Ларри Браун только-только вывел «УКЛА Брюинз» в финал национального первенства. Джордану нравилось то, что он увидел той весной в исполнении этой команды. «Я всегда хотел перейти в «УКЛА», – объяснял он позже. – Это было моей школьной мечтой. Когда я рос, у них были великолепные игроки: Карим Абдул-Джаббар, Билл Уолтон, Джон Вуден. Но «УКЛА» меня так и не завербовала».

Известный в тренерских кругах скиталец Браун уже подыскивал себе следующее место работы и собирался покинуть «УКЛА» всего через два года после прихода в команду; эту школу он покинет в конце сезона 1981 г. Вдобавок Браун играл у Дина Смита и тренировал вместе с ним. Тогда Джордан этого не осознавал, но весьма вероятно, что Браун не стал бы вставать на пути Смита и красть у него столь желанного местного таланта.

Другим вариантом, о котором тогда публично не сообщалось, был Университет Виргинии, где произведший фурор первокурсник Ральф Сэмпсон только что привел «Вахуз» к победе на Национальном пригласительном турнире в Нью-Йорке. Джордан видел себя органично вписавшимся в состав этой команды, и поэтому связался с тренерами Виргинии. «Еще я хотел поехать в Виргинию, чтобы поиграть с Ральфом Сэмпсоном два оставшихся его года там... Я написал в Виргинию, но в ответ мне прислали лишь бланк заявки. Никто оттуда не приехал посмотреть на меня».

В интервью 2012 г. Терри Холланд, тогда тренировавший в Виргинии, подтвердил, что Джордан проявлял интерес к его команде, добавив, что Дэйв Одом, друг и коллега по тренерскому цеху, был в рядах «оценщиков» молодых талантов в лагере Гарфинкела. «Я знаю, что Дэйв Одом был впечатлен тем, что показал Майкл в лагере «Файв-Стар» в лето перед переходом в 12-й класс, – вспоминал Холланд. – До той поры Майкл был, по сути, поздно раскрывшимся игроком. Мы уже пообещали стипендию Тиму Маллену и Крису Маллену, которые выступали на этой же позиции, а чтобы заполучить их, нам пришлось ввязаться в серьезную схватку с Нотр-Дам, Дьюком и Сент-Джонс. Но казалось, что у нас хорошие шансы взять обоих, а потому мы решили сконцентрироваться, чтобы защитить инвестиции, которые уже сделали в них как в потенциальных новичков. Тогда нам удалось взять Тима, но не Крису – он ушел в команду из родного города, которой удалось выиграть у нас ожесточенную битву за него. Майкл сказал мне, что ему нравится наша команда и он надеется на то, что мы будем усердно за него бороться, но он никогда при этом не указывал, что предпочтет Университет Виргинии, а не Северной Каролины». Виргинский тренер не мог знать, насколько немудрым и недальновидным будет решение отказать заинтересованному игроку из Уилмингтона. Майкл явно поставил в своей голове пометку напротив «Кавальерс» – на будущие встречи на паркете.

Решение Виргинии не брать Джордана тенью ляжет на последующие сезоны, на протяжении которых Северная Каролина и Виргиния будут соперничать за победу в Конференции атлантического побережья. В 1981 г. Виргиния дважды обыграла Каролину, а потом обе команды сошлись вновь в полуфинале Финала четырех в Филадельфии, где «Тар Хиллз» удалось наконец взять верх.

По прошествии многих лет Джордан скажет Сэмпсону, что мечтал играть с ним в одной команде.

Центровой ростом в 224 см провел в колледже четыре года, пытаясь выиграть национальный титул с Виргинией. «Что есть, то есть», – стоически сказал Сэмпсон, когда у него

спросили об упущенной Виргинией возможности облачить Джордана в форму своих цветов. – Я ценил тех партнеров, что у меня были».

Много лет спустя Ховард Гарфинкел выпустит в свет книгу своих воспоминаний о том, как он заправлял лагерем «Файв-Стар», величайшим успехом которого было открытие Майкла Джордана. Гарфинкел редко навещал Джордана с тех пор, как тот наведася в его лагерь летом 1980 г., но в один из вечеров, когда Джордан должен был проводить очередной матч NBA, Гарфинкел отправился на арену с экземпляром книги, чтобы вручить ее звезде после игры. Гарфинкел прождал в толпе около раздевалки целых полчаса, и когда уже был готов все бросить и уйти, случилось это. «Вдруг какой-то маленький мальчик бежит по коридору и кричит: «Он идет! Вот он идет!» Естественно, по коридору шел Майкл Джордан. Тогда я шагнул вперед, выделившись из толпы. Я сделал маневр Джека Руби и оказался перед людьми из его окружения. Но перед ним были не только они, а еще два самых огромных копа, каких я только видел в жизни. Джордан шел посередине, а двое полисменов экспортировали его по коридору. Я сделал шаг им навстречу, но коп спугнул меня, сказав: «Не трогайте его, пожалуйста, никаких автографов, никаких автографов». Тогда я отошел в сторону, а Джордан уже проходил мимо. Заметив меня периферическим зрением, он вскрикнул: «Стойте! Это Ховард Гарфинкел! Благодаря ему я здесь». Разумеется, это неправда. Не я был причиной его успеха. Но так он сказал. Богом клянусь».

Глава 10

Майкл

Сколько похожих университетских кампусов было в округе! Одна и та же хорошо знакомая помесь из затхлых и старых кирпичных построек, рифленых колонн и трехполосных тротуаров, по которым взад-вперед передвигались стайки грациозных студенток, шедших на лекции. Но он считал, что если ты задержался в Чапел-Хилл, то нужно дорожить кое-какими вещами, отличавшими это место, – причудливо падающим солнечным светом на желтые листья дубов в четырехугольном дворе кампуса, видом студентов, лениво растянувшихся на ступеньках библиотеки с книгами на коленях, ритмичным стуком резиновых баскетбольных мячей, слишком сильно накачанного воздухом и ударяющихся об асфальтовое покрытие площадки под открытым небом. Такими маленькими деталями он наслаждался, крутя педали своего велосипеда, летевшего на большой скорости навстречу туманным грезам, которыми наполнилась его студенческая жизнь.

Да, другие школы обладали таким же очарованием, но казалось, что ни одно другое место не сочетает в себе все эти элементы так, как Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл. Во время своих осенних визитов 1980 г. он не осознавал этого, он тогда выбирал место, в котором проведет последние дни своей подлинной свободы, прежде чем успех окончательно завладеет его жизнью.

Университет Северной Каролины хорошо ему подойдет. По крайней мере так он заключил после того, как нанес туда визит, во время которого много и громко трепался, чем вызвал хихиканье тех, кто запомнил появление его худой фигуры, вприпрыжку расхаживающей по коридорам спального корпуса для спортсменов. Патрик Юинг, ямаец из Бостона в 7 футов ростом, самый желанный рекрут 12-го класса в тот год, впервые встретил Джордана в октябрьские выходные, в которые оба совершили свой официальный визит в кампус Каролинского университета. Годы спустя Юинг улыбался, вспоминая этот эпизод. «Он много болтал, – говорил он. – Рассказывал, как будет заколачивать данки в играх против меня. С того момента он постоянно грешил трэш-током. Ему всегда была присуща эта развязность».

«Я хорошо помню поездку Майкла-рекрутера в кампус, – вспоминал Джеймс Уорти, на тот момент второкурсник, выступавший за «Тар Хиллз». – Его было слышно раньше, чем вы его видели». Отчасти причиной такого поведения был юношеский страх, как признавался Джордан потом. Ведь если верить людям из Уилмингтона, в Чапел-Хилл ему делать было нечего. Он покорила «Файв-Стар», но когда он прогуливался по кампусу, страх все равно одолевал его.

Сомнения касательно перехода в «Тар Хиллз» стали покидать его, как только команда проявила интерес к нему. Все началось с заботливого и внимательного отношения тренеров, а установившаяся связь между Майклом и командой стала крепнуть с каждым его визитом в кампус. Там он мог вдохнуть воздух, которым дышала элита, и почувствовать мощь приливных волн славы Университета Северной Каролины (*англ.* University of North Carolina – UNC, УНК), волн успокаивающих светло-голубых цветов университета, волн, тут и там кружившихся в водоворотах, увлекавших Майкла за собой и создававших кампусу ауру жизнерадостности. Все это помогло ему прийти к выводу, к которому приходили столь многие элитные спортсмены за долгие годы: «Я мог бы привыкнуть к такому».

Патрика Юинга посетила та же мысль после их первой встречи с Джорданом во время визита в Чапел-Хилл. Много лет спустя центральной расскажет, что всерьез рассматривал возможность поиграть под началом Дина Смита, пока не вернулся в тот выходной в отель и не увидел проходившую неподалеку манифестацию членов Клана. Демонстрация мгновенно выветрила из его головы всякие мысли о том, чтобы перейти в УНК. Если бы не этот митинг

Клана, Юинг мог составить компанию Джордану в «Тар Хиллз» и создать суперкоманду, которая могла бы выиграть несколько национальных чемпионских титулов подряд.

Джордан, быть может, и не видел в тот выходной демонстрацию клановцев, но, даже если бы видел, она не отложилась бы у него в памяти. «Его семья любила Северную Каролину», – отмечал Боб Гиббонс. Спустя всего дюжину лет с того дня, как их сын пошел в первый класс уилмингтонской школы, еще не до конца отошедшей от практики сегрегации, они оказались в ситуации, когда в борьбе за него сошлись самые престижные университеты штата. Субсидия на посещение университета, предложенная Майклу Чапел-Хилл, была по душе Джеймсу и Делорис.

«Я сказал Делорис, что, если бы Майкл был моим сыном, я бы отправил его в Каролину, – вспоминал Уайти Преватт. – Этот Дин Смит всегда производил на меня хорошее впечатление как мужчина и как тренер».

Как будто Джорданы нуждались в подбадривании! Они уже видели своего сына облаченным в голубые тона Каролины, и от этих мыслей их переполняла гордость, раздувавшаяся, как надувные игрушки на параде «Мэйси». А когда Дин Смит и его окружение приехали той осенью с визитом в их дом, все выглядело так, вспоминал со смешком Том Кончалски, «будто сам Зевс сошел с горы Олимп к смертным». Смит своеобразно строил отношения с семьями и родителями игроков. Рассуждая об учебе и приоритетах в жизни своего игрока, он был искренен, как любой тренер. Джорданы сидели в гостинной, Майкл расположился на полу, скрестив ноги, и вертел баскетбольный мяч. Пока семья впитывала слова тренера, Майкл медленно крутил мяч. Смит говорил, что никаких обещаний никому дано не будет, Джордану придется заработать право быть в команде. «В тот момент весь разговор сводился к разглагольствованию Дина об образовании, – объяснял писатель Арт Чански. – Дин знал, что Джеймса и Делорис очень интересует эта тема».

С самых первых мгновений встречи семья Джорданов увидела отличительные черты тренерского стиля Дина Смита, его тщательное и активное участие в жизни своих игроков как личностей – что было весьма непривычно, – которое, однако, не мешало ему держать дистанцию и сохранять объективность, как того требовала от него работа тренера.

«Развитие взаимоотношений с тренером Смитом было, пожалуй, самой простой и легкой вещью, – рассказывал Джеймс Уорти, – потому что он был предельно честным человеком, очень беспокоившимся обо всем. Он действительно понимал, откуда ты пришел к нему. Он много времени тратил на то, чтобы узнать получше твоих родителей и понять, чего они хотят для своего сына. И так же он относился к игрокам... Честность – лучший помощник в нашем деле, вот почему столь многих игроков привлекала его команда, о чем свидетельствуют визиты в колледж, общение рекрутов с ним и тому подобное». «В нем есть нечто особенное, какая-то черта человека, понимающего тебя и твои нужды», – добавлял Уорти.

Несмотря на нехватку интереса со стороны Виргинии и «УКЛА», Джордан все же пользовался спросом – за него боролись несколько школ региона. Когда он посетил Университет Южной Каролины, то в компании с тренером Биллом Фостером встретился с семьей губернатора и какое-то время побросал мяч вместе с сыном главы штата. «Они не были обеспокоены, – говорил Арт Чански о тренерском штабе Каролины, – но когда Билл Фостер, работавший тогда в Южной Каролине, повез Майкла в особняк губернатора на ужин, они долго смеялись. Вот какая ерунда творилась в плане борьбы за него. Но не думаю, что в Каролине когда-либо сомневались, что он в конечном счете окажется у них».

В Университете Мэриленда тренером был Лефти Дриселл, который отчаянно жаждал увести Джордана из-под носа Дина Смита. Он пытался убедить Джорданов в том, что недавно построенный мост через Чесапикский залив сократил дорогу до Мэриленда настолько, что теперь путь туда можно было преодолеть почти за то же время, что и из Уилмингтона в Чапел-Хилл. Родители Джордана только закатили глаза. Джим Вальвано, новый

тренер «НК Стэйт», тоже попытался заполучить Джордана и даже пустил в ход козырную карту – имя Дэвида Томпсона. Вальвано убеждал Джордана подумать о том, чтобы повторить путь своего героя детства.

Задолго до того, как Джордан приехал с первым официальным визитом в Чапел-Хилл, он съездил туда самостоятельно, чтобы внимательно осмотреть место и оценить его со стороны. «Джорданы приезжали в Каролину много-много раз с неофициальными визитами», – вспоминал Арт Чански, добавляя, что, хотя ассистент Рой Уильямс не мог ездить по городам набирать новичков, он все же находил время для того, чтобы развлечь Джорданов в кампусе. Джеймс Джордан и Уильямс в результате сдружились настолько, что отец Майкла потом построил Уильямсу дровяную печь в его доме в Чапел-Хилл. Но окончательно прояснил все в голове Майкла именно официальный визит в университет. Херринг подталкивал его к принятию решения о дальнейшем будущем до начала сезона, чтобы можно было сконцентрироваться на цели – выигрыше чемпионата штата среди школ. К тому же ситуация с будущим Джордана могла потенциально стать отвлекающим фактором для его партнеров по команде, если не для всех учеников Лэйни. «Вальвано, Лефти Дриселл... Рой Уильямс проводили тут так много времени, что мы думали, будто они уже устроились работать в Лэйни, – вспоминал партнер Джордана по команде Тодд Паркер. – Потом явился Дин Смит в своем пепельно-голубом костюме, и все было кончено. Если приходит Дин Смит, это значит, что Каролина действительно жаждет тебя».

Джордан согласился с Херрингом. Он хотел быстрее принять решение. «Каролина была четвертой школой, которую я посетил, – вспоминал он, – и после этого визита в моей голове уже не было никаких вопросов. В течение недели я сделал выбор в ее пользу и отменил свои визиты в Клемсон и Дьюк».

1 ноября 1980 г. в своем доме он сделал официальное заявление всего перед двумя микрофонами, которые предоставили местные телевизионные каналы. Линвуд Робинсон выбрал тот же день для объявления о своих планах поступать в УНК, а посему много внимания было переключено на него. Спортивный журналист из Дарема Кейт Драм сказал в то время, что Джордан будет гораздо важнее для «Тар Хиллз», но редакторы информационных отделов разных средств массовой информации, должно быть, не получили его записки.

Джорданы сидели на диване в гостиной перед двумя микрофонами, стоявшими перед ними на кофейном столике, по соседству со стеклянной черепахой и растениями в горшках. Мать находилась справа от него, а отец – слева. Джордан сложил руки на коленях и подался вперед, чтобы подтвердить всем: да, он остановил свой выбор на Каролине.

Его мать, которой несколькими неделями ранее исполнилось 39 лет, откинулась на спинку дивана, ее руки с безупречным маникюром легли туда же, а ее стильная юбка темных тонов со складкой прикрывала колени. В последние годы она изрядно похудела и уже демонстрировала первые признаки человека, который будет вполне комфортно ощущать себя в свете софитов, которые уже привлекал к себе ее сын. Его заявление она приняла с улыбкой, выражавшей абсолютный восторг и говорившей обо всех тех усилиях, что она предприняла, чтобы привести к этому дню своего самого ленивого ребенка. В то же время 17-летний Майкл выглядел почти что сонным, он смотрел в сторону «солнечных» прожекторов телевизионщиков со спокойствием, которое станет его фирменным знаком и будет отличать тысячи его последующих интервью журналистам. Легкая, едва уловимая улыбка, свидетельствовавшая о сдерживаемом ликовании, озарила его лицо, когда он принялся выслушивать вопросы и формулировать свои ответы на них.

Его отец аналогичным образом откинулся на спинку дивана, словно для того, чтобы не лишать своего сына заслуженного внимания. Его невероятная гордость за сына в тот день приобрела оттенок торжественности. Его явно переполняли эмоции, которые он всеми силами пытался замаскировать.

Поп Херринг тоже был там, во время объявления он стоял в стороне, но испытывал такую же гордость за Майкла. Молодой тренер и Джордан позировали перед камерами, вдвоем наклонившись вперед, чтобы помериться руками. А чуть позже, когда Джордан взял бело-голубой мяч цветов Каролины, тренер изобразил, будто защищается против него, – эта игривость между ними родилась на утренних тренировках в спортзале школы Лэйни. «Он нам как отец, – говорил Джордан о Херринге в интервью газете *Wilmington Journal*. – Мы можем в любой момент пойти к нему и поговорить с ним о чем угодно, о вещах, которые обычно не рассказываешь даже родителям, потому что не ждешь от них понимания. Думаю, что он способен привести нас к чемпионству».

Майк Кшишевски, предприимчивый молодой тренер Дьюка, питал надежды, что заполучить Майкла в команду ему поможет уважение, которое Делорис Джордан испытывала к уровню образования в университете, и ее слепое обожание Джина Бэнкса – бывшей звезды Дьюка. Как только намерения Джордана стали ясны всем, Кшишевски написал Майклу письмо, в котором сокрушался по поводу несостоявшегося перехода игрока в «Блю Девилз» и желал ему всего наилучшего. Несколько лет спустя письмо всплывет в зале уилмингтонского музея Кейп-Фир, посвященного Джордану, где, по слухам, станет самым любимым экспонатом среди болельщиков «Тар Хиллз».

Эмпи-парк

Теперь, когда с выбором будущего было решено, Джордан мог сосредоточиться на поставленной цели – выиграть чемпионат штата. Для начала Лэйни нужно было обыграть физически мощную и крепкую команду из Нью-Хановер в округе I Юго-Восточной Северной Каролины классификации 4А. «Он играл в лиге, в Средневосточной конференции, которая буквально кишела талантами», – вспоминал многоопытный спортивный журналист из Уилмингтона Чак Карри.

Нью-Хановер долгое время была ведущей белой школой Уилмингтона, традиции спортивных успехов которой заложил тренер – член Зала славы Леон Бродген. Особенно сильно в этой школе был развит футбол: она подарила NFL квотербеков Сонни Юргенсена и Романа Габриэла. С началом интеграции Уиллистон, старшая школа города для чернокожих учеников, была переделана в среднюю школу, и это решение так обидело чернокожее сообщество, что предположительно помогло спровоцировать инцидент с «уилмингтонской десяткой».

К тому времени как в 1976-м была открыта школа Лэйни, расовое напряжение начало спадать, и Поп Херринг стал первым в городе чернокожим главным тренером. Никто публично не давал комментариев о новом статусе Херринга, но во все глаза настороженно следили за его прогрессом, особенно когда речь заходила о встречах между Лэйни и Нью-Хановер, которую возглавлял Джим Хеброн. Статус Майкла Джордана как звездного новичка Университета Северной Каролины лишь повышал интерес общественности к матчам двух команд и привлекал еще больше внимания к Херрингу.

Два тренера – обоим было едва за 30 – проповедовали резко контрастировавшие друг с другом стили работы.

В состав Нью-Хановер на сезон 1980/1981 г. был заявлен Клайд Симмонс, который впоследствии войдет в сборную лучших игроков NFL оборонительного плана от «Филадельфии Иглз», и здоровяк Кенни Гаттисон – будущая звезда Университета Олд Доминион, который потом сделает серьезную карьеру в NBA как игрок и тренер. Осенью 1980-го Гаттисон был 11-классником ростом 2 м и весом в 108 кг. Клайд Симмонс был быстрым, имел рост почти 198 см и обладал хорошо развитой мускулатурой. В команде из Нью-Хановер было еще два исключительных атлета, так никогда и не обретших известности, хотя они того заслуживали.

Гаттисон вспоминал: «Рондро Бони был ростом в 190 см, весил 97 кг и пробегал дистанцию в 40 ярдов¹⁹ за 4,25 секунды. Когда он играл раннинбека в футболе, ему нужно было только оббежать соперников, и тогда все, нипочем его не догонишь. У него была фигура, как у Гершеля Уолкера. Рональд Джонс был ресивером ростом в 193 см и тоже обладал отличной скоростью. Он был как Джерри Райс. Эти двое должны были играть в NBA или NFL».

В футбольном сезоне 1980 г. школа Нью-ХанOVER благодаря этим игрокам добыла десять побед, но когда они надевали баскетбольную униформу, то становились еще более устрашающими. Хеброн, на контрасте, был миниатюрным человеком, беспрестанно упражнявшимся со скакалкой. Сильнее, чем уилмингтонский пляж и занятия серфингом, он любил только свою работу тренером в Нью-ХанOVER. Его уроки физкультуры в школе отличались расслабленной атмосферой, но Хеброн всегда целиком и полностью контролировал команду, которую тренировал.

«Физически он был совершенно неприметным и чем-то напоминал Дастина Хоффмана, – вспоминал Гаттисон. – У него был крайне скромный характер. Он никогда не кричал, никогда не орал во все горло. Но ты знал, что этот дядя тебя прикроет, а потому, о чем бы он ни просил, мы просто шли и делали это». Если Хеброна местное общество находило просто интересным персонажем, то Херринг, афроамериканец, привлекал куда более пристальное внимание. «Как и все прочее, это была проверка на вшивость», – вспоминал Гаттисон. В те первые десятилетия интеграции в спешке рождались новые расовые стереотипы. К примеру, чернокожим спортсменам почти никогда не доверяли позицию квотербека – такой подход начал меняться лишь в сезоне 1986/1987 г., после того как Даг Уильямс привел «Вашингтон Редскинз» к победе в Супербоуле. Должности главных тренеров зачастую были зарезервированы для белых. Но Херринг заслужил свое назначение работой и, будучи главным тренером, имел очень большие перспективы. Стилль его поведения на площадке был оживленным, если говорить совсем мягко. «Если Джим Хеброн был Дастином Хоффманом, то Поп Херринг – скорее Фрэдом Сэнфордом, – вспоминал, смеясь, Гаттисон. – Поп был немного более пылким, нежели Джим Хеброн, это я вам точно говорю. Эти двое были полностью противоположными друг другу личностями и тренерами. Они надевали свои полиэстеровые костюмы и шли на матчи, как на работу. Хорошие были времена, правда».

Несмотря на свои внушительные размеры и физическую мощь, Гаттисон и Клайд Симмонс той осенью готовились начать лишь свой первый сезон в школьной команде. «В округе Нью-ХанOVER ученикам не позволялось играть в школьных спортивных командах в десятом классе, – объяснял Гаттисон. – И не важно было, кто ты и откуда. Когда твой сезон в резервной команде юниоров заканчивался, то тебе, если ты, конечно, был достаточно хорош, разрешали сесть в конце скамейки запасных основной команды и смотреть игру».

Таким образом, этот солидный состав Нью-ХанOVER должен был получить свой первый опыт игры против Джордана, защищавшего сине-золотые цвета школы Лэйни. Но они уже знали его по многочисленным баскетбольным баталиям, проходившим на городских площадках Уилмингтона, в особенности в Эмпи-парке.

«Сообщество было настолько тесно сплетенным, что все знали всех, – объяснял Гаттисон. – Мы всегда играли. Играли в Бойз-клуб. Играли в Эмпи-парке. Классические матчи мы проводили на асфальтовых покрытиях площадок Эмпи-парка. Там никого не было. Он приводил своих ребят. Я – своих».

«Ребятами» Джордана были члены его давно сложившейся команды, состоящей из брата Ларри, Адольфа Шивера, Лероя Смита и Майка Брэга. Гаттисон обычно являлся в компании своих партнеров из Нью-ХанOVER – Бони, Джонса и Симмонса, которые выросли вместе, выступая в разных городских спортивных лигах.

¹⁹ 1 ярд = 0,91 м.

«У нас было интересное сочетание, – говорил о своих партнерах Гаттисон. – Когда дело доходило до чистого атлетизма, Майкл имел преимущество лишь в одном месте. В четырех остальных преимущество было у нас. Ох и битвы у нас были. Мы играли целыми днями напролет, всю субботу. Каждый матч игрался до 11 очков. Каким-то образом часто выходило так, что мы, ведя в концовке 8: 3, проигрывали 8: 11, потому что Майкл блокировал каждый наш бросок и набирал очко каждым своим. Не важно, играли ли мы в Эмпи-парке или в Бродген-холле на глазах у 5000 зрителей, мы всегда хотели победить».

Хеброн осуждающе хмурил брови, когда слышал трэш-ток во время школьных матчей. Но даже если бы тренер не занял столь критичной позиции по отношению к этому явлению, одного внешнего вида игроков состава Нью-ХанOVER было достаточно, чтобы заставить соперников притихнуть. Но во время игр в Эмпи-парке тенор одного из игроков порой становился сильным раздражителем. «Адольф болтал больше, чем Майк, – вспоминал Гаттисон. – Соломинка или зубочистка – что-то всегда было у него во рту. Адольф был парнем, который умел трепаться, но не умел играть. Когда мы играли в мяч в школе, он постоянно молил языком и что-то таявал, крутясь у корзины, но когда начиналась серьезная игра, он просто бросал мяч Майклу и убирался с его пути».

После пребывания в лагере «Файв-Стар» в 1980-м Джордан возвратился на площадки Эмпи-парка с новоприобретенным чувством уверенности в себе. «Я никогда не слышал о «Файв-Стар», – вспоминал Гаттисон. – Майк едет в «Файв-Стар» и увозит оттуда все награды. Как обычно, мы с ним встречаемся в спортзале после его возвращения, и Майк говорит нам: «Мужики, в «Файв-Стар» надо побывать». И добавляет: «Мы и понятия не имеем, насколько мы тут, в Уилмингтоне, хороши». Он говорил так потому, что мы привыкли играть друг с другом. Это правда. Мы действительно не понимали, талантом какого уровня обладали наши школьные команды. Мы могли просто объединить две наши команды в одну, и огромное количество колледжей с трудом смогли бы соответствовать нашему уровню».

В то время Гаттисоном как перспективным футбольным тайт-эндом интересовались десятки крупных колледжей. Он вполне мог рассчитывать получить стипендию, если бы он и его партнеры по команде школы Нью-ХанOVER не послушали совета Джордана и не отправились в лагерь «Файв-Стар» следующим летом. Там Гаттисон привлек к себе внимание тренеров, в результате чего получил спортивную стипендию от Университета Олд Доминион и сделал продолжительную карьеру в NBA.

«В каком-то смысле я обязан своей карьерой Майку. Он был прав, – говорил Гаттисон. – Мы не знали, насколько мы хороши».

Что оба знали наверняка, так это то, что зимой 1980/1981 г. им предстояла серьезная очная дуэль. Более того, с самого закрытия лагеря «Файв-Стар» Джордан с нетерпением ожидал начала баскетбольного сезона. Он приходил на матчи футбольной команды Лэйни и смотрел, как его друзья по пятницам играют в свете вечерних огней, но при этом отчаянно ждал начала баскетбольных тренировок, чтобы можно было показать всем, чему он научился за время пребывания в летнем лагере.

Несмотря на это, Руби Саттон, преподававшая физкультуру в Лэйни, отмечала, что Джордан, вернувшийся в школу той осенью, не выглядел человеком, на которого сильно повлияло внезапно свалившееся на него признание. Он оставался все тем же беззаботным парнем, всегда готовым улыбнуться, вспоминала она. Сезон приближался, и Джордан признавался в интервью *Wilmington Journal*, что с нетерпением ждет трепета от реакции, которая у публики будет на его слэмы, особенно на его театральные вылазки к корзине после очередной кражи мяча – когда кольцо никто не защищает. «Мысли об этом вдохновляют меня играть», – говорил он. Его энергия подпитывалась их энергией, осознал он довольно рано.

«Я наслаждался до той поры, пока не начал делать то, чего другие делать не могли, – вспоминал он несколько лет спустя в разговоре с Джоном Эдгаром Вайдманом. – И это заин-

триговало меня еще сильнее... возбуждение, которое я получаю от болельщиков, от людей, и это умение делать то, на что не способны другие, но что они при этом хотят сделать, а могут только через тебя... Это заводит меня. Я в состоянии делать то, чего не может сделать никто другой».

Его согласие на переход в Каролину привело к тому, что той зимой на игры Лэйни стали стекаться болельщики со всего штата. Чак Карри вспоминал: «Когда распространился слух о том, как хорош Джордан, Лэйни пришлось начать разворачивать прибывавших фанатов, потому что гимнастический зал был так мал, что такое количество народу в нем нарушило бы все правила пожарной безопасности». Многие хотели иметь возможность сказать, что видели игру Майка Джордана в старшей школе. У входа в спортзал школы Лэйни 26 ноября 1980 г., в день открытия сезона, собралась длинная очередь. Те, кому удалось попасть внутрь, увидели своими глазами, как Джордан набирает 33 очка и делает 14 подборов в победном матче против команды округа Пендер. Эта победа стала первой из шести побед подряд на старте сезона, в результате чего «Бакканирс» взлетела на первую позицию в классификации штата. В первых числах декабря, в середине этой победной серии, «освятить» своим присутствием «Бакканирс» решил Дин Смит. В тот вечер толпа любознательных зрителей была так велика, что, по свидетельствам присутствовавших, был побит рекорд по посещаемости спортзала Лэйни. Такая картина убедила некоторых скептиков в том, что Джордан подходит Северной Каролине. Еще больше сомневающихся «перешли в новую веру», когда он присовокупил девять ассистов к 26 набранным очкам и 12 подборам, сделанным по ходу выигранного на той же неделе матча против Кинстона. Вдобавок он сделал три блок-шота. «Джордан попросту загипнотизировал нас», – сказал тренер Кинстона Пол Джонс, отмечавший, что его игроки были так сконцентрированы на Джордане, что напрочь забывали опекать его партнеров, остававшихся в одиночестве.

Подлинным ярким моментом сезона стала победа Лэйни на рождественском турнире в Броден-холле (арена Нью-ХанOVER) в конце декабря. Этот матч был реваншем против старых врагов с игровой площадки, только теперь облаченных в черно-оранжевую униформу Нью-ХанOVER. Джордан быстро оказался на грани удаления из-за большого количества фолов и был вынужден смотреть со скамейки запасных за тем, как его товарищи уступают сопернику в счете. Меньше чем за 5 минут до конца Херринг возвратил его в игру и увидел, как Джордан в ураганном темпе набирает 15 очков. «Все, что я помню, это броски Майка – он забивал без промаха, – говорил Гаттисон. – Ну, то есть мы его хватали, удерживали, тянули за майку, сбивали с ног. А он все равно попадал каждым броском». Игра дошла до последнего владения, во время которого Джордан вел мяч, стараясь найти возможность атаковать корзину. А потом он взлетел. «Помню тот его бросок на рождественском турнире, который он сделал с сиреной, – говорил Гаттисон. – Я схватил его за шорты, чтобы потянуть вниз, потом за майку, а он все равно поднялся в воздух и сделал бросок».

Перед последним сезоном Херринг отбросил прочь всяческую претенциозность и признал, что главной его стратегией должна стать игра на Джордана: нужно поощрять его за атаки на кольцо. Этот подход работал по большей части, потому что во многих матчах Джордан был так хорош, что выигрывал матчи в одиночку. Но к середине января «Бакканирс» подошла с двумя поражениями за плечами, увязнув на третьем месте в классификации Округа II. Едва ли при таких обстоятельствах игроки чувствовали уверенность в скором выигрыше титула штата.

«Лэйни часто выглядит не столько как команда, сколько как сборище игроков, ждущих чуда от Джордана», – отмечал спортивный обозреватель *Wilmington Morning Star* Грэг Стода.

Эта тема будет снова и снова подниматься по ходу карьеры Джордана. Его атлетические перформансы были настолько выдающимися, что партнеры и соперники в равной степени поражались им и часто просто застывали на месте, чтобы посмотреть, как он работает.

«Впрочем, мы прибавляем в этом плане», – сказал Херринг Стоде, добавив, что команда порой играет лучше, когда Джордан оказывается на скамейке. «Но, разумеется, я хочу отдавать ему мяч всякий раз, когда есть такая возможность. Он – супер».

Джордан и сам предпринял усилия для того, чтобы направить игру в несколько иное русло, – на это его вдохновил его кумир. На персональных номерных знаках его автомобиля было выведено «magic» (сзади) и «magic mike» (спереди), что свидетельствовало о его горячем желании освоить способность Мэджика Джонсона делать пас не глядя. «Все началось однажды на тренировочной сессии, – сказал он Чаку Карри, – когда я начал исполнять всякие безумные штуки, как Джонсон. Я сделал несколько передач, глядя в другую сторону, и один из моих партнеров по команде начал называть меня Мэджик Майк. Он купил мне номерной знак на задний бампер автомобиля, а девушка подарила мне знак на передний и футболку с надписью «Magic Mike».

Он привычно расставался с мячом, делясь им с партнерами: об этом альтруизме Джордана свидетельствуют в среднем шесть ассистов за игру в том выпускном сезоне, и все же слишком часто складывалось впечатление, что для игроков Лэйни мяч был, как горячая картошка, настолько быстро они возвращали его обратно Майклу. «Если они открыты, я отдам им мяч, – объяснял Джордан Грэгу Стоде. – Тренер говорит им бросать, я говорю им бросать. Но я знаю, что они сильно зависят от меня».

Тренер Нью-Хановер Хеброн понимал такую реакцию других игроков. «Дети от него в восторге, – признавал тренер. – Они напуганы. Несколько тренеров сказали мне, что он лучший игрок среди школьников восточного побережья. Я видел, как он зашел в зал, чтобы поиграть со случайными ребятами, и все тут же встали, бросив играть. Может звучать странно, и, наверное, многие люди этого не поймут, но некоторым детям радостно просто находиться с ним на одном паркете. Он пойдет в Каролину, а потом, быть может, станет профессионалом. Дети смогут сказать, что играли против него или в одной команде с ним».

«Он эволюционировал у нас на глазах, – объяснял Гаттисон. – Задача была не в том, чтобы изучить его, потому что в каждой игре он показывал что-то новое или необычное. В каждой игре он находил новый способ обыграть тебя. В плане атлетизма он творил такие вещи, которых никто прежде не видел. Он прыгал, и все остальные прыгали с ним, но мы в отличие от него возвращались на землю. Потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что он сделан из другого теста в отличие от всех нас».

Джордан подкрепил эти наблюдения в том сезоне, набив себе статистику в 27,8 очка и 12 подборов за игру в среднем, чем помог Лэйни закончить сезон с балансом побед и поражений 19 к 4. Среди одержанных побед было и три победы над Нью-Хановер по ходу регулярного сезона. После каждого поражения Гаттисон и его партнеры клялись, что больше не проиграют Майку Джордану. У них был последний шанс избежать проигрыша в четвертой встрече того сезона в рамках полуфинала округа – в этой игре определялась команда, которая отправится на турнир штата. Проходившая в спортзале Лэйни решающая игра, казалось, легко дастся Джордану и его партнерам, за минуту до конца имевшим преимущество в шесть очков.

«Мы уступали ни много ни мало 10 или даже 11 очков за минуту 40 секунд до сирены, – вспоминал Гаттисон. – Правило 24 секунд не действовало. Все, что им нужно было сделать для победы, это убить время владением. Но нам каким-то чудом удалось отыгратся и выиграть ту игру. До сих пор не помню, что происходило в заключительные 2 минуты. Они вполне могли не отдавать нам мяч до сирены. Каким-то образом удавалось вынуждать их терять мяч снова и снова. Чтобы проводить контратаки, нам приходилось ловить Майка разными способами».

Впоследствии Гаттисон изумлялся, как его команде удалось применить весь этот прессинг и ловушки без лишних фолов. «И это на их домашней арене?» – вопрошал он. За 7

секунд до конца счет был равным (52: 52), и в этот момент Джордан совершил проход и сделал бросок в прыжке. Рефери свистнул фол в атаке со стороны Майкла, и это нарушение стало для него пятым фолом, из-за чего ему пришлось уйти с паркета и сесть на скамейку. Болельщики домашней команды были поражены. Гаттисон и сам удивлялся, как это такой фол свистнули на последних секундах игры, да еще и дома у Джордана.

Нью-ХанOVER исполнил штрафные броски, выйдя вперед в счете. Неожиданный поворот событий поверг толпу болельщиков в угрюмое настроение, что было не редкостью для любителей школьного баскетбола Прибрежной равнины. В том же сезоне Нью-ХанOVER удалось победить в Голдсборо. Гаттисон рассказывал: «Помню, как мы проводили игру в Голдсборо, где учился Энтони Тичи. Если победить этих ребят на их площадке, то потом придется закрываться в раздевалке и сидеть там, пока не приедет полиция, чтобы физически извлечь нас оттуда».

В Лэйни обстановка была куда более знакомой и гораздо менее враждебной. «Мы знали друг друга, – объяснял Гаттисон. – Когда мы выиграли ту игру, мы пошли в раздевалку, и тренер сказал: «Забудьте про душ. Собирайте манатки, и валим отсюда». Гаттисон добавил: «Претензии они высказывали в основном арбитрам, но в тот вечер мы обошлись без душа».

Что же до Джордана, то столь неожиданный конец его школьной карьеры стал для него серьезным разочарованием. Он отчаянно желал выиграть чемпионат штата. «Он был по-настоящему пришиблен этим поражением», – говорил Гаттисон. Херринг, разочарованный не меньше Майкла, тоже едва мог подобрать слова в тот вечер, он сказал только: «Мы достали до луны и упали на звезды». В интервью, данном почти 30 лет спустя после тех событий, Гаттисон все еще вспоминал ту последнюю игру с большим сожалением. И хотя за время профессиональной карьеры того и другого они множество раз встречались на площадке, объяснял Гаттисон в 2012-м, он никогда не упоминал ту финальную игру в Уилмингтоне в разговорах с Джорданом, и не важно, насколько расслабленной и неформальной была обстановка, в которой они беседовали. Даже после того как Джордан выиграл столько профессиональных титулов, когда уже казалось, что боль от того провала давно утихла, Гаттисон все же не рисковал поднимать эту тему, считая ее слишком деликатной. Аналогично и Джордан никогда не вспоминал о ней.

Игроки обеих команд больше никогда не будут собираться в Эмпи-парке для совместных матчей.

Создалось впечатление, что этот момент отравил ядом всю невинность их юношеского соперничества. Все они знали, как много это событие значит для Джордана. «Нужно понимать, что движет этим парнем, что делает его великим, – говорил Гаттисон. – Он принял боль того поражения... для большинства людей боль поражения или утраты лишь временная. Он принял то поражение и ухватился за него. Отчасти именно оно сделало его тем, кем он стал. Так же, как сделало меня. Он трижды обыгрывал меня, дважды это случилось на моем родном паркетe. Потом мы выиграли четвертую игру, и мне до сих пор неприятно об этом вспоминать».

Спустя несколько дней после поражения от Нью-ХанOVER, Херринг уверенно напроорочил, что Северная Каролина выиграет национальное первенство с Джорданом в составе. Но пройдет несколько месяцев, и тренер начнет свой спуск в мрачные подземелья психического расстройства.

«Попу Херрингу многие годы пытались помочь разные люди, – говорил Гаттисон о странных переменах, произошедших с тренером. – Каждый пытался сделать все, что мог. Ему годами не ставили правильный диагноз, а потому он годами обходился без правильного лечения. И он так быстро слетел вниз, как по спирали. Это очень сильно истощало ментально. Парень, стоявший у боковой линии, полный огня и энергии, вдруг стал призраком.

Встретив несколько лет спустя Попа на улице, ты не знал, с каким Попом будешь говорить. Грустно было, очень. Психические заболевания – это ужасно».

Но даже при этом Гаттисон отмечал, что наследием Херринга-тренера стала карьера Джордана в баскетболе, но не потому, что он не взял Джордана в первую школьную команду, а потому, что принял много мудрых, взвешенных решений, непосредственно повлиявших на Джордана. «Тогда в школьном баскетболе все было почти что на автомате. Если ты был ростом в шесть-четыре, тебя считали здоровяком, – говорил Гаттисон. – Тебя ставили центровым или тяжелым форвардом и размещали около корзины. Но Херрингу хватило необходимых знаний, чтобы понять, в чем состоят таланты Майкла, и он поставил его на позицию защитника».

Очень многим высоким игрокам в старшей школе никогда не дозволяется занимать позицию защитников и развиваться на ней, и зачастую они превращаются в твинеров (tweener)²⁰, если говорить баскетбольным жаргоном. «Многие твинеры в 17-летнем возрасте имеют рост в шесть-пять или шесть-шесть (195–198 см), но выше они не растут, – добавил он. – Потом, в колледже, они пытаются играть тяжелых форвардов. Они могут даже сделать неплохую студенческую карьеру и показывать в среднем 20 очков и восемь подборов за игру. Но когда они приезжают в лагеря NBA, от них ждут игры на позиции атакующих защитников. А так как они никогда не играли на этой позиции, то не могут перестроиться под новые требования. И им крышка». Херринг, однако, позволил Джордану готовить себя к успеху следующего уровня.

«Поп видел будущее Майкла в баскетболе, – объяснял Гаттисон, – и он открыл ему дорогу туда».

Бигмак

Утешением для Джордана в тот год стала новость о том, что журнал *Parade* включил его в список лучших игроков Америки среди старшеклассников, но его самолюбие было уязвлено, когда по окончании сезона Базз Питерсон не включил его в опросе *Associated Press* в список лучших игроков среди школьников Северной Каролины.

«Мы просто слишком часто играли с Нью-Хановер, – сказал Майкл *Star-News* спустя три недели после окончания сезона, когда его попросили подвести итог своим разочарованиям. – Когда ты так много раз играешь против хорошей команды, это начинает сказываться. Победить хорошую команду четыре раза подряд само по себе трудно. Просто тогда настал их черед побеждать».

Следующим пунктом его повестки дня был бейсбольный сезон, но участие в нем осложнялось приглашением от «Макдоналдс», спонсировавшего престижную Всеамериканскую игру, в которой он должен был принять участие. Новое правило лишало игроков-старшеклассников Северной Каролины права заявляться в команду в том случае, если они подтверждали свое участие в подобных играх, что незамедлительно поставило Джордана перед выбором: бейсбол или «Макдоналдс». Он сфотографировался с бейсбольной командой для общекомандного снимка и даже принял участие в дебютной игре сезона, но его перформанс выдался жалким, полным ошибок и промахов, и это решило дальнейшую судьбу. К великой досаде и разочарованию своего отца, Джордан бросил бейсбол.

«Я знал, что моя голова не работает по-бейсбольному», – сказал он журналистам уилмингтонских газет. Первый из организованных «Макдоналдс» турниров для старшеклассни-

²⁰ По сути, это игрок, застрявший между позициями три и четыре и проседающий на обеих половинах площадки. Зачастую он просто недостаточно хорош, крепок и обучен игре в защите для того, чтобы выходить на паркет в роли тяжелого форварда, или чересчур медлителен, чтобы играть легкого.

ков, состоявшийся в 1981 г. в Ландовере, Мэриленд²¹, столкнул между собой местных звезд и игроков со всех уголков страны. Эд Пинкни, выпускник школы из Нью-Йорка, был в числе всеамериканских звезд, приехавших в Вашингтон принять участие в мероприятии. Он не пребывал в лагере «Файв-Стар» предыдущим летом вместе с Джорданом, но другие игроки из Нью-Йорка там были и по возвращении домой рассказывали ему историю об одном очень талантливом игроке из Северной Каролины. В марте того года Пинкни не мог вспомнить его имени, но ему потребовалась всего одна тренировка на турнире «Макдоналдс», чтобы понять, о ком именно говорили его друзья.

«Он не слишком много разговаривал, – вспоминал Пинкни ту первую тренировку, на которой увидел Джордана. – Он просто играл. И играл так, что невольно вырывалось: «Мать божья!» Если ты родом из Нью-Йорка, то в твоём сознании лучший баскетбол – только в Нью-Йорке. Но двух тренировок хватило для того, чтобы я полностью изменил свое мнение о том, где лучшие игроки страны».

В адрес Пинкни Джордан, быть может, и не отпускал никаких колкостей, но зато отрывался на Патрике Юинге. «Он все твердил, что будет делать данки через меня, – годы спустя вспоминал со смехом центровый. – Он делал данки через меня. И просто молот всякую чепуху. Мы бегали туда-обратно по площадке».

Удивительно, но Джордан не попал в стартовый состав на первую игру «Макдоналдс». А Пинкни даже не смог вспомнить, кто тогда тренировал (тренером был Майк Джарвис, тогдашний тренер Юинга в школе Кембридж Риндж & Латин). Но ко второй половине игры стало ясно, что тренер всерьез намерен победить.

«Вот что случилось: в первой половине игры каждый получил возможность сыграть», – вспоминал он. Но во второй половине, особенно ближе к концу матча, вся игра уже шла вокруг тощего парня из Каролины. «Он получал мяч и забивал буквально в каждой нашей атаке, – говорил Пинкни, смеясь. – Так что вопрос был не в том, когда мы победим и победим ли вообще, а лишь в том, где он получит мяч и сколько очков еще наберет».

К сведению, в той первой игре Джордан набрал 14 очков, а Базз Питерсон 10 – достаточно качественный перформанс, позволивший паре каролинских рекрутов выйти в старте на общенациональную игру под эгидой «Макдоналдса», состоявшуюся в Уичито две недели спустя.

Поездка на эту игру стала первым большим баскетбольным путешествием для Джеймса и Делорис Джордан. В числе мероприятий было и выступление Джона Вудена, легендарного тренера «УКЛА». Билли Пэкер, бывший защитник «Уэйк Фореста», игравший в сборной лучших игроков АСС, а потом ставший диктором CBS, тоже поехал на турнир. Во время первой игры на турнире «Макдоналдс» Пэкер был занят освещением событий Финала четырех, проходившего в Филадельфии. Теперь, когда это крупное событие было позади, он приехал в Уичито, главным образом для того, чтобы посмотреть на Джордана.

Пэкер тоже жил в Северной Каролине и работал диктором на матчах АСС, а потому ему был любопытен любой новичок, приходящий играть в Конференции. Его удивил высокий уровень молодых талантов, игравших в матче. В ростере команды Востока были Милт Вагнер, Билл Веннингтон, Эйдриан Бранч, Крис Маллин и Джефф Эдкинс. Обри Шеррод, признанный MVP первой игры турнира «Макдоналдс» в Вашингтоне, был героем для родного города Уичито и лакомым кусочком на драфте.

«Но все внимание забрал себе Майкл», – сказал Пэкер. Джордан набрал 30 очков, поставив рекорд для игр турниров «Макдоналдс». Лучшим моментом с его участием стал эпизод, в котором он принес своей команде победу за 11 секунд до конца матча при счете 95: 94 в пользу соперников: он подошел к линии штрафных бросков и спокойно реализовал

²¹ Первая Всеамериканская игра состоялась в Филадельфии в 1978 г.

обе попытки. Он закончил матч с выдающейся статистикой: 13 из 19 его бросков с игры были точными, он реализовал все четыре своих штрафных броска, а кроме того добавил еще шесть отборов и четыре ассиста.

Однако по окончании матча трое судей, которых попросили назвать самого ценного игрока матча – Джон Вуден, легенда филаделфийского баскетбола Сонни Хилл и Морган Вуттен, выдающийся школьный тренер из Мэриленда, – признали MVP Бранча и Шеррода, и это несмотря на рекорд по очкам, поставленный Джорданом. Согласно некоторым свидетельствам, Вуттен не принимал участия в голосовании, так как был школьным тренером Бранча. Бранч отправился в Университет Мэриленда.

«Мы транслировали игру, – вспоминал Билли Пэкер, – и разумеется, когда было объявлено о том, что самым ценным игроком будет не Майкл, все были ошарашены. MVP матча признали Шеррода и Эйдриана Бранча, которые играли в школе под началом Моргана Вуттена. Я знаю Моргана, он честный человек, как и тренер Вуден. По всей видимости, в той игре они увидели нечто такое, чего не заметил я. Но я не верю, что кто-либо из них мог опуститься до того, чтобы сказать: «Я выберу своего игрока, несмотря ни на что». Эйдриан тоже играл неплохо, но не так здорово, как Майкл».

Никто не был так сильно разъярен этим фактом, как Делорис Джордан. Она забыла о своей обычной сдержанности и донесла до ушей всех, кто мог ее расслышать, слова о том, что ее сына ограбили. После объявления результатов Билл Гатридж взглянул на зрителей и увидел разгневанную миссис Джордан, направлявшуюся к площадке в сопровождении матери Базза Питерсона. Ассистент тренера из Каролины сдержал их и разрядил обстановку. «Его мать была в бешенстве», – вспоминал Том Кончалски. «Она была очень расстроена, – вспоминал Ховард Гарфинкел. – Я объяснил ей, что действительно имеет значение только один список, и это список драфта NBA».

Позже в тот вечер Пэкер наткнулся на Джорданов на выходе с арены. «Его мама по-прежнему была расстроена, – говорил диктор. – Я шутил с ней и говорил: «Не расстраивайтесь из-за этой игры, Майкл будет выдающимся игроком, он будет играть у великолепного тренера в Северной Каролине. Однажды вы забудете тот вечер, когда он не получил приз MVP».

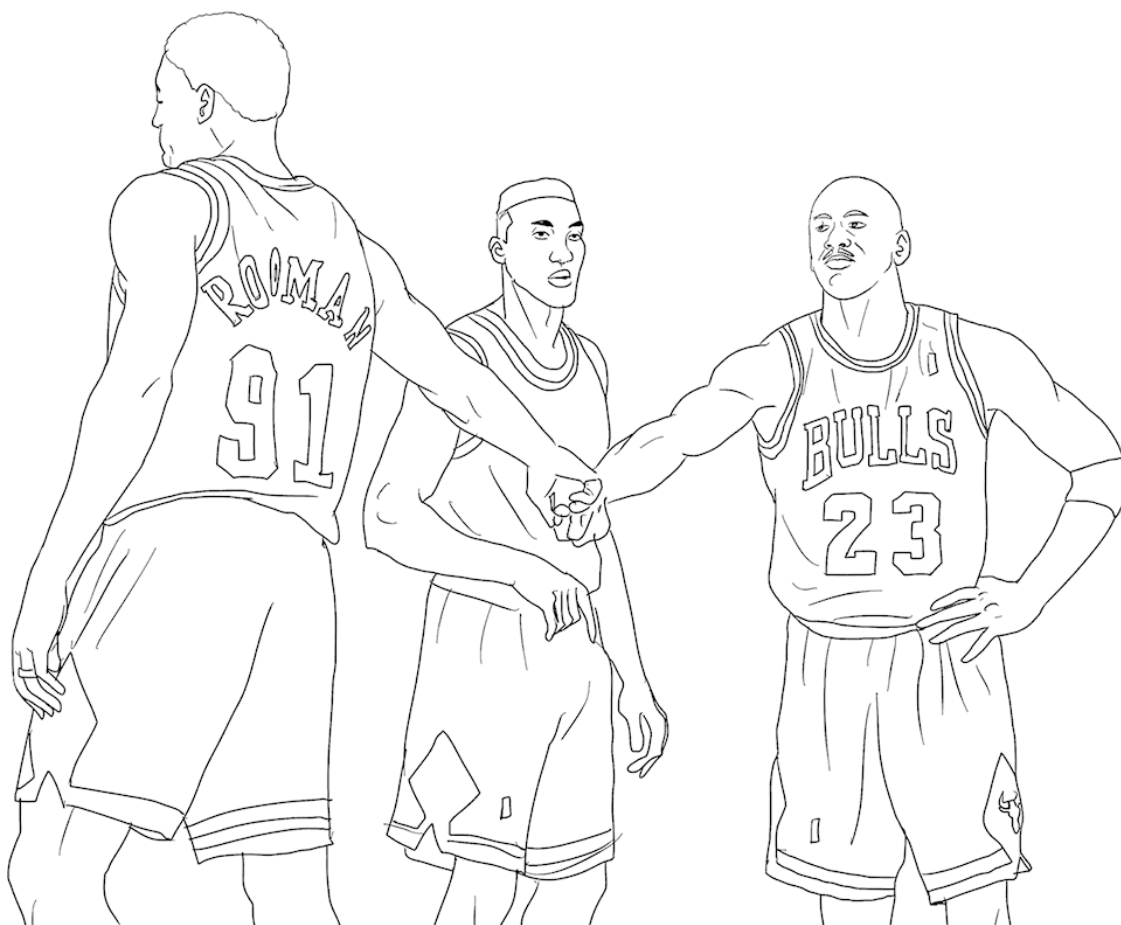
Вскоре Пэкер осознает, что если миссис Джордан еще могла забыть об этом оскорблении, то ее сын и не собирался этого делать. «Майкл мог играть в блочки с Эйдрианом Бранчем, и Эйдриан бы этого даже не осознал, – говорил Пэкер со смехом, – но у Майкла все равно стояла перед глазами картина той игры в Уичито. Никто в АСС не понимал, как сильно его мотивировали подобные вещи. Но он никогда ничего не забывал».

Весной 1981-го Майкл и его сестра Розлин закончили школу Лэйни и начали готовиться к следующему раунду испытаний в Чапел-Хилл.

Ежегодник школы Лэйни *The Spinnaker* содержал подробности из резюме Джордана: «10-й класс: школьный совет (представитель класса); 11-й класс: клуб испанского языка... 12-й класс: общественный совет Нью-Хановер... 10-й класс: Фан-клуб спортивной команды школы». *The Spinnaker* также содержал отрывок с напутствием для Джордана и Лероя Смита: «Лэйни может лишь надеяться, что вы... разовьете свои таланты и заставите других гордиться вами так же, как гордилась Лэйни. Всегда помните, что Лэйни – ваш мир».

Мир Джордана, конечно, будет шириться по экспоненте. И каждая живая душа, в особенности сам Джордан, будет поражена той скоростью, с которой это произойдет.

Часть IV Истинно синий

Глава 11 Первокурсник

Болельщики команд соперничающих школ со всей Конференции атлантического побережья всегда, казалось, концентрируют свое внимание на чертах лица Дина Смита: его нос виделся им огромным, а глаза – крошечными, как бусинки. Для них он был карикатурой, воплощавшей в себе дух едкого, желчного превосходства. Однако его публичный образ был радикально далек от того, как его воспринимали в самом Университете Каролины, где к нему относились с почитанием, какое редко можно встретить. В глазах игроков самоунижение Смита подчеркивало важность для него командной игры, на которой он неустанно делал акцент.

«Одно я всегда буду о нем помнить – это его честность, – сказал однажды в интервью *Sports Illustrated* знаменитый баскетболист NBA Бобби Джонс. – Мы все знали, что у него были проблемы, как и у каждого из нас, но большинство тренеров никогда не признало бы их наличие. Он также признавался, что не знает ответов на все вопросы». Эта честность стала фундаментом для глубочайшего уважения и любви, которые игроки часто выражали по отношению к Смиту, особенно после того, как переставали у него играть, после того, как он переставал быть для них тренером и начинал упорно трудиться, словно их друг. Майкл

Джордан будет называть Смита своим вторым отцом, и сантименты такого рода эхом повторяли почти все, кто играл под его началом.

Иногда усилия Смита были направлены на разрешение каких-нибудь серьезных вопросов, таких, например, как арест Джеймса Уорти за приставания к проститутке в дни его выступлений за «Лос-Анджелес Лейкерс». «Тренер Смит был вторым человеком, позвонившим мне, – признавался Уорти, – и он сказал: «Мы все люди. Я знаю, что ты – славный парень. Просто разберись со всем этим, как подобает мужчине». Имя Смита соотносили и с менее драматичными историями, связанными, к примеру, с жизнью и карьерой бывших подопечных. Он обладал феноменальной памятью и зачастую мог вспомнить имена друзей и родственников игроков, людей, которых видел раз или два в жизни. Генеральный менеджер «Лейкерс» Митч Купчак, игравший когда-то за Каролину, был однажды поражен телефонным разговором со Смитом, в котором тот упомянул, что сестра Купчака, Сэнди, родила мальчика. «Он познакомился с моей сестрой в 1972-м, – говорил Купчак. – Как он запомнил ее имя?»

Пит Чилкатт, другой подопечный Смита, говорил, что часто встречал игроков NBA, которые с горечью вспоминали свою учебу в колледже и своих тогдашних тренеров. С Северной Каролиной все было иначе. Чилкатт как-то раз объяснил: «Всех игроков «Тар Хиллз» объединяет одно – гордость». На практике это означало, что игроки Смита часто возвращались летом в Чапел-Хилл, чтобы поиграть в баскетбол на досуге или собраться на ежегодный пикник с игрой в гольф, который устраивали участники программы. Такая семейная атмосфера приносила дивиденды Смиту в виде связей и помогала ему вербовать новичков. Его программа задавала стандарт в то время, когда АСС считалась сильнейшей студенческой баскетбольной Конференцией страны.

Люди со стороны, однако, не испытывали благоговения перед Смитом. Во время жарких баталий в очень конкурентной конференции его часто поносили студенты и болельщики других команд. Отчасти такое негодование было вызвано тем, что Смит применял четырехугольную атаку – атакующую схему, ставшую фирменной чертой его каролинской программы. Рик Мур, бывший баскетболист, игравший на уровне школ, и баскетбольный фанат из Виргинии, вспоминал невероятное отвращение, которое испытывал, когда в подростковом возрасте смотрел матчи команд Смита по телевидению. «Моя ненависть к Дину Смиту не знала границ, – говорил Мур. – У тебя по паркету бегают блестящие игроки, одни из лучших, а ты заставляешь свою команду тянуть время. Это было проклятием баскетбола». Смит обычно отвечал, что четыре угла давали его команде наибольший шанс на победу, но мало кто из фанатов баскетбола верил в это. То же касалось и руководства Конференции атлантического побережья, которая первой ввела правило 24 секунд в студенческом баскетболе во многом потому, что оно должно было стать ответом на применение четырехугольной атаки.

По мнению его недоброжелателей, четыре угла были далеко не только командной стратегией.

Оппоненты Смита жаловались на его самодовольство и чопорность – те же претензии высказывались в адрес Джона Вудена из «УКЛА». Как и Вудена, Смита считали исключительным манипулятором, обрабатывавшим каждый уголок соревновательного пространства. Джим Вальвано из «НК Стэйт» однажды пошутил, что если Дин лестно высказывался в адрес какого-либо арбитра АСС, то остальные тренеры в лиге тут же вносили этого парня в черный список. Раздраженный манипуляциями Смита (или по крайней мере тем, что виделось ему манипуляциями) тренер Дьюка Билл Фостер однажды сказал, кипя от злости: «Я думал, что Нейсмит избобрел игру, а не Дин Смит».

«Существует большая разница между человеком и имиджем, который он пытается проецировать», – объяснял как-то раз тренер Виргинии Терри Холланд. В 1980-е по Шарлотт-свиллу ходил анекдот, мол, у Холланда была собака, сука, которую он назвал Дин.

Порой складывалось впечатление, что Смит чувствовал себя тем, кому дозволено пренебрегать правилами. Холланд вспоминал такой инцидент: «В матче АСС в 1977-м он вдруг решил, что один из моих игроков, Марк Айаварони, слишком жестко обошелся с Филом Фордом, и в перерыве, когда команды ушли с площадки, он вступил в конфронтацию с Марком – толкал, пихал его и говорил всякое. По этой части, считаю, у Дина всегда были проблемы. Он полагал, что у него есть право вступать в конфликт с игроками других команд, чтобы защитить своих подопечных. Это очень опасно и явно выходит за всякие рамки нормальности».

«Все мы, наверное, творили такое, чем нельзя гордиться, когда поддерживали кого-то из своих игроков, – говорит соперник Смита, тренер Дьюка Майк Кшишевски. – Но я не могу вспомнить ни одного случая, когда слышал бы от него критику собственных игроков, ни разу он не обвинил и не унизил их, и взамен получал от этих ребят невероятную преданность. Такая верность не появляется сама собой. Отношения такого рода развиваются на фундаменте каждодневной совместной работы».

Билли Пэкер немало дней провел в наблюдениях за тренировками Смита, на которых часто стояла устрашающая тишина, пока игроки суетились, проходя четко структурированную последовательность упражнений. Каждое упражнение и каждый эпизод с мячом тщательно фиксировались, замерялись и оценивались, и у всего этого была одна-единственная цель – подчинить талант и удачу каждого индивида интересам команды.

«Даже в розыгрышах с мячом мы применяли этот стандарт, – объяснял как-то Смит. – Если игрок совершал неудачный бросок с отклонением, но все равно попадал, я говорил менеджеру: «Запиши ему ноль очков». Если же игрок делал лэй-ап, менеджер записывал +3. Нам хватило всего нескольких раз, чтобы ребята поняли, чего мы хотим и какую цель преследуем».

Каждый день вывешивались детальные тренировочные планы. Пока игроки проходили упражнения, менеджеры стояли у боковой линии с поднятыми вверх пальцами, указывая игрокам, сколько минут осталось в каждом периоде. Структура программы Смита сделала возможным командный успех, который сопутствовал Джордану потом в профессиональном баскетболе, объяснял Текс Уинтер, много лет работавший ассистентом Фила Джексона в «Чикаго Буллз». «Если бы Майкл не поиграл у Дина Смита, он бы не стал таким великолепным командным игроком, каким он был», – сказал Уинтер в интервью 2008 г.

Часто легенда Джордана упускает такой немаловажный факт, как присутствие рядом с Майклом Билла Гатриджа, десятилетиями работавшего ведущим ассистентом Смита и поигравшего у Уинтера в «Канзас Стэйт», а после работавшего у него же ассистентом. Уинтер разработал сложную треугольную атаку, которую применяли команды «Канзас Стэйт», а позже «Буллз» с Джорданом в составе – уже в NBA. И хотя «Тар Хиллз» не прибегала к использованию треугольной атаки Уинтера, она применяла то, что Уинтер любил называть «системным баскетболом» – подход, базировавшийся на фундаментальных философских принципах игры. Уинтер объяснял, что многие тренеры не пользовались подобными системами, предпочитая опираться на свободно заменявшие друг друга амальгамы разных стилей и стратегий, зачастую изолированных и никак не связанных между собой.

В программе Смита «система» была важнее индивидуального таланта. Химия взаимоотношений тоже вытесняла талант на второй план. «Думаю, что весьма недооцененный фактор в механизме команды – это химия отношений и уверенность игроков друг в друге, – объяснял однажды Смит Пэкеру. – А отсутствие эгоизма, альтруизм в нашей игре колоссально важны. И конечно же, игроки обязаны играть до последнего, выкладываясь полностью. Мы

всегда говорили: «Играйте усердно, играйте умно, играйте вместе». А играть умно означает, что нужно очень упорно оттачивать на тренировках игровые элементы, повторяя их снова и снова, чтобы отреагировать даже тогда, когда окружающие обстоятельства будут дезориентировать и сбивать с толку, когда болельщики будут орать на тебя, но несмотря на это, ты будешь знать, что нужно делать».

«С Дином команда опробовала все возможные средства и способы как на площадке, так и за ее пределами, – говорил Пэкер. – А если взять в расчет его тотальную вовлеченность в работу как тренера – причем касалась она и младших менеджеров, и такого игрока, как Майкл Джордан, – то, на мой взгляд, вы получите самый ценный и важный актив Дина Смита». Смит контролировал и ситуации, возникавшие во время игр, многозначительно инструктируя своих игроков не затевать излишне красочные розыгрыши, способные унижить соперника. Когда однажды в концовке легко выигранного матча против Джорджии Джимми Блэк кинул мяч на аллей-уп Джеймсу Уорти, после чего тот сделал звонкий данк, Смит пришел в ярость и на следующей тренировке наказал игроков, позволивших себе подобную вольность. Игроки Каролины не могли просто стоять и смотреть на такое поведение.

В то же время он мог с той же легкостью оскорбить других своей одержимостью и стремлением к совершенству. «Я работал матч между «НК Стэйт» и Каролиной, большой матч, – вспоминал Пэкер. – Речь идет о двух командах первой пятерки, я был готов выходить на паркет объявлять стартовые составы. Команды уже заняли каждая свою скамейку, и вдруг Дин, проходя мимо меня, говорит: «Мне не по душе твой галстук». Я опускаю голову и вижу, что галстук красного цвета. В тот момент я впервые осознал, что надел красный галстук. Я подумал: «Этот человек никогда не отключается. Тут команды собираются на паркет выходить, матч играть. Какого черта его беспокоит то, какого цвета мой галстук?»

Пэкер признавал, что его часто раздражало то, что Смит хитростью превращал свои послематчевые пресс-конференции не в честное обсуждение игровых моментов и деталей борьбы, а в площадку для распространения посланий своим игрокам, даже арбитрам, а порой и тренерам соперничающих команд и их игрокам. «Я всегда пытался оценить то, что он говорит об игре после того, как она закончится, – вспоминал Пэкер. – Он что-нибудь говорил, а я в этот момент думал: «Господи, как же тупо. Не это стало ключом к игре». Меня это раздражало настолько, что я даже не обсуждал его слова в эфире по ходу матчей». Он делал заявления, у которых был скрытый смысл. «Со временем приходишь к пониманию, насколько умен был он и насколько глуп был ты, что не понял его слов».

Таким образом, Майклу Джордану, прибывшему в кампус Северной Каролины осенью 1981 г. предстояло обнаружить, что теперь он будет играть под началом совершенно другого тренера. Если Поп Херринг стал благословением, осветившим этап его раннего развития, то следующая стадия путешествия Джордана характеризовалась тотальным погружением в дисциплину баскетбола. «Когда ты выпускаешься из старшей школы, то обладаешь врожденными, еще сырыми способностями, – объяснял однажды Джордан. – Никто не воспитывает этот талант в тебе. Когда я покидал старшую школу, то был весь соткан из природных талантов, и больше ничего. Прыгучесть, быстрота. Когда я пришел в команду Северной Каролины, в моей жизни начался новый этап. Познание баскетбола от Нейсмита и далее... подборы, игра в защите, техника, штрафные броски».

Даже при том, что у него в команде был Джордан, Смит не останавливался на этом и в 1981-м собрал одну из лучших своих команд, в которой были также Уорти, защитник Эл Вуд и центровый Сэм Перкинс. В том сезоне Виргиния дважды обыграла Северную Каролину, и в полуфинале национального первенства в Филадельфии две команды встретились вновь. Холланд намеревался привести свою команду к победе над системой Каролины. Но Смит перехитрил «Кавальерс», неожиданным образом сместив акцент в атаке на атлетичного Вуда, чья динамичная манера игры помогла добыть его команде победу.

Этот выход в Финал четырех стал для Смита шестым. С 1962-го по 1981-й его команды одержали более 460 побед, добыв девять титулов АСС. Единственным признанием, которого ему не хватало, был выигрыш национального чемпионата. В тот первый понедельник апреля 1981 г. его команда проиграла еще одну игру за титул и со стороны наблюдала, как тренер Университета Индианы Бобби Найт и разыгрывающий Айзейя Томас забирают домой трофей, еще на сезон продлевая печальную серию Каролины. После поражения его игроки собрались и поклялись, что в следующем сезоне положат конец трофейной засухе. Майкл Джордан смотрел за игрой по телевизору и впервые в жизни почувствовал глубочайшую преданность Смигу и «Тар Хиллз». Также он был разочарован тем, что не смог помочь команде в игре против Индианы.

«Похоже, что мы можем стать как футбольная команда Пенн Стэйт, – размышлял вслух Смит после поражения от Индианы. – Все время вторые». Сравнивая свою программу с программой легендарного Джо Патерно из Университета Пенн Стэйт, Смит своеобразно просил у болельщиков Северной Каролины еще немного терпения. И Патерно, и Смит имели крепкую репутацию людей, делающих свое дело как надо, умеющих поддерживать великолепный баланс между чемпионскими амбициями и академическими успехами своих спортсменов.

«Он ожидал, что ты будешь ходить на лекции, – объяснял Уорти, – а если ты был первокурсником, то обязан был посещать церковь, только если у тебя не было разрешения родителей не делать этого. Он обещал тебе, что через четыре года ты закончишь университет с дипломом. Это было просто, а его философия семейности была очень кстати».

Однако было трудно игнорировать грызущее неудовлетворение среди болельщиков Северной Каролины и представителей прессы, освещавших жизнь университетской команды. Было ощущение, что баланс, который Смит привнес в циничный бизнес студенческого спорта, был недостаточным условием успеха, что его настойчивое стремление все делать правильно не давало ему возможности масштабного выигрыша. Ни Смит, ни его ассистенты, ни даже игроки не заикались о все чаще и чаще раздававшихся насмешках людей над Северной Каролиной, но после шестого выхода в Финал четырех они ощущали эту ауру сильнее, чем когда-либо.

По правде говоря, Смит выстроил самую лучшую и стабильно работающую баскетбольную программу в стране. Она выпускала лучших игроков, которые вдобавок заканчивали школу с куда лучшим пониманием самих себя как личностей. Никто не понимал это лучше самих игроков.

«Тренер Смит научил нас ладить с людьми, – объяснял Уорти. – Когда существует определенный набор правил, когда ты вынужден взаимодействовать с людьми, учиться соглашаться или не соглашаться, когда тебе приходится подчиняться авторитету, не теряя собственной честности, ты обретаешь социальные навыки, которые тебе помогают в жизни. Его работа, таким образом, учит взаимодействию с людьми, а потом показывает, как научиться им доверять и полагаться на них». Как говорил Уорти, структурированная «система» Смита фокусировалась на том, чтобы игроки даже в мелочах привыкали поступать правильно: делились мячом, ставили заслоны, помогая друг другу, и чтобы невозможно было переоценить замечательное отношение Смита к менеджерам команды и резервным игрокам.

«Все эти нюансы игры потом применимы и в жизни», – говорил он. В свою очередь, преданность игроков Смигу и его наставническим методам, по словам Уорти, сделала задачу выигрыша чемпионата жизненно важной для них.

Некоторые наблюдатели, следившие за успехами команды длительное время, увидели в поражении в Филадельфии проблеск надежды. Смит продемонстрировал свою готовность немного раздвинуть рамки системы для того, чтобы на площадке стало комфортнее Элу Вуду – обладателю особенных талантов. Это событие показало, что тренер готов подстраи-

ваться под меняющийся ландшафт студенческого баскетбола. Огромное количество денег и более возросший уровень общественного внимания возвестили о начале процесса изменений. В следующие несколько лет такому игроку, как Джордан, со всеми его талантами, было бы почти невозможно пробиться в систему, которая управлялась так строго и жестко, как программа Дина Смита в Северной Каролине.

Джордану тем временем многое понравилось из того, что он увидел в исполнении игроков Каролины в Финале четырех, который смотрел по ТВ. Ему понравился дух товарищества и талант команды. Он считал, что, несмотря на свой статус новичка-первокурсника, непременно найдет способ вылезти со скамейки запасных. Если ему удастся попасть в основной состав, думал Джордан, он найдет возможность помочь «Тар Хиллз».

Помочь в действительности. Тридцать лет спустя, незадолго до того, как его самого ввели в Зал славы баскетбола, Ральф Сэмпсон размышлял о Майкле Джордане, этой силе, что спутала ему все тщательно просчитанные планы и разрушила большие надежды, которые он связывал с баскетболом. Никто не смог предугадать его появления. Сэмпсон отмечал, что беспрецедентный взлет Джордана стал возможен благодаря невероятно удачному стечению обстоятельств: Джордан смог плавно войти в готовую брать чемпионский титул команду Северной Каролины, словно сам Господь Бог зарезервировал ему местечко в ней. «Ему очень повезло оказаться в такой ситуации», – отмечал Сэмпсон.

Как первокурснику, оказавшемуся в системе Дина Смита, Джордану нужно было лишь подчиниться правилам, по которым система работала. За все годы существования программы Смита лишь троим первокурсникам – Филу Форду, Джеймсу Уорти и Майку О’Корену – удалось пробиться в состав Каролины. Как и в большинстве программ той эпохи, в системе Смита акценты были сильно смещены в сторону возрастных игроков. Он позволял своим ветеранам определять правила поведения для всех игроков за пределами площадки. По ходу их последних сезонов он планировал расписание игр так, чтобы матчи проходили поблизости от их родных городов. Он поощрял их всеми мыслимыми и немыслимыми привилегиями и почестями, потому что именно благодаря их усердной четырехлетней работе и преданности делу программа поддерживала свое существование.

Новички, в свою очередь, были в иерархии Смита даже ниже менеджеров команды и инструкторов-ассистентов. Первокурсники таскали сумки и экипировку и занимались другими лакейскими хлопотами. Именно первокурсники, а не менеджеры команды, бегали за ускокавшими мячами каждую тренировку. Они обязаны были заслужить место в программе. В числе обязанностей Джордана в тот первый год была, к примеру, перевозка тяжелых кинопроекторов и другого оборудования с одной арены на другую. Но даже в этом проявлялась благосклонность судьбы к нему: будучи первокурсником, он не испытывал никакого сильного давления и не нес тяжелый груз высоких ожиданий.

Сэмпсон, высокий (224 см) и молчаливый наблюдатель, следил за происходящим с немалым испугом. Битвы 1981 г. между Виргинией и Каролиной были прелюдией к тому, что станет называться потом «эрой Джордана в Чапел-Хилл». В 1979-м Сэмпсон перешел в Виргинию, школу АСС, из родного штата со слабыми баскетбольными традициями, а в 1980-м, будучи первокурсником, привел «Кавальерс» к национальному титулу. Его видели следующим великим гигантом баскетбола, часто сравнивали с Каримом Абдул-Джаббаром, и подобные сравнения становились бременем, потому что притягивали внимание СМИ и подогревали ожидания болельщиков. Поражение в 1981-м в Финале четырех от «Тар Хиллз» стало большим провалом и разочарованием, но многие представители национальных СМИ предсказывали, что Сэмпсон непременно приведет «Кавальерс» к выигрышу на чемпионате в 1982-м. Единственным и самым серьезным препятствием на этом пути для него был Университет Северной Каролины, даже несмотря на потерю талантливого выпускника Эла Вуда.

Серьезным вопросом, который предстояло решить Дину Смит той осенью 1981 г., был вопрос: кем заменить Вуда в команде. Было очевидно, что Уорси с ростом в 205 см был готов стать ведущим снайпером команды, а Перкинс, тоже двухметрового роста, сам по себе был грозным оружием. Смит нуждался в винге, который бы умел играть на высоких скоростях, питать энергией защиту и забивать прямыми бросками из зон, которые будут образовываться вокруг Уорти и Перкинса. Ранней осенью подходящим кандидатом на эту роль выглядел Джим Брэддок. Он был студентом третьего курса, прекрасным снайпером и толковым защитником. Двумя другими кандидатами были первокурсники Питерсон и Джордан. Питерсон умел бегать, прыгать и обладал приличной скоростью. Да и бросал недурно. С тех пор как Смит посмотрел и оценил перформансы талантливого, но еще сырого Джордана в старшей школе, он стал обдумывать возможные варианты. Но болельщики, помнившие, как развивались события по этому сценарию, еще долго будут закатывать глаза от негодования. Как мог тренер Каролины потратить столько времени впустую на поиск ответа, когда он был так очевиден? Ответом был Джордан.

Смит, однако, был во многом человеком процесса, и ему нужно было многое учесть той осенью. Он получал отчеты о Джордане по итогам его тренировочных игр с новыми партнерами и другими ребятами из кампуса. «Интернатура» Джордана, коей для него стали игры в уилмингтонском Эмпи-парке, сослужила ему хорошую службу, равно как и детские битвы с братом Ларри. Как позже отметил психолог «Буллз» Джордж Мамфорд, те горячие вербальные и физические бои с Ларри установят формат взаимоотношений Джордана со всеми его будущими партнерами. Корни его игры уходили к баталиям между братьями на дворе. Новые партнеры Джордана понятия не имели о его брате, зато быстро почуяли дух соперничества. Как объяснял Уорти, Джордан, казалось, стремился «задирать» старших игроков Каролины, и составляющей этих хулиганских выходов был трэш-ток.

«Я тогда это увидел в нем, – говорил Уорти. – Он обладал природным талантом. В этом Майк был весь. Он пришел очень самоуверенным, стал выискивать лучших и пытаться атаковать их».

Первокурсник начал рассказывать новым партнерам, что будет делать через них данки.

Казалось, что больше всего это раздражало Уорти. Остальные в основном смеялись, слыша его слова, но поведение новичка вызвало беспокойство среди ветеранов команды. Они поклялись вернуться в Финал четырех в 1982-м и выиграть титул для своего тренера. Для них эта задача имела колоссальную важность. Последнее, в чем они нуждались, это нагловатый новичок с длинным языком, способный навредить внутрикомандной химии взаимоотношений, которой они так дорожили. Дело было не в том, что Джордан забыл о желании команды выиграть национальный титул чемпиона. Он чувствовал себя участником программы Каролины и вспоминал, какое разочарование и расстройство принесло ему поражение «Тар Хиллз» той весной. Но все же осенью 1981-го он был всего лишь первокурсником, и его агрессивность получала смешанную реакцию.

«Помню, что многие люди считали его чрезвычайно наглым или говорили, будто он много треплется, – вспоминал Арт Чански. – А еще он хотел, чтобы его называли Мэджиком. Люди в Уилмингтоне начали называть его Мэджиком. Дин Смит сказал ему: «Зачем тебе становиться Мэджиком? Это имя уже носит кто-то другой». Если вы взглянете на брошюру, посвященную сезону Каролины 1982 г., то увидите, что в ней он просто Майк Джордан. «Как ты хочешь называться?» – «Меня называют Майклом». Дин сказал: «Ну что ж, с этого момента мы будем звать тебя Майклом Джорданом». Это был самый умный ход, на какой можно было только решиться, – так он стал просто Майклом. Называть его Мэджиком – да это ерунда какая-то. Дин умно поступил в этом вопросе».

Каким бы ни было его имя, довольно скоро старшим игрокам стало ясно, что внутри Джордана бурлил горячий источник, питавший его нужду доминировать и побеждать. Они увидели, что Джордан наделен сложным и многогранным характером; с одной стороны, трэш-ток казался глупым и безобидным, с другой – он показывал его твердое намерение бросить им всем вызов. Но вскоре его партнеры начали осознавать, что трэш-ток он использует для того, чтобы подтолкнуть самого себя к чему-то большему. Чем больше он болтал, тем больше ему приходилось делать, чтобы подтвердить свои слова. Джордан не был первым молодым игроком, избравшим такую тактику. Разница была лишь в том, что у него хватало таланта и мастерства делом подтверждать все, что он говорил. Таким образом, Джордан незамедлительно стал фигурой, способной перевернуть мир баскетбола Каролины вверх дном. По крайней мере, таким он виделся Уорти.

Новичок решил бросить Уорти вызов во время тренировки, сыграть с ним один на один, чтобы помериться силами. Уорти почувствовал, что Джордан пытается таким образом укрепить свой статус, и отказался участвовать в психологических играх первокурсника. Во многих отношениях эти двое были диаметральной противоположностью друг друга. Вместо того чтобы болтать языком, Уорти держал все в себе. Ему потребуются годы на то, чтобы научиться выражать свои дикие, необузданные чувства так, как Джордан делал это уже в 18-летнем возрасте. Так что Джордан во многом смысле был серьезным вызовом для игроков-ветеранов.

«В физическом плане он был худощавым малым, но уверенным в себе и сильным психологически, – вспоминал Уорти. – Он уже превзошел многих людей гораздо более старшего возраста. И уже тогда достиг определенного уровня веры в себя».

Значение имела не только их личная конфронтация. Во всех баскетбольных командах существует иерархия, а в командах Смита в особенности. Желание молодого Джордана бросить вызов ветеранам потенциально могло разрушить выстроенную командную динамику Каролины еще до того, как университетская команда впервые вышла на игру нового сезона.

«Ой, да ладно тебе, здоровяк», – говорил Джордан Уорти, пытаясь побудить его сыграть.

Ему потребуется какое-то время, чтобы утомить третьекурсника своими просьбами сыграть один на один. «Когда его успехи стали улучшаться, он принялся дразнить меня и Сэма Перкинса, – вспоминал, слегка улыбаясь, Уорти в интервью 30 лет спустя. – Он говорил: «Давай сыграем один на один». Наконец я согласился. Мы сыграли три игры, и я выиграл две, насколько помню». Победа Уорти укрепила существующую иерархию в команде, хотя явно оставила Джордана неудовлетворенным, что, наверное, было только к лучшему. Уорти отмечал в интервью, данном для специального выпуска НВО²², посвященного исторической вражде между Дьюком и Северной Каролиной, что Джордану потребовалось почти 30 лет, чтобы признать свои поражения.

В то время, впрочем, было по меньшей мере несколько человек, сомневавшихся в том, что дерзкому первокурснику есть место в Чапел-Хилл. «У него был характер человека, который, как казалось, не слишком подходил под образ игрока Каролины, потому что игроки Каролины говорят мало, но все готовы слушать, – объяснял Уорти. – А Майкл пришел и начал показывать, что он готов много болтать, но не очень охотно слушать. Он знал, кто такой тренер Смит. Он знал о Филе Форде и Уолтере Дэвисе, он знал, куда попал и что его ждет».

«Он был хамоватым младшим братом, – вспоминал молодого Джордана Арт Чански. – В то время никто и не думал, что Майкл Джордан станет величайшим... Никто и не думал, что ему суждено стать королем мира. Первокурсником он был еще той занозой... Но тренерам нравилась его уверенность, дерзость, которая отличала его на первом курсе. Им это

²² Home Box Office (HBO) – американская кабельная и спутниковая телевизионная сеть.

было по душе, и они хотели направить эту энергию в правильное русло. Так что они не отваживали его от этой привычки задираться. Он много говорил, но думаю, что он говорил все меньше по мере того, как развивалась его карьера, поскольку всеобщее внимание становилось все пристальнее».

Вне паркета Джордан был обычным первокурсником, пытавшимся найти свою дорогу в жизни. Стюарт Скотт из телекомпании ESPN, тогда бывший участником каролинской футбольной программы, вспоминал, что Джордан в то время был простым парнем, рассекавшим на велосипеде по окрестностям Чапел-Хилл. Не витать в облаках Джордану помогало присутствие в кампусе его любящей младшей сестры. Осторожная и сдержанная Розлин прилагала усилия к тому, чтобы домашняя жизнь ее брата протекала легко и гладко. Она не брезговала убираться в его комнате, прежде чем там установится бедлам. Джеймс и Делорис тоже регулярно приезжали в Чапел-Хилл, чтобы проверить, как живут их дети. Розлин в особенности была близка с матерью, да и Джордан был в какой-то степени маменькиным сыночком. Как только начался сезон, он, казалось, не мог заставить себя играть до тех пор, пока родители не доедут благополучно до арены и не займут свои места на трибунах.

Кларенс Гейнс-младший, сын знаменитого тренера – члена Зала славы баскетбола из Уинстона-Сейлема, в тот год выпускался из УНК (позже он станет скаутом «Чикаго Буллз») и жил в Грэнвилл Тауэрс, в кампусе, где кроме него квартировали еще несколько спортсменов. Гейнс знал почти всех игроков Каролины.

«Я помню, как ветераны, особенно Джимми Блэк, поговаривали об этом наглом новичке, который собирался стать частью программы, – вспоминал Гейнс. – Так что я знал Майкла Джордана еще до того, как его имя стало известно всем».

Он вспоминал, что Джордан частенько играл на площадках под открытым небом в Грэнвилл Тауэрс со случайными людьми. «У Майкла всегда была особая аура, – говорил Гейнс. – Некоторые люди внушают одним своим видом, и он явно был из их числа».

И все же многие размышляли, что же станет с новичком, безумно любившим соревноваться, когда он столкнется с системой Смита на практике. Как оказалось, все сложилось удивительно легко и удачно. Безудержный атлетизм, который Майкл показывал осенью на тренировках и в играх на досуге, испарился практически за одну ночь. Много позже, после того как Джордан станет звездой профессионального баскетбола, публика начнет осознавать, насколько глубоко он был погружен в каролинскую программу и как сильно его игра была замаскирована системой. Однако сдерживала его не только система Дина Смита. В его жизнь приходили и другие ограничительные силы.

Первая тусовка

Два лета, предшествовавших его приходу в колледж, Джордан находил время на то, чтобы съездить в баскетбольный лагерь Университета Кэмпбелла в Бис Крик, Северная Каролина. Лагерь стал довольно популярным местом на баскетбольной карте Юга, тут часто появлялись ведущие игроки и тренеры. Джордан играл в Кэмпбелле и работал там консультантом – эту связь с лагерем он будет поддерживать на протяжении всей учебы в колледже. Там он познакомился с Фредом Уитфилдом, который сильно на него повлиял и стал Майклу другом на долгие годы. Уитфилд был родом из Гринсборо и в Кэмпбелле был одним из ведущих снайперов всех времен. Окончив университет, он устроился работать в школу ассистентом тренера и одновременно продолжал учебу, стремясь получить степень магистра делового администрирования.

Тогда Уитфилду было слегка за 20, и он, будучи консультантом в лагере, обратил внимание на Джордана и Базза Питерсона, так между ними завязалась дружба. Консультантом Уитфилд был дружелюбным и смышленным, это был человек, на которого Джордан мог

равняться. Уитфилд на себе испытал все взлеты и падения студенческого баскетбола и мог поделиться с Джорданом мнениями и наблюдениями, которые часто казались Майклу толковыми.

Уитфилд был одновременно наставником и другом. «Майкл пришел в нашу баскетбольную школу перед выпускным годом в старшей школе и оказался в моей группе, – вспоминал Уитфилд. – Мы быстро спелись и стали друзьями. В то время я там либо играл сам, либо тренировал, короче, работал в лагере. Когда он поступил в колледж Северной Каролины, я был ассистентом тренера в Кэмпбелле. Если по выходным у нас не было игр, я отправлялся в Чапел-Хилл посмотреть его матчи, а потом мы зависали с ним и Баззом Питерсоном. Одной из моих обязанностей как ассистента тренера был поиск игроков АСС с тем, чтобы потом привести их в летний лагерь. Когда Майкл уже играл в Каролине, я позвал его на один день, чтобы он поговорил с детьми. Наша дружба только начала крепнуть».

«Думаю, что он и я просто нашли что-то общее в Бис Крик, чем бы оно ни было, – говорил Уитфилд о раннем этапе своих взаимоотношений с Джорданом. – Но что более важно, мы установили дружеские и доверительные отношения между собой, и полагаю, что с того момента стали мотивировать друг друга стать настолько успешными, насколько это было возможно».

Те поездки по выходным были первыми шагами Джордана по формированию узкого круга друзей не из команды, который позже станет сплоченной тусовкой из нескольких конкретных людей. «Именно в колледже у него появилось окружение из людей вроде Фреда Уитфилда, очень приятного парня, – объяснял Арт Чански. – Майкл окружал себя только теми, кому мог доверять». Помимо Уитфилда в Чапел-Хилл был и Адольф Шивер. Дружба с Джорданом помогла Шиверу вовремя попасть в резервную баскетбольную команду «Тар Хиллз», которую тренировал Рой Уильямс. Шивер долгое время будет главой «развлекательного подразделения» приближенных Майкла Джордана, а вот Уитфилд был куда более приземленным человеком.

Джеймс и Делорис Джордан одобрили дружбу сына с Уитфилдом. Он был молодым человеком со светлой головой и умело обращался с мячом. Влияние Уитфилда явно помогало урановесить дурачества Шивера и других менее зрелых молодых людей, которые могли повлиять на первокурсника Джордана. У Шивера был язык без костей, но он редко говорил что-то в адрес Джордана и его необузданного эго. Уитфилд мог болтать так же, как и любой другой из них, но он был занят развитием в себе утонченности и служил Джордану чем-то вроде моста из подросткового возраста в большой мир взрослых.

Взаимоотношения с Уитфилдом были еще одним исключительно важным, но редко обсуждавшимся фактором успеха и везения Джордана. Его родители, братья и сестры, тренерский штаб Каролины, сосед по комнате Базз Питерсон, Уитфилд и даже Адольф Шивер – все эти люди стали неслабой командой поддержки, которая сформировалась вокруг него в тот момент, когда он готовился влиться в студенческий спорт серьезного уровня. Казалось, что эта впечатляющая компания людей, каждый из которых влиял на него по-своему, была нужна Джордану, чтобы направлять себя, гиперактивного 18-летнего юношу с большим эго и зашкаливающим уровнем тестостерона, в правильное русло.

Слушатель

С легкостью можно утверждать, что причина, по которой Джордан был успешен в первые месяцы в Чапел-Хилл, крылась в его способности слушать, эта черта, приобретенная им из отношений со своей матерью, сдерживала его невероятную жизненную силу. Начиная с самых первых своих появлений в фокусе общественного внимания, Майкл следовал наставлениям Делорис Джордан, пытавшейся провести своего сына мимо многих препятствий и

ловушек, которые она видела на его пути, и он слушал ее советы, что в итоге окажется главным составляющим элементом его успеха. Это был дар матери сыну, который она дала ему во многом в силу того, что в переломный момент своей молодости Делорис Джордан не прислушалась к предупреждениям своих родителей и вскоре заплатила за это высокую цену. Даже в трудные моменты, даже тогда, когда друзья и приятели тянули его в противоположном направлении, Майкл прислушивался к матери. Часто ему требовалось время, чтобы обдумать ее слова, пропустить их через себя, особенно если ему не нравилось то, что он слышал. Но он четко понимал с раннего возраста одну истину: она – его путеводная звезда.

«Мой характер и мой смех у меня от отца, – объяснял он однажды. – Моя серьезная, деловая сторона – от матери». Делорис была его самым придирчивым критиком, но умела озвучить даже самые жесткие критические замечания таким образом, чтобы он принимал их и соглашался. Джордану, особенно в годы взросления, было непросто отодвинуть в сторону собственные инстинкты, чтобы прислушаться к ней. Но именно отношения с матерью сделали его таким восприимчивым к тренерским указаниям, что, в свою очередь, гарантировало ему многие крупные успехи в жизни. Годы спустя он скажет, что мать была его «тренером».

Эта способность слушать была в числе самых ценных его качеств, как бы ни утверждал обратное Джеймс Уорти. Для тренеров его способность воспринимать информацию и учиться была важнейшей и самой впечатляющей чертой, по ценности превосходящей даже его потрясающие для 18 лет физические данные. Дин Смит утверждал: «Я никогда не видел другого игрока, который так внимательно слушал бы то, что говорили тренеры, а потом выходил и делал в точности то, о чем они просили».

Но даже при этом подход Джордана был неидеальным.

В какой-то момент, на раннем этапе пребывания в команде, он мог иногда небрежно относиться к делу, что было тревожным сигналом для окружающих. Когда Рой Уильямс потребовал его объяснить свое поведение, Джордан ответил, что он работает так же усердно, как и остальные, на что Уильямс сказал, что, если он планирует добиться выдающихся результатов, ему нужно работать вдвое усерднее остальных. Впоследствии Уильямса поразило то, что ему потребовался всего один разговор с Джорданом, чтобы убедить его в необходимости выкладываться по максимуму. После этого никто не работал на тренировках усерднее, чем он.

Это умение слушать в Джордане подтолкнула Смита к осознанию того, что первокурсник, несмотря на все беспокойство окружающих в связи с особенностями его характера и привычкой огрызаться, был наилучшим кандидатом на замену Элу Вуду. «Моим величайшим навыком была способность к учению, – позже отметит Джордан. – Я был словно губка. Даже если я считал, что мои тренеры не правы, я старался слушать и чему-то учиться».

Это будут упускать из виду легионы имитаторов, которые пытались подражать ему в баскетболе. Они считали, что их выдающееся мастерство и физические данные поднимают их на уровень выше остальных. Джордан так никогда не считал. В тот первый год в колледже этому отношению предстояло пройти первую серьезную проверку.

Обложка

Сезон приближался, а прогресс Джордана замедляли травмы, но он все равно оставался очевидным лучшим кандидатом на стартовой позиции. По опросам, Северная Каролина начала сезон как лучшая команда, а потому журнал *Sports Illustrated* захотел выпустить номер, посвященный студенческому баскетбольному сезону со стартовой пятеркой УНК на обложке. Слухи о Джордане, подогреваемые отчетами о его подвигах на площадках, продолжали распространяться. Той осенью на тренировках он творил такое, что его партнеры

по команде наравне с тренерами приходили в трепет и раскрывали рты от удивления, особенно когда он бросил вызов «сдвоенной» команде Уорти и Перкинса. Поскольку в штабе работал общительный и неугомонный Рой Уильямс, подобные новости неизбежно утекали из команды, становясь достоянием публики. Когда эти разговоры дошли до фоторедакторов *Sports Illustrated*, они захотели, чтобы Джордана включили в состав игроков, которые должны были попасть на обложку издания, но Смит отказался от этого. Ни за что в жизни он не дал бы попасть на обложку журнала тому, кто еще ни минуты не сыграл за Северную Каролину.

«Он не был важным фактором промоушена и всей той подготовки, что обычно предшествует началу сезона, – вспоминал Билли Пэкер. – Вероятно, так получилось по указке Дина. В настоящее время новички обрели очень значимый статус в студенческом баскетболе, но в те годы все было не так».

Появление на обложке *Sports Illustrated* и активная рекламная кампания по раскрутке таланта, начатая прессой в ходе предсезонья, могли бы взволновать любого молодого спортсмена. Джордан был глубоко оскорблен тем, что не смог вместе с остальными попасть на обложку журнала. Это было его первым столкновением с системой Смита и его подходом к работе.

Однако каким бы разъяренным таким поворотом событий ни был Джордан, он никогда не выказывал нетерпения и не позволял себе раздражаться ни на секунду. Казалось, что обиды уходят куда-то глубоко внутрь, в огромную черную дыру его души, где сливаются с остальной чистой энергией его существа. Никого другого эта особенность характера Майкла не поражала так сильно, как соседа по комнате Базза Питерсона. С тех пор как двое парней повстречались в летнем лагере, они стали весьма близки. В последний год обучения в школе Питерсон колебался, не решаясь дать согласие Северной Каролине. Казалось, что он всерьез настроен поступить в Университет Кентукки и играть там. Джордан позвонил ему и выразил глубокое разочарование и досаду в связи с тем, что Питерсон, казалось, забыл об их договоренности вместе выступать за «Тар Хиллз». В конце концов Питерсон поддался его уговорам и выбрал Каролину.

Будучи соседями по комнате, двое молодых баскетболистов продолжали укреплять свои дружеские отношения, даже несмотря на то что конкурировали друг с другом за место в стартовой пятерке Каролины. Лишь по прошествии времени Питерсон осознает, что, несмотря на дружбу, Джордан горел желанием доказать ошибочность присуждения Питерсону титула Мистер Баскетбол Северной Каролины, который тот получил в их выпускной год в школе. Не забыл Джордан и слова своих земляков и даже учителей из Лэйни, утверждавших, что в Каролине его ждет сидение на скамейке. «Многие мои друзья осуждали меня за решение перейти в Каролину, – вспоминал он. – Мне говорили, что новички там никогда не играют. Даже парочка моих учителей твердила мне об этом, несмотря на то что они были болельщиками «Стэйт».

Вся осень ушла на поиск ответов на все эти обиды, мнимые и настоящие. Доказывая всем свое право играть, Джордан вскоре завоевал симпатии ветеранов команды. «Когда ты приходишь в Каролину, тебя ждут суровые беговые тренировки, – объяснял Джеймс Уорти. – Существует деление на три группы: А, В и С. Обычно в группе А – быстрые защитники, группа В зарезервирована для таких ребят, как Майкл, среднего уровня, а в группе С – самые крупные и рослые ребята. И каждая группа должна показать определенное время при беге». Более низкорослые защитники начали поддразнивать Джордана, намекая на то, что ему приходилось легче, чем им, поскольку в группе В скоростной норматив был на 3 секунды больше, чем в группе А. «Он попросил тренера Смита определить его в группу А, и когда это случилось, он просто порвал этих парней, – говорил Уорти. – Так я тогда это видел».

Джордан не хотел, чтобы его считали «всего лишь первокурсником». Сэм Перкинс, который в тот год был на втором курсе, вспоминал: «Майкл быстро подтянулся к остальным. Он был новичком, но даже несмотря на то что первокурсники обычно не играют регулярно, этому парню из Уилмингтона непременно надо было играть».

И хотя той осенью он пропустил две недели тренировок из-за проблем с кровеносными сосудами в лодыжке, он продолжал лелеять надежду. Смит ломал голову над решением и прождал до самого последнего момента, прежде чем объявить имя пятого игрока стартового состава. Тренер знал, что конкуренция всегда полезна для командного развития и способствует вовлеченности игроков в процесс, так зачем прекращать ее раньше времени? «Тар Хиллз» открывала сезон игрой против Канзаса в Шарлотт, этот матч транслировала недавно появившаяся молодая кабельная сеть ESPN. Джордан считал, что не попадет в состав, так как из-за травмы было потеряно много времени. Он рассчитывал стать шестым или даже седьмым игроком команды по ранжиру.

«Я был потрясен, когда тренер Смит написал мое имя на доске рядом с именами других игроков старта на первый матч сезона», – вспоминал Майкл.

«За 10 минут до игры к нам подошел один из тренеров и сказал, что Майкл выйдет в старте, – вспоминал Джеймс Джордан в интервью, данном спустя три года после событий. – Мы не могли поверить».

В тот день Джордан набрал первое очко в своей студенческой карьере и первое для Каролины в том сезоне, попав в корзину коротким броском в прыжке с лицевой линии по левой стороне от щита. Комментатор ESPN Бакки Уотерс заметил, что первокурсник, попавший в старт «Тар Хиллз», вызвал немалое возбуждение в рядах болельщиков, сравнивавших его одновременно и с Дэвидом Томпсоном, и с Уолтером Дэвисом.

В каждой из первых шести игр Джордан набирал двузначное количество очков. Он сразу начал демонстрировать стабильную результативность бросков в прыжке и беспримечную ловкость, с которой он проскальзывал сквозь бреши в разных зонах, открывавшихся перед игроками Каролины. Команды Смита были известны своим умением хорошо перемещать мяч, и первокурсник сразу показал, что он способен поддерживать общекомандный уровень в этом отношении. Если кто-то и начал его незамедлительно критиковать, то по большей части за то, что он предпочитал броскам проходы в зоны с целью продвинуть мяч ближе к корзине. Однако это было фирменной чертой команд Смита, они всегда пытались отыскать возможность для более меткого и легкого броска вместо того, чтобы полагаться на джамперы.

Будучи первой по рангу студенческой командой Америки, команда «Тар Хиллз» в буквальном смысле объяла всю страну в начале того сезона. После игры в Шарлотт и матча с командой Университета Южной Калифорнии в Гринсборо она провела два скоротечных подготовительных матча в Аудиториуме Кармайка. Затем отбыла в Нью-Йорк на праздники, где сыграла с «Ратгерс» в Мэдисон-сквер-гарден за неделю до Рождества. Там Джордан сумел развлечь толпу болельщиков двумя данками после контратак, набрав в общей сложности 15 очков. Через два дня после Рождества «Тар Хиллз» сошлась с классной командой Кентукки на площадке «Мэдоулендс». И вновь Майкл, казалось, позабыл о всяком давлении большого матча против высоко котирувавшегося соперника и не обращал никакого внимания на телекамеры: Северная Каролина легко выиграла, укрепив уверенность в своих силах. После этого «Тар Хиллз» махнула на западное побережье, чтобы принять участие в турнире Cable Car Classic в Санта-Кларе, Калифорния, на котором обыграла Пенн Стэйт в овертайме и разгромила хозяев турнира Санта-Клару.

Джеймс и Делорис Джордан, всерьез настроенные своими глазами увидеть каждый матч сына, следовали за головокружительным водоворотом каролинского баскетбола. Расходы на путешествия наносили существенный урон финансам семьи, но отец и мать Майкла

так замороженно наблюдали за развитием сказочной истории жизни своего ребенка, что не обращали на это никакого внимания. Впрочем, они, как и всегда, держали необходимую дистанцию. «Дин Смит действительно умело управлял кораблем команды, особенно по части общения с родителями, – объяснял Арт Чански. – Если кто-то из них начинал выдаваться, Дин тут же брал ситуацию под контроль. Джеймс Джордан был известен всем как приятный малый, искренне поддерживавший стремления сына. После матчей его всегда можно было найти в раздевалке».

Некоторые наблюдатели, следившие за развитием программы Каролины как изнутри, так и снаружи, заметили, что Джеймс и Делорис не всегда на одной волне друг с другом, но тогда никто не акцентировал на этом внимание, потому что не видел в этом проблемы. «Делорис была словно кремень, – объяснял Арт Чански. – Все говорили это с самого первого ее появления». Точно так же все видели, что Джеймс Джордан далеко не святой. Чански говорил: «Майкл равнялся на отца. Он следовал по его стопам. Свою несдержанность он в некотором смысле унаследовал от Джеймса и большую ее часть направлял в русло спорта, превращаясь в самого конкурентоспособного игрока на площадке. Там он был настоящим убийцей, чтоб вы знали».

Родители Джордана посмотрели 32 из 34 игр, что он провел в том сезоне; иногда они брали на матчи дочь Розлин. На домашние матчи из Технического и сельскохозяйственного университета Северной Каролины в Гринсборо, в котором он учился, приезжал Ларри.

Несмотря на все возраставшее возбуждение и трепет в голосах комментаторов, освещавших эти первые игры Джордана за университет, представление Майкла миру студенческого баскетбола вышло относительно невзрачным. Было очевидно, что Джордан – скоропелый талант, но страхи, вызванные его дерзким поведением вначале, уже были развеяны. Его внедрение в команду проходило гладко, так как доверие тренеров и партнеров к нему возрастало с каждой игрой. Как позже отметит Ральф Сэмпсон, причины этого следовало искать в складывающейся обстановке. «Прийти в команду, где уже играют такие ветераны, как Джеймс Уорти, Сэм Перкинс, Мэтт Доэрти и Джимми Блэк? – рассуждал центровой Виргинии. – На том этапе эти парни были игроками чрезвычайно высокого уровня. Они были голодны, жаждали стать очень-очень крутыми игроками. И тут к ним приходишь ты, первокурсник, и что тебе делать? Нужно вливаться и начинать учиться у этих ребят. Знаете, я думаю, что он взял понемногу от каждого».

Команда и правда была готова к свершениям, но тренерский штаб в том сезоне собрал состав, которому удивительно не хватало глубины. Но тогда удача весьма благоволила команде. Каким-то образом вышло так, что сезон ей удалось пройти без серьезных травм. В прошлые годы, когда в составе было больше талантливых игроков, Смита частенько упрекали в излишнем стремлении часто заменять игроков по ходу игр, что убивало ритм командной игры. В этом сезоне глубина состава почти сняла этот вопрос. Игроки старта – Джордан, Перкинс, Уорти, разыгрывающий защитник Джимми Блэк и двухметровый форвард Мэтт Доэрти – в среднем проводили 35–40 минут за игрой. Перкинс, еще один баскетболист, которому суждено будет попасть в первый раунд драфта NBA, был высоким и гибким второкурсником, отличавшимся спокойным темпераментом. Блэк считался эффективным разыгрывающим, очков он набирал мало, но был связующим звеном команды. Доэрти фигурировал как игрок амплуа, полезный в защите и стабильно набиравший по девять очков за игру. Все они реализовывали более 50 % своих бросков.

Джим Брэддок, Базз Питерсон и Сесил Экзам вносили свой вклад, выходя со скамейки, но ни одному из них не удавалось набирать в среднем даже два очка за игру. По традиции много внимания было приковано к игрокам из Нью-Йорка в лице Блэка, Доэрти и Перкинса. Уорти и Джордан были уроженцами Каролины, происходившими из очень разных по своей сути культур, пустивших корни на противоположных друг от друга концах штата.

Уорти был великолепным лидером команды, впитавшим в себя любовь к Каролине с младых ногтей. Уважительное отношение к тренерам и авторитетным фигурам он перенял от набожных матери и отца, выходцев из Гастонии, Северная Каролина, местечке недалеко от Шарлотт. Уорти посещал летние лагеря Смита начиная с подросткового возраста и был целиком солидарен с целями команды на сезон. При росте в 205 см он обладал редкими для таких габаритов быстротой и скоростью на дистанции площадки. Ни один другой игрок такой комплекции среди студентов не мог угнаться за ним. Он был из тех форвардов, кто умел добавить команде остроты в half-court²³ атаке, а кроме того, великолепно завершал быстрые контратаки точными бросками за счет своей скорости и ловких рук. Системный подход Смита оставлял его команде пространство для контратакующего маневра, вдобавок «Тар Хиллз» была скоростной командой, умевшей успешно обороняться против практически любой контратаки соперника.

²³ Позиционное наступление (в баскетболе).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.